Александр Рудазов
Арифмоман.
Червоточина
Ваши счета сочтены!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исидор Яковлевич Эйхгорн – не самый типичный обитатель планеты Земля. Незаурядный изобретатель, бывалый путешественник и исследователь аномалий. Он может собрать в гараже любое устройство, а самым интересным развлечением считает высшую математику.

Именно Эйхгорн изобрел вормолеграф – прибор, способный регистрировать пространственные разрывы. Обнаружитель червоточин. Увы, подтвердить работоспособность прибора удалось далеко не сразу, а когда наконец удалось… Эйхгорн не смог никому об этом рассказать. Ибо первая же обнаруженная червоточина перебросила его в какое-то очень странное место…

- Александр Рудазов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28

○ Глава 29
○ Глава 30

Александр Рудазов
Арифмоман. Червоточина

Внимание! Данное произведение содержит сцены курения. Помните, что курение опасно для вашего здоровья.

Глава 1

Солнце уже поднялось, но палаточный лагерь оставался тих и спокоен. Слишком хорошо вчера приняли, отмечая первый день экспедиции. Мало кому хотелось в пять утра выползать из теплых спальников.

Снаружи, несмотря на середину августа, было прохладно. Промозглый ветер развевал висящие на шесте подштанники, а термометр показывал плюс одиннадцать по Цельсию. На берегах Алдана в такую рань теплее обычно и не бывает.

Но в одной палатке все-таки зашебуршилось. Вылезший оттуда кутался в плед и недовольно обозревал мироздание из-под стекол очков.

Увиденное не доставляло ему никакой радости.

Но наружу он все-таки вылез. Зевая так, что едва не вывихнул челюсть, и чувствуя, как череп раскалывается изнутри – но вылез. Проглотил таблетку аспирина, запил водой из бутылки – и сразу почувствовал себя лучше.

Подлинно великий ум даже с похмелья остается трезвым и собранным.

Ночью прошел дождь. Кострище насквозь промокло, в забытой миске лежали грязные шампуры. Глядя на них, Эйхгорн всерьез подумал, не завалиться ли снова на боковую, но в конце концов таки принялся одеваться.

Ему до смерти хотелось курить, а делать это в лагере – поссориться с попутчиками. Коллектив, как назло, подобрался сплошь некурящий, и табачный дым всех раздражал. Не желая портить отношения, Эйхгорн смолил папиросы в гордом одиночестве.

С собой он прихватил удочку. Лагерь расположился не совсем на берегу, но достаточно близко. Пять минут по раскисшей земле – и Эйхгорн уже сидит на удобной коряге, словно нарочно уложенной кем-то у самого края.

Возможно, ее действительно кто-то сюда уложил. Местечко совсем дикое, далекое от обычных туристических маршрутов, но чем черт не шутит? Вполне мог забрести какой-нибудь рыболов, вроде того же Эйхгорна. Он сам, бывало, и не в такую глухомань забредал.

Червяков Эйхгорн копать поленился. Собрал по дороге тех, что сами выползли после дождя. Сейчас они извивались в консервной банке, служившей Эйхгорну заодно и пепельницей.

Насадив на крючок самого жирного червя и зажегши мятую сигарету, Эйхгорн почувствовал полное умиротворение. Не то

чтобы он сильно увлекался рыбалкой, однако этот процесс всегда настраивал его на благодушный лад.

И теперь, когда наш герой мирно сидит с удочкой и сигаретой, самое время рассмотреть его поближе. Исидор Яковлевич Эйхгорн, сорока двух лет от роду, кандидат технических наук, работает в конструкторском бюро. Росту не высокого, но и не низкого, телосложением худощав, однако не слишком, осанку имеет скверную, постоянно сутулится.

Голова формою напоминает сушеный баклажан – слегка удлиненная, с заостренным подбородком, тонкими губами и несколько длинноватым носом. Волос на голове не имеется – хоть с лупой ищи. Лысеть Эйхгорн начал уже в тридцать, а к сорока его макушка окончательно приобрела сходство с очищенным яйцом. Зато подбородок его и верхняя губа покрыты предлинной щетиной, которая, однако ж, не настолько длинна, чтобы именоваться бородой.

Глаза посажены глубоко, имеют блекло-голубой цвет и лишены всякого выражения. Иной раз кажется, что то и вовсе не человека глаза – скорее уж снулой рыбы. Эйхгорн чрезвычайно близорук, оттого всегда носит очки в металлической оправе.

Вокруг царила тишина. Берег в этом месте немного поднимался, защищая от ветра, а речное русло чуть изгибалось, образовывая затон. Вода в нем стояла почти неподвижно, и ее покрывала ряска. В воздухе противно гудел гнус. Вымазанный репеллентом человек был ему недоступен, и гнус бессильно злобствовал.

Скучно глядя на поплавок, Эйхгорн размышлял о том, что родился в неудачное время. Эпоха великих географических открытий давно закончилась – на Земле больше нечего открывать и исследовать. Не осталось смысла бороздить океаны и искать по джунглям затерянные города. Все уже давно нашли, нанесли на карты, сфотографировали и поставили будки с сувенирами. Разве что снежный человек еще где-то скрывается, да и то – пойди поймай его, неуловимого.

Несомненно, через несколько десятилетий начнется эпоха великих космических открытий, еще более интересная и многообещающая, но Эйхгорн до нее уже не доживет.

А путешествовать он ох и любил! Одни ездят в отпуск на Кипр или в Турцию – загорать на пляжах. Другие предпочитают Рим или Париж – гулять по музеям и выставкам. Третьим нет места милее, чем лыжный курорт или целебные воды. Однако Эйхгорн считал все это скучным, каждый год срываясь куда-нибудь в глушь на поиски неизведанного.

Тундра, тайга, пустыня, горные пики – вот куда он ездил,

отдыхая в таких местах, где и само-то слово «отдых» звучит отчасти противоестественно. Он увлекался дайвингом, рафтингом, альпинизмом, спелеологией, парашютным и планерным спортом.

Однако самым интересным для него всегда были физические аномалии. И то было не пустое любопытство. Еще десять лет назад, когда Эйхгорн чинил унитаз, ему в голову пришла идея, которая оттуда уже не ушла. Годами она развивалась и развивалась, пока не оформилась в схему, а затем получила и материальное воплощение.

Вормолеграф. Вот как этот изобретатель назвал свое детище. Он же – обнаружитель червоточин. Дыр в пространстве. Эйхгорн был абсолютно уверен, что они есть в космосе, и допускал возможность их наличия на поверхности планеты.

В микромасштабе, разумеется.

С самого института, опираясь на Эйнштейна и Шварцшильда, Эйхгорн строил собственную теорию кротовых нор. Но ему было мало теории. Он хотел пойти дальше, хотел получить фактическое доказательство. И именно для того, чтобы оное найти, он и сконструировал не имеющий аналогов измерительный прибор. Устроен тот был не сложнее, чем счетчик Гейгера, но до Эйхгорна никто до такого почему-то не додумался.

Сильнее всего эта штука напоминала крохотный осциллограф. Только у нее была еще и стрелка. Большую часть времени она оставалась в неподвижности, но иногда чуть заметно дергалась – и тогда Эйхгорн весь подбирался.

Увы, тревога неизменно оказывалась ложной. Но в этот раз, возможно… Эйхгорн потому и присоединился к этой экспедиции, что надеялся проверить свое изобретение на практике. Давно уже ходят слухи о странной аномалии в этих местах.

Вроде бы кто-то даже видел ее своими глазами.

Эйхгорн и сейчас периодически поглядывал на свой вормолеграф. Размером даже меньше наручных часов, он отлично помещался на запястье. Эйхгорн и собрал-то его в корпусе от старых спортивных часов – даже стрелку прежнюю оставил.

Пока что та не двигалась.

– Как водичка? – раздался сиплый голос.

– Теплая, ныряй, – ответил Эйхгорн, подвигаясь на коряге.

Рядом уселся Извольский. Неформальный лидер экспедиции. Формального лидера не было, поскольку считалось, что здесь все лепшие кореша и никто не главнее друг друга. Но на деле тон задавал Извольский, а остальные следовали за ним, как гусята.

– Не работает твой Е-метр? – спросил Извольский, кивая на вормолеграф.

Эйхгорн неопределенно пожал плечами. Извольский не верил в его изобретение. В общем-то, никто не верил. Эйхгорн сам был полон сомнений, временами подозревая, что вся его теория – одно большое заблуждение.

Впрочем, долго это не длилось. Если в чем Эйхгорн и знал толк, так это в вычислениях – и в своих расчетах он не видел ошибок. Нужно просто еще немного довести проект до ума… или наконец отыскать хотя бы одну настоящую червоточину.

Можно совсем крошечную.

– И не заработает, – подытожил Извольский, тоже закуривая. – Шарлатан ты, Сидор.

В отличие от Эйхгорна, он курил электронные сигареты, а обычные считал вонючим ужасом. Всех, кто с ним не соглашался, Извольский глубоко презирал и при любом случае объяснял, насколько это скверная привычка. Так, Эйхгорну он сел на уши в первый же день, но тот лишь молча смотрел снулым взглядом, и Извольскому стало скучно.

– Поймал что-нибудь? – поинтересовался он.

Эйхгорн не удостоил его ответом. У Извольского есть глаза и интеллект. Он должен видеть, что рядом с Эйхгорном нет ничего, похожего на рыбу или контейнер, в котором та могла бы находиться. Следовательно, он должен понимать, что Эйхгорн ничего не поймал. Следовательно, его вопрос – пустое сотрясение воздуха, и отвечать не имеет смысла.

– И ничего-то мы здесь не поймаем, – задумчиво молвил Извольский, выпуская клуб пара. – Зря мы сюда вообще приехали.

Эйхгорн молча смотрел на поплавок. У них с Извольским разные цели. Эйхгорн надеялся найти пространственную аномалию, Извольский – следы инопланетян. Этот прожженный уфолог уже много лет искал пришельцев по всему миру – безрезультатно, конечно.

Среди российских уфологов Извольский считался авторитетным специалистом. Верный последователь Черноброва, он написал две книги, проводил какие-то курсы для начинающих, несколько раз даже выступал по РЕН ТВ.

Эйхгорн не смотрел.

В юности Эйхгорн тоже увлекался уфологией. Потом он к ней поостыл, но связи с любителями этого дела продолжал поддерживать. Благо места их интересовали те самые, что требовались и Эйхгорну – аномальные, богатые необъяснимыми происшествиями.

Конечно, его попутчикам удача улыбалась ничуть не чаще, чем ему самому. Почти все «аномалии» после тщательного изучения оказывались просто утками.

Например, пару лет назад Эйхгорн столкнулся с интересным на первый взгляд случаем – на лесной поляне появилась странная окружность шести метров в диаметре. Трава внутри пожухла и примялась, а края опалились. С наружной стороны круга недалеко от края – четыре небольшие симметричные ямки.

След посадки НЛО!

Однако опрос местных жителей и визит в пожарную часть быстро прояснили дело. На том месте всего лишь стоял большой стог сена – он загорелся, был потушен, а остатки увезли. Углубления – следы от жердей.

И никаких сенсаций.

Бывают и целенаправленные фальсификации. Так, в прошлом году Эйхгорну показывали любопытную штуковину, похожую на те «визитные карточки», которые вкладывают в космические зонды-автоматы. Металлическая пластинка, на ней выгравирован атом водорода, двойная спираль ДНК, семь разного размера кружочков, один из которых подчеркнут, странное большеголовое существо и еще несколько непонятных значков. Хозяин пластинки утверждал, что нашел ее в собственном огороде, копая яму под сортир.

Казалось бы, сенсация, послание со звезд… но увы, оказалось, что это банальная подделка. Опрашивая соседей, Эйхгорн случайно увидел у одного из них на полке очень похожую пластинку, только с другим изображением. Припертый к стенке, парень со смехом сознался, что увлекается чеканкой по металлу, а «послание инопланетян» состряпал, чтобы разыграть приятеля. Ну и подбросил незаметно в яму, когда помогал копать.

И никаких сенсаций.

– Сидор, вот ты математик, – сказал Извольский. – Ты в тервере разбираешься?

В глазах Эйхгорна промелькнуло осмысленное выражение. Разбирается ли он в теории вероятностей? Разбирается ли… а свиньи разбираются в трюфелях?

– Разбираюсь, – со всем возможным сарказмом ответил Эйхгорн.

Извольский сарказма не уловил.

– Вот тогда скажи мне – сколько в нашей Галактике должно быть цивилизаций? По теории вероятностей?

– Задача поставлена некорректно, – сразу ответил Эйхгорн. – Недостаточно данных. Из достоверных фактов мы обладаем только данными о нашей звездной системе, причем все еще очень неполными, а также о приблизительном количестве звезд в Галактике. Также нам известно, что у большинства из них, по всей видимости, имеются планеты. Вычислить на основе этого

гипотетическое количество разумных цивилизаций не представляется возможным. Существует, конечно, уравнение Дрейка, но оно основывается исключительно на предположениях и на данный момент в принципе не проверяемо.

– Но ты согласен, что их должно быть очень много? – настаивал Извольский. – Согласен? Сто миллиардов звезд! Сто миллиардов!..

– Двести.

– Что?..

– Их по крайней мере двести, – сухо повторил Эйхгорн. – А скорее всего, еще больше. Возможно, до четырехсот.

– Четырех… – чуть не подавился Извольский. – Я, б… недоумеваю просто! Сотни миллиардов!.. И это только в нашей Галактике!.. Сколько их там должно быть, пришельцев?! Если даже хотя бы на одной из тысячи – уже сотни миллионов! На одной из ста тысяч – все равно миллионы! Ну и почему?!

– Почему что?

– Почему они с нами не контактируют?! Почему, вот ты мне скажи?!

– Навскидку могу придумать три возможных объяснения, – безразлично ответил Эйхгорн.

– Ну-ка?.. – прищурился Извольский.

– Первое, – загнул палец Эйхгорн. – Там никого нет. Сотни миллиардов звезд – это еще ничего не значит. Нам известна одна-единственная населенная планета – наша. И мы понятия не имеем, является ли наш мир нормой или аномалией. Возможно, разум или даже жизнь как таковая – настолько редкое явление, что контактировать просто некому. Возможно даже, Земля – вообще уникальный объект во Вселенной, единственный в своем роде. Или возможно, что межзвездное сообщение настолько трудно чисто физически, что все другие цивилизации тоже сидят на своих планетах, гадая – а почему с ними никто не контактирует? Также не исключено, что мы всех опередили в техническом развитии, и это как раз мы через несколько веков будем просвещать отсталых инопланетян.

– В это я не верю, – отмахнулся Извольский.

– Второе, – загнул другой палец Эйхгорн. – Мы живем в заповеднике. Возможно, у них, кем бы они ни были, запрещены контакты с малоразвитыми цивилизациями. Первая Директива и все такое. Возможно, за нами наблюдают, нас изучают, но в диалог вступать не собираются. Также возможно, что контакты запрещены не с неразвитыми цивилизациями в целом, а конкретно с Землей – по некой неизвестной нам причине.

– Ага. Это более логично. А третье объяснение?

– Третье, – снова загнул палец Эйхгорн. – Мы никому не нужны. Возможно, с нами в контакт не вступают по той же причине, по которой серьезные державы не отправляют послов к бушменам и алеутам. Возможно, мы просто ни у кого не вызываем интереса. Опять же – нас могут изучать, наблюдать… как мы наблюдаем за стаями шимпанзе, но разговаривать с нами им просто не о чем. Не доросли мы еще до контактов.

Извольский вынул изо рта сигарету и плюнул в воду. Он не считал себя не доросшим до контактов.

– Также можно сочинить множество теорий типа того, что мы живем в виртуальной реальности или окружены искусственной сферой с нарисованными звездами, но это уже явная галиматья, – закончил Эйхгорн. – А вообще-то, парадокс Ферми давно пережевали все, кому не лень.

– Да знаю я, знаю…

Извольский снова плюнул в воду и слез с коряги. Шмыгнув носом, он посмотрел на небо и буркнул:

– Дождь собирается. Пойду я к нашим.

Эйхгорн продолжал смотреть на поплавок. В его мыслях никакого Извольского рядом уже не было, а были только река и удочка.

А потом поплавок вдруг дернулся. Эйхгорна это несказанно удивило – на рыбалке ему не везло просто отчаянно, и поклевки случались только по большим праздникам. Крепко схватившись за удилище, он принялся крутить катушку.

Стерлядь. То оказалась самая настоящая живая стерлядь, килограмма в полтора весом. Лучший улов Эйхгорна за всю его жизнь. Даже выброшенная на траву, она билась еще очень долго.

Глядя на это, Эйхгорн достал диктофон и сделал аудиозаметку:

– Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время – шесть часов пятьдесят пять минут. Поймал на удочку живую стерлядь. Конец заметки.

Извольского рядом действительно уже не было, и оценить удачу Эйхгорна было некому. Он задумался, что делать с таким неожиданным уловом.

Стерлядь относится к редким видам, занесена в Красную книгу. Ловить ее специально Эйхгорн не стал бы. Но он вовсе и не рассчитывал ее поймать… честно говоря, он не рассчитывал поймать хоть что-нибудь. До сего момента он даже не знал, что стерлядь водится в Алдане.

Отпускать ее бессмысленно. Крючок сильно повредил рыбе рот, так что выживет она едва ли. Самый логичный и разумный вариант – съесть. Вряд ли уфологи откажутся от стерляжьей ухи.

Ни кукана, ни ведра у Эйхгорна не было. Так что он понес рыбу как есть, на конце лески, по дороге машинально пересчитывая костяные щитки.

Их оказалось сто шестьдесят пять.

Эйхгорн с раннего детства страдал легкой формой арифмомании. Он чувствовал буквально физическую потребность все подсчитывать, измерять и систематизировать. Мозг постоянно требовал новой информации, желал что-нибудь обрабатывать, решать и вычислять. Ребусы, шарады, головоломки занимали его ненадолго – Эйхгорн щелкал их, как орешки. Беря в руки судоку, он просто писал числа одно за другим, словно перед глазами стоял готовый ответ.

Еще в шесть лет маленький Исидор вычислил площадь всех комнат в квартире – и в том возрасте это было чертовски нелегко. Чтобы справиться со шкафами, пришлось пойти на немалые ухищрения.

Он закончил работу только через несколько дней, после чего пошел похвастаться к отцу. Папа посмотрел на листок, похвалил сына, а потом нахмурился и достал из большой коробки на серванте какие-то бумаги. Перепроверив расчеты сынишки, он издал сдавленное хмыканье, надел пальто и ушел скандалить в домоуправление.

Арифмомания Эйхгорна не требовала медикаментозного лечения. Прилагая волевые усилия, он вполне мог ее подавлять. Другое дело, что обычно он этого не делал, поскольку не видел ничего плохого в умственных упражнениях.

– Я поймал стерлядь, – заявил Эйхгорн, подходя к палаткам. – Татьяна, одолжи безмен, у тебя есть, я помню… так, а где все?..

Ответом ему было молчание. В лагере стояли только пустые палатки.

Глава 2

Эйхгорн обыскал лагерь со всей дотошностью. Не пропустил ни единой палатки, заглянул под каждый кустик, и даже на всякий случай перетряс рюкзаки.

Нигде не было ни души.

Несчастная стерлядь сразу отошла на задний план. Эйхгорн положил ее в котелок с недочищенной картошкой и принялся напряженно размышлять.

Первым делом он, естественно, попытался позвонить Извольскому или Гриневой, но смартфон грустно моргал красным крестиком. Связи не было.

Оно и понятно – такая глушь. Не так уж много найдется на планете более удаленных от цивилизации уголков. Полярные зоны разве что.

– Алексей!.. – окликнул Эйхгорн, приложив ладони ко рту. – Татьяна!.. Виталик!.. Ау, кто-нибудь!..

Прямая связь тоже результатов не дала. Если Эйхгорна кто и услышал, дать о себе знать он не соизволил.

Он крикнул еще несколько раз, но голос быстро затух среди деревьев. Лиственницы окружали лагерь сплошной стеной, и эхо в них мгновенно гасло.

Другой человек на месте Эйхгорна как минимум бы занервничал. Возможно, даже запаниковал. Но Исидор Яковлевич Эйхгорн был не из тех, кто паникует. Хладнокровный и рассудительный, любую экстренную ситуацию он воспринимал просто как задачу, требующую решения.

И сейчас он принялся ее решать.

Крови на траве нет. Не заметно и следов борьбы. Ничего не сломано, не порвано и не перевернуто. Значит, люди из лагеря ушли добровольно. По собственной инициативе или из-за некоего неизвестного фактора, но добровольно.

А судя по нетронутым вещам, уходили в страшной спешке. Даже чайник на плитке бросили. А раз вода еще не выкипела – ушли буквально пару минут назад.

Похоже, ребята ужасно куда-то торопились. Возможно, их что-то напугало.

Вспомнить о Эйхгорне они, конечно, не удосужились. Ему не оставили ни записки, ни какого-нибудь знака. Он попытался что-то определить по следам, но не преуспел.

Теперь у Эйхгорна было два варианта действий. Первый – оставаться на месте и ждать. Второй – дойти до ближайшего населенного пункта и вызвать полицию.

Эйхгорн избрал второй вариант. Ему не очень хотелось сидеть в пустом лагере и надеяться, что все просто решили пойти по грибы. В любой непонятной ситуации он предпочитал действие бездействию.

Ближайший населенный пункт – деревня Малые Дудки. Туда уфологи приехали из Якутска на машине, а уже потом – семь километров пешком по лесу. Местечко глухое, почти что брошенное – из тридцати домов больше половины пустуют, а в остальных живут в основном одинокие старики. Но телефон там есть, связаться с большим миром можно.

К тому же ребята скорее всего пошли в том же направлении. Больше просто некуда – с остальных сторон только глухая тайга. Если поторопиться, Эйхгорн может их даже нагнать.

Эйхгорн вытащил из палатки рюкзак и быстро принялся собираться. Зря, совершенно зря он вчера распаковался – но кто же мог знать?

В рюкзак полетела одежда, нижнее белье, запасная обувь, кепка, полотенце. Туда же отправились гигиенические принадлежности – от дезодоранта до зубной пасты.

Затем аптечка – Эйхгорн машинально раскрыл ее, проверяя, все ли на месте. Градусник, бинт, пластырь, хирургическая игла с нитью, жгут, йод, аспирин, цитрамон, ампициллин, валидол, супрастин, но-шпа, нашатырный спирт, пищевая сода, марганцовка и активированный уголь – кроме принятой утром таблетки все на месте.

Котелок. Полуторалитровый, на одного человека.

Компас. Надежный горный компас в водонепроницаемом футляре.

Нож выживания из нержавеющей стали. Незаменимая вещь в любой точке планеты. Лезвие с одной стороны гладкое, с другой зубчатое. В рукояти дополнительные инструменты – отвертка, открывалка, штопор, ножницы, шило, крючок, напильник и лазерная указка.

Запасная зажигалка. Газовая, почти полная.

Рулетка. Пять метров длины. Всегда пригодится в дороге.

Динамо-фонарик. Вжикаешь – светит. В зарядке не нуждается, в батарейках не нуждается – только в мускульных усилиях.

Комплект батареек. Шесть штук, нераспечатанных.

Репеллент. Сунешься без него в тайгу – станешь добровольным донором.

Зарядное устройство для смартфона. Впрочем, в тайге его подключить некуда.

Внешний аккумулятор. Для зарядки в полевых условиях, дает смартфону три дополнительных срока.

Бинокль… бинокля в палатке не оказалось. Видимо, кто-то из ребят взял попользоваться.

Шесть банок пива. Исключительно светлого – темное Эйхгорн не любил.

Девять пачек сигарет. Эйхгорн взял с собой блок, но десятую пачку уже частично выкурил.

Кулек с одноразовыми тарелками, стаканами, ложками и вилками.

Провизия. Палка сырокопченой колбасы, две сосиски (остальные вчера съели), упаковка нарезного хлеба, кусок твердого сыра, лук и чеснок, кулек гречи, кулек макарон, кулек ржаных сухариков, четыре упаковки растворимой вермишели, три упаковки картофельного пюре, шесть банок тушенки, баночка подсолнечного масла, банка сгущенки, два козинака, большая плитка горького шоколада, бутылка кетчупа, сахар, соль, перец. Растворимый кофе. Двухлитровая бутылка воды. Подумав, Эйхгорн перелил в термос кипяток из чайника.

Некоторое время он еще размышлял, не прихватить ли с собой злополучную стерлядь, но решил все же ее оставить. Подходящего контейнера для свежей рыбы под рукой нет, а класть ее в рюкзак абы как – провонять все вещи.

Спальник и палатку Эйхгорн забирать тоже не стал. Слишком долго разбирать их и укладывать. Пусть лежат – он сюда всяко еще вернется.

Не взял он и удочку.

Вероятно, еще лучше было бы вообще оставить рюкзак и пойти налегке, но это Эйхгорну почему-то не пришло в голову. Может, он просто не представлял себя в тайге без минимального комплекта необходимых вещей.

Зато ему пришло в голову, что неплохо бы прихватить и что-нибудь для самозащиты. Он точно знал, что кто-то из ребят привез ружье. Как в тайге без ружья-то? Тут и медведь может случиться, и браконьеры.

Но ничего огнестрельного Эйхгорн в палатках не нашел. Только ножи и пара топоров. Но нож у него имелся свой, а тащить топор не хотелось.

Вместо оружия Эйхгорн нашел в палатках множество ценностей. Деньги, документы, телефоны, парочка ювелирных украшений. Народ действительно уходил впопыхах, внезапно… или же планировал сразу же вернуться.

Так или иначе, все это очень-очень странно.

Некоторое время Эйхгорн размышлял, не забрать ли деньги и документы с собой, но в итоге решил ничего не трогать. На несколько километров вокруг нет ни единого человека –

маловероятно, что именно сегодня в лагерь забредет посторонний. А если ребята вдруг вернутся и не обнаружат своих вещей, Эйхгорн попадет в двусмысленную ситуацию. Могут и в мародерстве заподозрить.

Не стал Эйхгорн трогать и оборудование уфологов. Оптический телескоп на треноге, профессиональную видеокамеру, метеозонд и тот загадочный оранжевый контейнер, ключ от которого Извольский всегда носил при себе. Весит это добро немало, тащить его на себе не хочется, да и не нужно оно Эйхгорну.

Единственное, что он взял – ключи от минивэна.

И еще чей-то айпод. Но только потому, что тот валялся в траве, явно оброненный кем-то из уфологов. Нельзя же так его бросать – подплывет, испачкается, а вещица недешевая. Надо бы положить в палатку… только непонятно, в которую из четырех.

Ладно, с этим еще успеется. Эйхгорн надел рюкзак и в последний раз оглядел лагерь, проверяя, не забыл ли чего. Взгляд упал на лежащий у кострища безмен. Гринева оставила – она всегда возит его с собой, чтобы точно распределять продукты. Произведен в 1987 году, принадлежал еще ее бабушке.

Эйхгорн зачем-то поднял его, даже дернулся к своей стерляди, чтобы таки взвесить ее… но вдруг заметил кое-что на левом запястье. Вормолеграф, уже пару лет заменявший своему создателю наручные часы, проявлял активность.

– Прибор засек аномалию, – произнес Эйхгорн в диктофон, машинально бросая безмен в кусты.

Стрелка дергалась. Не так, как во все предыдущие разы, когда Эйхгорн не был уверен даже, что ему не привиделось. Нет, она явственно ходила из стороны в сторону.

Эйхгорн ожидал этого момента очень-очень долго. Но теперь, когда тот и в самом деле наступил, ему стало как-то не по себе. Поправив рюкзак, он принялся водить рукой, ища источник сигнала… и довольно быстро его нашел.

Для этого понадобилось всего лишь поднять голову.

Высоко в небе висело нечто вроде расходящегося кольца дыма. Только было оно гигантских размеров и был это не дым, а именно облако – почти идеальной формы тор. Этот облачный тор слегка светился и медленно увеличивался в диаметре – в точности как кольцо табачного дыма, выпущенное курильщиком.

Эйхгорн немедленно включил видеозапись и заговорил в диктофон:

– Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время – семь часов тридцать две минуты. Нахожусь в Республике Саха, ближайший крупный населенный пункт… черт

его знает. Хандыга, кажется. Веду наблюдение с поверхности земли. Ясно, температура воздуха – плюс четырнадцать по Цельсию, ветер северный, переменный. Наблюдаю необычное явление…

По мере того, как Эйхгорн описывал увиденное, облачный тор опускался все ниже. К тому же он перестал расширяться… более того, начал сужаться.

И Эйхгорн стоял в самом его центре.

– Пока рано судить о природе этого явления, но есть предположение, что это кротовина, – продолжал он говорить. – Постараюсь приблизиться на максимально доступное расстояние и сделать замеры.

Слишком поздно Эйхгорн понял, что оказался в ловушке. Увлеченный наблюдением, он даже не пытался отойти подальше. А когда наконец спохватился, облачный тор был уже не сверху, а вокруг него.

Стрелка вормолеграфа металась, как сумасшедшая.

– Судя по всему, неизбежен физический контакт, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Если останусь в живых, опишу ощущения подробно.

Больше он ничего продиктовать не успел, поскольку облачный тор вдруг… вспыхнул. Его края взметнулись короной голубого огня, а в центре засветилось гало, похожее на дискообразную шаровую молнию.

Эйхгорн почувствовал, как волоски на теле встают дыбом. Перед глазами все поплыло, возникло ощущение, словно земля и небо меняются местами. На какую-то секунду Эйхгорн утратил вес, а к горлу подкатил комок.

Потом раздался будто беззвучный грохот, и все исчезло.

Минут через десять к палаткам подошли шесть очень воодушевленных людей. Извольский размахивал руками, Гринева с Дроздовой тыкали пальцами в планшет, супруги Лаптевы тараторили один другого громче, а Виталик Лабартюк просто молча шагал с улыбкой до ушей. На груди у него висел бинокль.

– Потрясающее атмосферное явление! – громко восхищался Лаптев.

– Потрясающее! – соглашалась Лаптева. – Ты всё заснял?!

– Все всё засняли, успокойся.

– Но это не НЛО, – с легкой грустинкой произнес Извольский. – К сожалению.

Все согласились, что да, очень жаль, но не НЛО. Просто очень необычной формы лентикулярное облако. Явление крайне редкое и удивительно красивое, но ничего аномального в нем нет.

– Люди, мой айпод никто не видел?.. – спросил Виталик, оглядывая траву. – Выронил где-то… эй, гляньте!.. Тут рыба живая в котелке!.. Стерлядь, прикиньте!..

– А Сидор же на рыбалке был, – вспомнил Извольский. – Где он сам-то?..

– Сидо-ор!.. – крикнула Гринева.

– Сидор, ау!..

– Исидор Яковли-ич!..

Ответа не было. Только ветер трепал край опустевшей палатки.

Глава 3

Когда Эйхгорн очнулся, было уже совсем темно. Похоже, без сознания он пробыл часов пятнадцать. Во рту стоял горький привкус, как будто его только что вырвало.

Некоторое время Эйхгорн еще лежал на траве, осознавая произошедшее. Судя по тому, что он по-прежнему под открытым небом, его никто не нашел. Значит, уфологи в лагерь так и не вернулись, иначе по крайней мере перенесли бы его в палатку.

Но понемногу глаза привыкли к темноте, и Эйхгорн понял, что находится не в лагере. Палаток вокруг нет, никаких других вещей тоже. Да и место явно совсем другое. Уфологи остановились на крохотной полянке, этакой проплешине рядом с сухим овражцем. А здесь ничего подобного не видно, только сплошные ряды деревьев.

Причем не тех деревьев. Возле лагеря росла в основном лиственница, кое-где попадалась ольха. Здесь же… в такой темноте Эйхгорн затруднялся определить древесные породы, но на лиственницу это точно не похоже. Скорее уж дубы, вязы, бересклеты.

– Занимательное явление, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – По всей вероятности, моя гипотеза подтвердилась – это действительно кротовина. Не подлежит сомнению, что я переместился в пространстве. Вопрос лишь в том, на какое именно расстояние.

Вормолеграф молчал, стрелка больше не двигалась. Эйхгорн убрал диктофон и решил попробовать сориентироваться на местности.

Физические ощущения были вполне обычными. Воздух пригоден для дыхания, сила тяжести не изменилась, атмосферное давление вроде бы нормальное. Уже неплохо.

Небо ничего полезного не сказало. Слишком пасмурно – нет ни звезд, ни луны. Впрочем, сегодня предноволуние, так что луна все равно была бы почти не видна.

Смартфон работал, но сеть по-прежнему не находил. Равно как и GPS. Полная пустота.

Определить точное время тоже не удавалось – на смартфоне сбросились все настройки. Видимо, из-за прохождения через червоточину. Дисплей мигал бесполезным «0:00».

Компас указывал… куда-то. На север, понятное дело, но это знание Эйхгорну сейчас ничем не помогало.

Несмотря на то, что он очутился непонятно где, настроение у него было приподнятым. Ведь он наконец-то получил

фактическое доказательство существования червоточин. Экспериментально подтвердил функциональность своего изобретения. Это стоит того, чтобы заблудиться в лесу.

Но оставаться здесь все равно не хочется. Кому Эйхгорн тут расскажет о своем открытии – белкам и медведям?

Их, впрочем, тоже не видно. Да и гнус совсем не докучает.

Нет, надо выбираться к людям, к цивилизации. Обернувшись вокруг своей оси, Эйхгорн пристально рассмотрел все пути. Дорог и троп заметно не было, но к северо-востоку деревья росли несколько реже. В том направлении он и зашагал.

Какое-то время Эйхгорн машинально считал деревья. Дойдя до восемьдесят второго, остановился и задумался, не в силах решить, мелкое ли перед ним деревце или особо вымахавший кустарник.

В темноте было трудно разобрать.

Так или иначе, счет на этом прервался, и дальше Эйхгорн шагал уже просто так. От скуки он начал слушать айпод, но ему быстро надоело. Судя по музыке, процентов на девяносто состоящей из тяжелого металла, эта штуковина принадлежала кому-то из молодежи – Виталику или Галке Дроздовой. У современной пацанвы совершенно нет вкуса.

То ли дело старый биг-бит. Вот это была музыка.

Небо понемногу светлело. Стало ясно, что со временем Эйхгорн не угадал – без сознания он провел не пятнадцать, а все двадцать часов. Весь день и большую часть ночи.

Крепко его приложило, похоже.

Или же – он не исключал и такой вариант – кротовина переместила его куда-то в другой часовой пояс. Возможно, он сейчас где-нибудь в Финляндии или Канаде.

Лучше в Канаде. По-английски Эйхгорн говорил свободно, по-французски тоже мог объясниться. По-фински же знал только слово «perkele», причем не был до конца уверен, как оно переводится.

Эйхгорн продолжал целеустремленно шагать на северо-восток. Он понятия не имел, есть ли там что-нибудь полезное, но раз выбрав направление – придерживался его. Периодически он сверялся с компасом.

Снова захотелось курить. Эйхгорн извлек из кармана и недовольно осмотрел уже полупустую пачку. Вчера он выкурил восемь сигарет, сегодня одну. Осталось одиннадцать. И еще сто восемьдесят лежат в рюкзаке.

Запас довольно приличный. Эйхгорн не был таким уж заядлым курильщиком, в день выкуривал примерно полпачки, так что блока ему хватало недели на три.

Есть тоже хотелось все сильнее. Эйхгорн не успел позавтракать и понятия не имел, сколько времени пробыл без сознания. Но живот напоминал о себе все настойчивее.

Эйхгорн решил сделать привал и перекусить. Он в последний раз затянулся и машинально поискал глазами урну. Разумеется, в лесу ее не оказалось. Класть хабарик в карман было негигиенично, и пришлось таки загрязнять природу.

Совестно, а ничего не поделаешь.

Раньше Эйхгорн не испытывал моральных терзаний, бросая хабарики на землю. Но этой весной ему довелось на добровольно-принудительных началах участвовать в субботнике. Очищая вскрывшийся от снега газон, он, разумеется, машинально подсчитывал и систематизировал убранный мусор.

Всего там обнаружилось восемьдесят девять единиц. Из них:

Банок из-под лимонада – 1.
Трамвайных билетов – 1.
Оберток от мороженого – 1.
Оберток от шоколада – 2.
Бумажек невыясненного происхождения – 2.
Бутылочных крышек – 4.
Пачек из-под сигарет – 6.
Хабариков – 72.

После этого он невольно задумался, насколько бы чище стали города, если бы люди не курили или хотя бы не бросали хабарики на землю. Количество мусора реально уменьшилось бы в несколько раз.

Впрочем, в экстренной ситуации можно пренебречь обычными условностями. Один хабарик не сможет сколько-нибудь заметно нарушить экологический баланс тайги.

Сделав такой вывод, Эйхгорн зажег новую сигарету.

Небо совсем посветлело. Солнца за лесной стеной видно не было, но оно явно уже выбралось из-за горизонта. Так что Эйхгорн уселся завтракать.

Костра разводить он не стал, но питаться всухомятку ему тоже не хотелось. Кипяток в термосе еще не остыл – Эйхгорн залил растворимую вермишель, выждал несколько минут и принялся есть. Жевал он равнодушно, безо всякого аппетита – просто восполнял нехватку калорий.

На оставшемся кипятке он заварил кофе. Прихлебывая жидкий, почти безвкусный напиток, Эйхгорн сумрачно рассматривал ботинки. Не мешало бы их почистить и подсушить. Надо будет этим заняться во время обеденного привала.

Если, конечно, Эйхгорн к тому времени не выберется из леса.

Допив кофе и закопав под деревом пустую упаковку из-под вермишели, Эйхгорн снова взвалил на плечи рюкзак. Тот стал чуточку легче.

Оказалось, привал Эйхгорн сделал уже на краю леса. Не прошло и пяти минут, как он вышел на опушку. И вот тут-то его крепко проняло. Он даже снял и протер рукавом очки.

Выходя из леса, Эйхгорн рассчитывал обнаружить поле, реку, дорогу. Шоссе или железку. Если повезет – населенный пункт. Населенный пункт он и обнаружил… только был это ну очень нетипичный населенный пункт.

Впереди вздымалась крепостная стена. Выложенная из серого камня, с зубчатыми башенками, окруженная узким рвом. За ней виднелись треугольные зеленые кровли, а в центре – белые купола и шпили, похожие на свадебный торт.

Дворец. Самый натуральный дворец, словно явившийся из диснеевской сказки. Где бы Эйхгорн ни находился, он совершенно точно уже не в Якутии. Да и вообще для Восточной Сибири характерен совершенно другой архитектурный стиль.

Пару минут Эйхгорн просто рассматривал удивительное явление. Потом сделал несколько снимков и заговорил в диктофон:

– Будем рассуждать логически. Объяснение первое – это сон. Исключено, поскольку я удивлен. Известно, что во сне все воспринимается как должное, так что удивиться там невозможно. То же самое касается сумасшествия. Галлюцинации маловероятны, поскольку я в данный момент трезв, а вещества употреблял всего дважды в жизни, и с тех пор прошло больше двадцати лет, но этот вариант пока что полностью отбрасывать не будем.

Объяснением номер два Эйхгорн назвал монастырь. В России кое-где еще остались по-настоящему крупные монастыри, издали похожие на дворец царя Салтана. С другой стороны, о настолько огромных Эйхгорн не слышал. Да и архитектура опять же какая-то… не православная. Купола имеются, только совсем другой формы, ничуть не похожие на привычные золотые луковицы. И ни одного креста.

Объяснение третье – этнографический музей под открытым небом. Такой, где воссоздают кусочек старины. Тогда, размах, конечно, грандиозный. Эйхгорн бывал в подобных музеях – в Чувашии, в Египте, в Норвегии, – но те не тянули на большее, чем крохотное сельцо. А эта штука размером с настоящий средневековый город.

Видимо, Эйхгорн стоял на возвышенности, потому что вид

открывался изумительный. Насколько хватало глаз, город окружали поля. На одних колосилась пшеница, другие были отданы под пастбища. Примерно на полпути к крепостным стенам виднелась еще одна группа строений – небольших, приземистых. Наверное, деревенька или крупный хутор.

Монастырь ли это или музей – места однозначно далекие от цивилизации. Дороги только грунтовые, хотя покрытие неплохое. Линии электропередачи отсутствуют. Техники тоже не видно – ни легкового транспорта, ни грузового, ни тракторов.

Жаль, бинокля нет. Эйхгорн взял в экспедицию прекрасный полевой бинокль с двадцатикратным увеличением, но тот остался где-то в лесу близ села Малые Дудки.

А Эйхгорн сейчас совершенно точно в каком-то другом месте.

Нет, это не галлюцинации. И на этнографический музей все-таки мало похоже. Уже совсем рассвело, и Эйхгорн решил спуститься, взглянуть поближе.

Вон, на ближайшем поле заметно движение – коровы или другой крупный рогатый скот. Пастух гонит стадо. Он должен как минимум знать название этого населенного пункта. А если он не говорит по-русски, Эйхгорн по крайней мере поймет, что вокруг не Россия… и вообще не СНГ.

Конечно, всегда остается шанс наткнуться на не знающего языка иностранца. Или вообще немого. Но вероятность подобного незначительна, так что ее можно не учитывать.

Приближаясь к пастуху, Эйхгорн постепенно замедлял шаг. Уж больно чудно тот был одет. Явно не по современной моде. Что-то вроде короткой рубахи или удлиненной туники – белого цвета, с вышитыми зеленью узорами, похожими на оленьи рога.

Босой – это Эйхгорн заметил, подойдя еще ближе. На голове… похоже, венок. Листья вперемешку с цветами. Ростом повыше Эйхгорна, но лицом еще совсем пацан – лет шестнадцать-семнадцать. И взгляд какой-то… отстраненный.

Стремный тип. Как ни посмотри – стремный. Может, местный дурачок?

При виде Эйхгорна пастушок насторожился. А за поясом у него висел немаленькой длины кнут. Или бич – Эйхгорн понятия не имел, как это орудие труда правильно называется.

– Кто будешь, добрый человек? – окликнул пастух.

Эйхгорн открыл уже рот, но запнулся и ничего не ответил. Его мозг уловил нечто аномальное. Пастух точно, совершенно точно говорил не по-русски. И не по-английски. И ни на каком другом из известных Эйхгорну языков.

Но он загадочным образом понял каждое слово.

– Добрый человек, откуда будешь? – уже с явным

подозрением спросил пастух. – Что-то одежа на тебе чудная. Неместный, что ли?

Эйхгорн невольно опустил взгляд. Там были самые обычные куртка и брюки. Очень легкие, из мембранной ткани. Под ними термобелье – Эйхгорн всегда его носил на природе. На ногах трекинговые ботинки. На лысом черепе – панама с ремешком.

Ничего экстраординарного, но рядом с этим ряженым его одежда действительно смотрелась странно.

А потом все стало еще страннее. На дороге показались две конные фигуры. Двигались они медленной трусцой, но при виде Эйхгорна сразу встрепенулись и прибавили ходу.

– Это кто такие? – спросил Эйхгорн пастуха.

– Вестимо кто, – ответил тот. – Королевские егеря. А ты, добрый человек, в самом ли деле добрый, или я, может, ошибаюсь?

Эйхгорн задумался. Вопрос был по-настоящему сложен, и так вот сходу ответить не получалось. В любом случае сейчас мозг Эйхгорна был полностью поглощен приближающимися всадниками.

Как-то неприветливо они выглядели.

Одеты эти ребята были еще необычнее пастуха. Лошади Эйхгорна не смутили – ему и самому доводилось ездить верхом. В условиях бездорожья конь и сейчас бывает предпочтительнее автотранспорта. Но вот одежда их седоков…

На них были ярко-зеленые камзолы, похожие на гусарские. Такие же и штаны. Сапоги черные, длинные, с высокими голенищами и круглыми носками. На груди что-то вроде белых галстуков, а манжеты кружевные, тоже белые. На головах зеленые картузы с красной тульей и двумя шнурками. К поясам приторочены не то длинные ножи, не то короткие шпаги.

А главное – у обоих в руках были копья. Поначалу они держали их вертикально, словно знамена, но понемногу опускали, явно устремляя острия к Эйхгорну.

Тот не делал попыток удрать. Он сразу прикинул примерную скорость верховых, сопоставил ее с максимальной, которую мог развить сам, оценил расстояние до леса и сделал вывод, что убежать не получится. А значит, и незачем зря тратить силы.

Вместо этого Эйхгорн размеренно говорил в диктофон:

– На ум приходят два возможных объяснения – реалистическое и фантастическое. Реалистическое – передо мной историческая реконструкция или средневековый фестиваль. Фантастическое – пройдя через кротовину, я переместился не в пространстве, а во времени. Полагаю, через минуту-другую я выясню, какая из гипотез справедлива.

Всадники, которых пастух назвал «королевскими егерями», тем временем подъехали к Эйхгорну и безо всяких разговоров принялись тыкать его тупыми концами копий. Не всерьез, не с целью ранить, а так, как ребенок тыкает палочкой дохлую гусеницу. Видимо, им было любопытно, что это за нелепое существо.

В окружении всех этих ряженых нормально одетый человек и в самом деле смотрелся чертовски странно.

А Эйхгорн просто стоял со своим диктофоном, и взгляд у него был снулый. Казалось, что ему безразлично происходящее. Однако на деле он внимательно изучал ситуацию, подмечая каждую мелочь.

Например, часы. Его внимание сразу привлекли часы на запястье егеря постарше. Вроде бы явный признак современного мира – в Средневековье подобных точно не носили. Но с другой стороны – это были вовсе не механические и тем более не электронные часы, а… солнечные. Крохотные солнечные часы – с циферблатом, маленьким отвесом и шнурком-гномоном. Эйхгорн слышал о таких – если держать их в правильном положении, время определяется с точностью до четверти часа.

– Не подскажете, сколько времени? – вежливо поинтересовался Эйхгорн. Ему захотелось взглянуть, как этим устройством пользуются.

– Третья четверть первого рассветного, – ответил егерь, на мгновение поставив руку горизонтально.

Эйхгорну это ничего не сказало. А еще ему надоели легкие, но все же чувствительные тычки копьями. С тупого конца они не опаснее швабр, но все равно как-то неприятно.

Но когда он осторожно отступил на шаг, копья сразу взметнулись к лицу. И на сей раз то были острые концы – на совесть заточенные! Егеря перевернули свое оружие с какой-то даже неправдоподобной скоростью.

Глядели они при этом без злобы, но с подозрением, сильно напоминая гаишников на трассе.

– Галко, это знакомец твой, что ли? – спросил егерь у пастуха.

– Не, – мотнул головой тот. – Не знаю его.

– А откуда взялся тут?

– Да вродь из леса вышел. Но я не видал.

– Не видал?..

– Не видал. Только если не из леса – так откуда же? Тут рядом-то только лес, а дорога-то – она вон, дорога, в другой стороне совсем.

– Ага. Из леса, значит.

– Товарищи, господа, офицеры, не знаю как к вам правильно

обращаться… я, если что, сам могу за себя ответить, – подал голос Эйхгорн. – Спросите у меня самого, кто я такой.

– Ага, – медленно кивнул егерь. – Точно, можно ж так. Ты кто такой?

Эйхгорн вздохнул. Идиоты. Куда ни плюнь, везде идиоты. Человеческая глупость всегда его огорчала, но он ничего не мог с ней поделать.

– Где я нахожусь? – устало спросил он.

– А ты находишься на коровьем пастбище, – участливо ответил егерь. – Сам-то не видишь, что ли? Так вроде и очки носишь – не слепой, значит.

– Уточняю свой вопрос. Как называется этот город?

– Альбруин еще вчера назывался, – ответил егерь, переглянувшись с напарником. – Заплутал, что ли? Ну это случается. Откуда сам будешь? Куда идешь?

– Альбруин… – пробормотал Эйхгорн. Название было для него пустым звуком. – А… страна как называется?

– Так Парибул, – без малейшего удивления сказал егерь. – В самом деле заплутал, что ли? Куда идешь-то, говорю!

– А число сегодня какое? – продолжал выпытывать Эйхгорн. – День, месяц?

– Бархатный Ястреб, – недобро ответил егерь.

– Бархатный… Ястреб?.. – недоуменно переспросил Эйхгорн. – А-а… а год какой?

– Год?.. Ты не знаешь, какой сейчас год?.. Кто вы вообще такой, сударь? – уже совсем холодно спросил егерь, почему-то переходя на «вы». – Потрудитесь-ка объяснить, да поживее.

– Никто, – на автомате сказал Эйхгорн, переваривая информацию. – Я никто. Обычный человек.

Вот теперь егерей проняло! Услышав этот безобидный ответ, они отпрянули, как ужаленные. Пастушок тоже отшатнулся, едва не упав.

– Обычный человек?! – вскрикнул егерь помоложе.

– Сам признался! – гаркнул второй. – Вяжи его!

Эйхгорн не успел опомниться, как его плечи захлестнуло арканом. Егерь с силой дернул, и Эйхгорн упал.

Глотая пыль, он тщетно пытался понять, что не так сказал…

Глава 4

Оказалось, что это очень неприятно – когда тебя ведут на аркане, подталкивая в спину копьями. Вдобавок у Эйхгорна отняли рюкзак – и хорошо еще, что не стали обыскивать. Просто скрутили и погнали к городской стене.

Сопротивляться Эйхгорн даже не пытался. Один, безоружный, против двоих явных профессионалов с ножами и копьями? Вероятность победить стремится к нулю.

Да и драться-то Эйхгорн практически не умел. Он рассуждал следующим образом – чтобы действительно уметь постоять за себя, нужна прежде всего практика. Значит, нужно регулярно тренироваться, заниматься в каких-нибудь секциях. Это требует времени, и немало. При этом от ножа или пистолета не спасет все равно. Да и при численном превосходстве противника шансов будет немного.

Ну и стоит ли оно того?

Ладно бы еще Эйхгорн жил в каком-нибудь криминогенном районе, где велик риск встрять в ситуацию, но ведь нет же. За всю жизнь на него нападали только два раза. В первый раз еще в институте – какой-то шизоид просто молча подбежал, ударил в лицо, вырвал сумку и умчался. Во второй раз лет десять назад – три пьяных долдона попытались отжать коммуникатор. У них не вышло – на карте памяти было несколько очень важных файлов, так что Эйхгорн отбивался с каким-то звериным, внезапным для себя самого упорством. В итоге ему удалось таки отстоять свое имущество, но ценой двух сломанных ребер.

Два инцидента за сорок лет – вполне допустимо.

Вообще, Эйхгорн всегда был несколько фаталистом. Он считал, что подготовиться ко всему невозможно, от всех бед уберечься не выйдет. А рано или поздно так или иначе умрешь, и этого никоим образом не изменить.

Следовательно, незачем тратить силы, пытаясь объять необъятное.

Вместо этого Эйхгорн размышлял над тем, в какую эпоху его занесло. Он все сильнее уверялся, что провалился во временную дыру. Прежде Эйхгорн отметал даже теоретическую возможность путешествий во времени, ибо они противоречат элементарной логике. Но в данной ситуации сложно найти другое подходящее объяснение.

Скорее всего, средневековая Европа. Лица уж точно европейские – Азию, Африку и Америку можно смело отсечь. Россию тоже – старославянский язык Эйхгорн уж как-нибудь

распознал бы.

Правда, названия «Парибул» и «Альбруин» ничего Эйхгорну не говорили. Но он никогда особенно не интересовался средневековой географией. Возможно, это одно из крохотных германских княжеств или еще какая-нибудь Гасконь. Мало ли их было в те времена?

Очень хотелось прояснить и вопрос с языком. Эйхгорн терпеть не мог непонятных явлений. У него всегда свербело внутри, пока он не находил объяснения или хотя бы удовлетворительной гипотезы. И сейчас он усиленно ломал голову, пытаясь понять, отчего вдруг свободно говорит на явно незнакомом наречии.

Что это – какой-то побочный эффект прохода через кротовину? Непроизвольное подключение к ноосфере, «скачивание» мозгом пакета данных? Что ж, за неимением других, сойдет как рабочая гипотеза, но хотелось бы все же большего…

Пока Эйхгорна вели через предместья, на него глазел и стар, и млад. Местные тетки отрывались от своих огородов, дядьки опирались на мотыги, детвора забывала об обручах и скакалках. Все таращились на арестованного. Видимо, что-то интересное происходило здесь нечасто, так что Эйхгорн стал главным событием дня.

Он же, в свою очередь, шарил снулым взглядом по окружению, выискивая приметы эпохи. Было у Эйхгорна такое маленькое увлечение – читая книгу или смотря фильм, расшифровывать время и место действия. Место, впрочем, обычно указывалось прямым текстом, а вот время порой приходилось определять именно по косвенным признакам.

Так, в крайней прочтенной им книжке (американский детектив) герой еще в первой главе включил телевизор, и сразу стало ясно, что действие происходит не раньше пятидесятых. До этого времени телевидение даже в Штатах было редкой диковиной. Потом персонажи в диалоге упомянули Советский Союз в настоящем времени – значит, девяностые еще не наступили. Вот в разговоре мелькнул Элвис Пресли – уже знаменитый, но еще здравствующий. А вот герой подумал о Вьетнамской войне – как о закончившейся. Значит, события происходят не ранее 1973, но не позднее 1977.

Несколько таких признаков Эйхгорн уже выловил и здесь. Например, у егерей отсутствует огнестрельное оружие. Конечно, это еще ни о чем не говорит – может, им просто по форме не полагается. Тем не менее, факт в копилку.

Далее, их камзолы застегнуты на пуговицы. По всей видимости, медные. В Европе пуговицы появились только в

тринадцатом веке, причем долгое время считались предметом роскоши. Возможно, эти егеря принадлежат к элитным воинским частям и являются дворянами?

А еще им известно, что такое очки. Точное время их изобретения неизвестно, но по всей видимости – в конце тринадцатого века. Значит, Эйхгорн в позднем Средневековье – четырнадцатый или пятнадцатый век. Архитектурный стиль и мода вроде бы соответствуют, хотя в этом Эйхгорн разбирался не в пример хуже, чем в истории науки и техники.

Еще на руке старшего егеря портативные солнечные часы. Но это признак очень уклончивый – подобный инструмент встречался много где и когда. Правда, на руке его вроде бы не носили, но Эйхгорн не был полностью уверен.

Так что на этом пока все. Чтобы сузить диапазон еще сильнее, требуются дополнительные данные.

Городок при близком рассмотрении оказался не таким уж сказочным. Крепостную стену явно не ремонтировали уже много лет – была она потерта, щербата и довольно грязна. Эйхгорн не мог оценить ее высоту точно, но на глазок там было от восьми до девяти метров. Через каждые метров шестьдесят стояли круглые башни, а через каждые шестьсот – ворота. У основания стены были потолще, у верхнего края – потоньше. По дозорному пути со скучным видом прохаживались два стражника.

Через ворота Эйхгорна провели почти без задержки. Старший егерь перебросился парой слов с пожилым привратником, получил ленивый кивок и поволок пленника теперь уже по городской улочке. Была она крайне узка и извилиста, трехэтажные дома нависали с обеих сторон, практически закрывая небо.

Зевак здесь уже почти не было, на Эйхгорна никто особо не глазел. Только какие-то кумушки на соседних балконах при виде него зашептались, а потом залились дурацким смехом. И то пялились они скорее не на Эйхгорна, а на молодого егеря – тот при их виде сразу приосанился и выпятил грудь, точно глухарь на току.

Идя по городу, Эйхгорн окончательно убедился, что это не фестиваль, не музей, не киносъемка, а самая что ни на есть реальность. Вокруг не было ничего постановочного. Здания, костюмы, булыжники в мостовой – все настоящее. Люди не играют роли, а живут.

Куда же забросила его эта червоточина?

Тем временем Эйхгорна уже доставили к месту назначения. Оное оказалось во дворце, только не с главного входа, а сбоку, в небольшом флигеле. Сам дворец отсюда почти не

просматривался. Эйхгорна ввели в неприметную дверь, над которой висело что-то вроде герба – большой круглый щит и два скрещенных меча.

Внутри был обычный полицейский участок, только в средневековом антураже. Местные стражи порядка, числом четверо, носили медные доспехи, отдаленно похожие на древнеримские, вооружены были короткими шпагами, и все, кроме одного прыщавого парнишки, щеголяли длиннющими усищами.

– А эдил-то не явился еще? – спросил старший егерь, поручкавшись с седым стражником.

– Да дрыхнет, обычное дело… – махнул рукой тот.

– Опять до ночи в трактире сидел?

– А то как же… Теперь до обеда не явится. А это что у тебя за птица?

– Обычный человек! – гордо возвестил егерь. – Сам признался!

Стражники сразу подобрались, глядя на Эйхгорна с удвоенным интересом. Тот в ответ смотрел взглядом снулой рыбы. Эйхгорн понимал, что не знает чего-то, для других очевидного, поэтому решил помалкивать, пока не разберется в ситуации.

Впрочем, его никто ни о чем и не спрашивал. Егеря распрощались, сняв с Эйхгорна свой аркан, а двое стражников бегло его обыскали. Зажигалка и диктофон не вызвали у них интереса, а остальные вещи лежали во внутренних карманах – туда стражники почему-то не заглянули. Также они внимательно осмотрели пояс, явно ища оружие, но из оного у Эйхгорна был только нож в рюкзаке.

Потом его взяли под локотки и повлекли вниз по лестнице. Там располагалось очень аутентичное подземелье на девять камер – Эйхгорн машинально их сосчитал. Пять пустовали, в шестой, с распахнутой дверью, пьяно храпел толстый стражник без доспехов, в седьмой жевал соломинку приличного вида господин, в восьмой пригорюнилась размалеванная девица очевидной профессии, а в девятой сидел парень в заплатанной одежде, с синяком под глазом.

Эйхгорна втолкнули в угловую. Камеры располагались группами по три, от прохода и друг от друга отделялись не стенами, а решетками, так что узники были как на ладони. Из обстановки – только кучи прелой соломы, да мятые медные горшки. Судя по характерному запаху – местный вариант параши.

– Тут пока побудешь, – махнул рукой стражник. – Эдил придет, разберется.

Гремя ключами, он замкнул дверь. Тем временем его напарник не без труда растолкал толстяка, спящего в камере напротив. Тот спросонья гундел и махал кулаками, но в конце концов соизволил подняться и вывалиться наружу. Двое других стражников тоже вышли, и в подземелье стало тихо.

– Чьи дела, браток? – тут же прошипели из соседней камеры.

Эйхгорн вяло повернул голову. На него пристально таращился парень с фингалом.

– Чьи дела, спрашиваю! – чуть повысил голос он.

– Какие еще дела? – переспросил Эйхгорн.

– А-а, я-то уж решил… – сразу потерял интерес узник.

Ну вот опять. Одна фраза – и Эйхгорн сразу выдал в себе чужестранца, ничегошеньки не знающего о местной культуре. И он, хоть убей, не мог понять, что же он такого сказал.

– Так если ты Пролазе не киваешь, за что тебя сцапали? – все же спросил сосед.

Эйхгорн задумчиво поглядел на него. Он вновь ни черта не понял. Но источников информации здесь было немного, так что он решил попробовать выжать что-нибудь из этого.

– Тебя самого-то за что взяли? – спросил он.

– Э, слышь, халат, я первый спросил!

– Ты мне не хами, – хмуро сказал Эйхгорн. – Я тебе в отцы гожусь.

– Не-а, не годишься, – противно хихикнул парень. – Мне такой отец на кир не сдался.

Эйхгорн посмотрел на него снулым взглядом. Еще один идиот. Почему-то Эйхгорна везде окружают идиоты. Иногда просто опускаются руки.

– Не хочешь говорить – не говори, – пожал плечами он.

– Да не, чего уж, – снова хихикнул парень. – Я индивид честный, тайн не имею. За браконьерство меня сцапали.

– За браконьерство?.. – удивился Эйхгорн.

– Ага. Оленя на корольковском двору в монахи постриг. Теперь в барабан бить будут, дело известное. Мне уж не впервой, вся спина в полосочку. Теперь ты мойся, за что тут.

– Не знаю, – неохотно сказал Эйхгорн.

– Э, халат, договорились же!

– Я в самом деле не знаю. Просто так взяли и арестовали.

– Не, халат, гутанишь. Совсем просто так даже корольковская стража не пыхтит. Что-то да есть.

– Нет ничего, – раздраженно ответил Эйхгорн. – Они меня спрашивают – ты кто, я отвечаю – никто, обычный человек…

– Э-э-эй!.. – выпучил глаза сосед. – Ты чо, халат?! Ты вправду обычный человек?! Не гутанишь?!

– Так. Чего я не понимаю? – сдался Эйхгорн. – Что такое «обычный человек»? Что я не так сказал?

Парень с фингалом еще пару минут хекал и фыркал, явно считая, что Эйхгорн придуривается. Но когда наконец поверил, то расплылся в улыбке и снисходительно сказал:

– Ну ты и дурачина, халат… Музыку не знаешь, что ли?

– Музыку?..

– Музыку, музыку. По-воробьиному чирикаешь?

– Феня, что ли? – дошло до Эйхгорна.

– Чего?..

– Не ботаю я по фене… в смысле, музыки не знаю.

– Ну так и что? Кто такие «обычные люди», все знают, это и без музыки ясно.

– А я вот не знаю. Кто это?

– Вестимо кто. Борота.

– А это что такое?

– И этого не знаешь?.. – недоверчиво протянул узник. – Борота, халат, это такие людишки, что всякими злыднями на жизнь промышляют. С купцов дань сбирают незаконную, непотребных девок разводят, картежные дома содержат, травкой дурманной торгуют…

– Мафия, что ли?

– Такого слова не слышал. Борота. Все, кто в ней состоит, деньгу всякими злыднями промышляют и самому главному в бороте подчиняются – его у нас Дедулей кличут. Так что ты, халат, усвой наперед – «обычным человеком» называться не моги. Вишь, как стража на дыбки-то сразу поднялась. Наш королек у себя людей Дедули видеть не может.

Найдя в Эйхгорне благодарного слушателя, парень – назвался он Вигальхом – охотно выложил все, что когда-либо слышал о бороте. Как оказалось, в королевстве Парибул ее отродясь не водилось, но слухов ходило много, и боялись эту бороту нешуточно.

Порядок у этих местных мафиози оказался строгий, почти военный. Нижнее звено называлось внучка́ми и вну́чками – рядовые исполнители, шестерки. Над ними стояли сынки и дочки – бандиты посерьезнее, десятники. Еще выше были папаши и мамаши – уже реальные авторитеты. Ну а всю семью возглавлял Дедуля или Бабуля – большой босс, пахан. Борота делилась на множество кланов, каждый из которых имел своего Дедулю.

Рассказывали также о некоем Короле Ночи, таинственном пахане паханов, который вроде бы правил всей Обычной Семьей в мире. Но это, скорее всего, были просто байки – ничего конкретного об этом типе никто не знал.

Поняв, за кого его принимают, Эйхгорн несколько помрачнел. Вокруг Средневековье, расследование никто проводить не станет. Просто устроят допрос с пристрастием, сунут пальцы в тиски – и через несколько минут Эйхгорн признается, что состоит в Братстве Сатурна, живет в Новой Швабии и лично ответственен за убийство Листьева, развал СССР и вымирание динозавров.

Хотя, может, не сунут? В Средневековье тоже порядки в разных странах были очень разные – где-то пожестче, где-то помягче. Эйхгорн стал выпытывать у соседа по заключению, какая система принята в королевстве Парибул – и тот охотно поделился.

Оказалось, что темница здесь в качестве меры наказания не используется. Только как «аквариум». Об этом Эйхгорн, впрочем, уже и сам догадался – для долговременного заключения эти закутки подходили плохо, да и узников было всего ничего.

Вообще же наказания бывают разные. За мелкие преступления обычно дают палок («бьют в барабан») или привязывают на денек-другой к позорному столбу. За воровство отрезают ухо. Поджигателям выкалывают один глаз. Насильников кастрируют. Убийц клеймят и ссылают на вечную каторгу. Причем куда-то за границу – своей каторги в Парибуле нет, королевство очень маленькое.

Ну а казнят только за совсем уж из ряда вон выходящее. Измену родине, покушение на короля… на памяти того же Вигальха подобного еще не случалось ни разу.

Что делают с членами бороты – реальными или надуманными, – Эйхгорну выяснить не удалось. Не водилось подобных в Парибуле. Наверное, и прецедентов пока не было.

Издали донесся приглушенный звон колокола, и сразу после в замке загремели ключи. Сопя и ругаясь, ввалился тот самый толстый стражник, что раньше спал в одной из камер. Глядя осоловелым взглядом, он принялся совать меж решеток глиняные миски и кувшины.

Похоже, наступило время обеда.

В кувшине оказалась самая обыкновенная вода. В миске – две вареные картофелины, холодный кусок жареного мяса и сухая лепешка. Вполне приличная кормежка для тюрьмы. В юности Эйхгорну довелось провести по недоразумению ночь в питерском «обезьяннике» – там кормили заметно хуже.

Есть Эйхгорну хотелось уже порядком, поэтому он смолотил половину тюремной пайки, прежде чем сообразил, что именно ест. Картошка. Несомненная картошка. Значит, он сейчас где угодно, но только не в средневековой Европе. До открытия Америки картошку в Европе в глаза не видали.

Хотя… Эйхгорн повернулся к Вигальху и спросил:

– А какой сейчас год?

– Паршивый сейчас год, – вздохнул тот, жуя лепешку. – Простому индивиду и не вздохнуть. Королек совсем зажал. Оленя в лесу не бей, косулю не бей, мельника пузатого тоже не бей – он, сволота, сразу егерей кличет…

– Я про номер спрашиваю, – раздраженно переспросил Эйхгорн. – Число сегодня какое, число?

– Да я не помню, – пожал плечами Вигальх. – Ястреб… то ли Бархатный, то ли Медный уже…

– А год? Год какой? – терпеливо добивался Эйхгорн.

– Да мне почем знать? Это пусть монахи считают – им больше заняться нечем.

– Сейчас тысяча пятьсот четырнадцатый год, – донеслось из клетки напротив.

То подал голос господин приличного вида. Все это время он помалкивал, но, похоже, прислушивался к разговору.

Эйхгорн задумался. Тысяча пятьсот четырнадцатый – это уже после открытия Америки. Правда, картофель в Европу впервые привезли только в середине шестнадцатого века, а в пищу употреблять начали и еще позже… чертовски все это странно.

– Уважаемый, вы сказали, что сейчас тысяча пятьсот четырнадцатый, – обратился Эйхгорн к приличному господину. – А это по какому летоисчислению?

– По астучианскому. Тысяча пятьсот четырнадцатый Новой эпохи.

Эйхгорн задумался еще сильнее. Ему уже хотелось во что бы то ни стало определиться с временем и местом, поэтому он стал спрашивать прямо. Одно за другим он называл страны, исторические события, великих личностей – но оба его соседа по заключению только пожимали плечами.

Браконьер и приличный господин ничего не знали ни про Россию, ни про Францию, ни про Англию, ни про Испанию, ни про Римскую империю. Им ничего не говорили имена Цезаря, Александра Македонского, Аттилы, Карла Великого, Рюрика, Чингисхана, Магомета.

Окончательно Эйхгорн убедился, когда спросил о Христе. В Европе – что средневековой, что современной – об этом мифологическом персонаже все как минимум слышали. Для присутствующих его имя оказалось пустым звуком.

Значит, это точно не Европа.

А что же тогда?

Объяснение первое – Эйхгорна занесло в невероятно глубокое прошлое. Некие допотопные времена – до христиан, до римлян,

до вообще описанной истории. Какие-нибудь древние этруски. Пикты. Хайборийская эра. Аквилония короля Конана. В юности Эйхгорн пережил краткое увлечение романами Говарда, а на память он никогда не жаловался.

Объяснение второе – это другая часть планеты Земля, не имеющая связей с Европой. Но какая? Восточная Азия, Африка, Америка и Австралия исключаются – достаточно взглянуть на лица окружающих. Кавказ и Ближний Восток тоже маловероятны – да и с Европой они совсем рядом, хоть что-то знать о ней должны. Лапландия или еще какой-нибудь глухой север? Нет, климат явно не тот… разве что лето выдалось на редкость теплым.

Да и опять же картошка…

Объяснение третье – Эйхгорн на другой планете. Червоточина забросила его гораздо дальше, чем он предполагал. Это объясняет все… и ставит кучу новых вопросов. Почему на другой планете живут точно такие же люди, как и на Земле? Почему здесь растут очень схожие формы растительности, включая злосчастную картошку? И почему Эйхгорн свободно говорит на местном языке?

– Что это за мясо, не знаешь? – спросил он у браконьера, почти доевшего свою пайку.

– Говядина. Сам не чуешь, халат?

Говядина. Эйхгорн так и подумал, но хотел убедиться наверняка. Значит, животные здесь тоже водятся земные – как минимум коровы. Может ли быть такое, чтобы экосистемы разных планет имели столько совпадений?

Теоретически возможно, но крайне маловероятно.

Эйхгорн продолжил выпытывать информацию у приличного господина, но тому все это уже прискучило. Он отвечал вяло, жевал соломину и глядел в потолок. Браконьер же в качестве источника сведений никуда не годился, ибо набором знаний обладал узким и специфическим.

К тому же оба они теперь все настойчивее задавали вопросы уже Эйхгорну. Кто таков, откуда взялся, почему так странно одет. Расскажи да расскажи.

Эйхгорн же сам толком еще не разобрался, как сюда попал, да и неохота ему было откровенничать со случайными людьми. Поэтому он перевел разговор на приличного господина – мол, странно видеть кого-то подобного на куче грязной соломы. Тот сразу же согласился, что ему здесь не место.

Оказалось, что этот господин – его звали Ольгре Шамтуан – лицо благородной крови, шевалье. Точнее, свой титул он назвал как-то иначе, но Эйхгорну услышалось именно «шевалье».

Родился и живет в соседней стране, Кинелии, а в Парибул прибыл на встречу с дамой своего сердца. Однако отношения между Парибулом и Кинелией сейчас скверные, граница на замке, а Шамтуан, так уж вышло, забыл получить официальное разрешение на въезд.

Ну его и арестовали за шпионаж.

– Конечно, они во всем разберутся и меня отпустят, – вяло сказал он. – Мой дядя – свояк парибульского коннетабля. Как только придет эдил…

– Ишь, ваша светлость… – насмешливо раскланялся Вигальх. – Ничего, что я сижу?..

– Просто мессир, – равнодушно ответил Шамтуан. – Это мой дядя – светлость, он маркиз.

– Богатый, небось. По какому адресу изволит проживать дяденька?

Шамтуан ничего не ответил, смерив Вигальха недобрым взглядом. Его рука невольно опустилась к поясу, где раньше явно висело какое-то оружие.

– Ну а с этой трясогузкой и так все ясно, – кивнул Вигальх на грустную девушку в дальнем конце темницы. – Работает у тетушки Сромм, хе-хе, их все время сюда таскают…

– Я массажисткой работаю, флейтист! – вскинулась девушка. – В салоне тетушки Сромм делают фельский массаж! И все!

Вигальх снова хихикнул и без обиняков сообщил, какое место у него не мешало бы помассировать. Девушка в ответ плюнула в него, но не попала.

В замке опять загремели ключи. На сей раз явились двое стражников – пожилой и молодой. Они почтительно вывели из клетки приличного господина, и пожилой сказал:

– Мессир Шамтуан, ваше благородие, эдил готов вас принять. Прошу сюда. Голову пригните, тут косяки низкие.

Обратно приличный господин уже не вернулся – то ли отпустили, то ли отправили еще куда-то. Стражники же вернулись примерно через полчаса и вывели из клетки теперь уже размалеванную девицу. С ней обращались менее почтительно, хотя без грубости. Молодой виновато бубнил:

– Линнеска, ну пойми, ну я же не мог тебя своей волей-то выпустить, ну пойми, я же не могу, мне же влетит, пойми, мало ли что там, ну эдил же орать начнет, ты же сама, ну пойми, Линнеска…

Эта обратно тоже не вернулась. Стражники же явились и в третий раз, вытащили из клетки Вигальха – уже без малейшей почтительности – и поволокли под локотки. Пожилой сердито

сказал ему:

– Все, родной, хватит казенную солому пролеживать. Получишь пятнадцать палок, и больше чтоб я тебя тут не видел.

– Хе-хе, – только и ответил браконьер. – Бывай, халат!

Теперь Эйхгорн остался один. И на сей раз стражники не спешили возвращаться. Прошло уже больше часа, а за дверью было тихо.

Развлечься было абсолютно нечем. Смартфон Эйхгорн не трогал – заряд аккумулятора снизился уже до сорока процентов, а к розетке доступа в ближайшее время не предвидится. В рюкзаке лежит внешний аккумулятор, но рюкзак отобрали. Так что лучше поберечь прибору энергию – может пригодиться для чего-нибудь поважнее, чем утоление скуки.

Но информационный голод мучил уже не на шутку. Мозг настойчиво требовал работы – а работы для него здесь не было.

Значит, опять придется заниматься бессмысленными вычислениями.

Глава 5

Сначала Эйхгорн измерил площадь своей камеры – пятьсот шестнадцать квадратных сантиметров. Вместо линейки он пользовался собственными ступнями, пальцами и фалангами – все размеры своего тела Эйхгорн знал наизусть. Видно было, правда, плохо – темница освещалась только двумя чадящими факелами, – но Эйхгорн справился.

Потом он взялся измерять объем, но с ним оказалось потруднее. Рост Эйхгорна – сто семьдесят пять сантиметров. С поднятыми вверх руками – двести тридцать. Однако до потолка оставалось еще сантиметров семьдесят, и измерить этот остаток точно не удавалось. Эйхгорн просто не мог туда вскарабкаться – прутья слишком гладкие и скользкие. И у него не было никакой палки или иного достаточно длинного предмета.

В конце концов Эйхгорн прибег к окольным методам. Стена была кирпичной – он измерил один кирпич, сосчитал их количество, и таким образом узнал высоту камеры – триста два сантиметра. Но все равно остался недоволен – растворные швы имели разную толщину, так что результат получался приблизительный.

Эйхгорн не любил приблизительные результаты. Понятно, что далеко не всегда возможно получить точный результат, но все эти «плюс-минус сто километров» его раздражали. По этой самой причине он терпеть не мог иррациональные числа.

Если верить легенде, Пифагор приказал утопить ученика, который доказал, что корень из двух невозможно выразить рациональным числом. Эйхгорн до таких крайностей не доходил, но иррациональные числа ему тоже не нравились.

Особенно он не любил число пи. Он всегда считал его ужасно неаккуратным. Ему казалось, что было бы гораздо лучше, если бы оно равнялось трем. Или хотя бы просто было рациональным. Это упростило бы массу разных вещей.

Но математика – не знающая жалости тварь…

Впервые Эйхгорн столкнулся с числом пи еще в семь лет, когда захотел выяснить отношение длины окружности к ее диаметру. Он начертил циркулем круг, измерил ниткой длину окружности, измерил линейкой диаметр – и разделил одно на другое. Так он самостоятельно получил число пи – оно было равно 3,128125.

В том возрасте Эйхгорн еще не знал о такой штуке, как погрешность измерения.

Когда наконец стражники пришли и за ним, Эйхгорн

пересчитывал кирпичи. Он так увлекся этим, что не среагировал на открывшуюся дверь. Стражник взял его за плечо, но Эйхгорн только раздраженно поморщился.

– Секунду!.. – попросил он. – Секунду!.. сто сорок шесть, сто сорок семь… сто сорок восемь!

– Чего сто сорок восемь? – не понял стражник.

– Кирпичей.

– Ты что, считал кирпичи?.. – озадаченно моргнул стражник. – Ты что, сумасшедший?..

– Нет, просто арифмоман, – неохотно признался Эйхгорн.

– Арифмомант?.. – недослышал стражник. – Это что, вроде некроманта?.. Магия такая?

– Ага, магия чисел, – саркастично хмыкнул Эйхгорн.

– Так вы волшебник, мэтр?.. – удивился другой стражник. – А зачем же обычным человеком назвались?..

Эйхгорн задумчиво посмотрел на этих двоих. Выражения их лиц заметно изменились. И на «вы» перешли как-то очень резко. Похоже, народ здесь суеверный.

Может, и в самом деле выдать себя за волшебника?

– Ладно, волшебник или не волшебник, а порядок для всех один, – дернул Эйхгорна из камеры первый стражник. – Эдил разберется.

Эйхгорн тоже решил, что общаться лучше сразу с начальством, потому на время смолк. Его вывели из темницы и доставили на второй этаж, в небольшой, по-спартански обставленный кабинет. Голые кирпичные стены, замкнутый на тяжелый замок сундук, распахнутое настежь окно и стоящий возле него стол. Из предметов на нем были только чернильница с разлохмаченным пером, похожая на конторскую тетрадь и белый цветок в горшке. Его стебель странным образом изгибался почти под прямым углом.

А за столом восседал тот самый эдил. Примерно одних лет с Эйхгорном, невысокий, полноватый, одетый в зелено-алый кафтан с кружевными брыжами и пышными рукавами. Взгляд он имел сонный, левую щеку подпирал кулаком и выглядел, как человек, которому давно все в этой жизни осточертело.

– Это и есть ваш обычный человек? – безразлично осведомился эдил. – А что-то не похож…

Стражник подошел к нему сбоку и тихо зашептал. Эйхгорн навострил уши, но так ничего и не расслышал. На всякий случай он снял панаму.

Впрочем, о смысле сказанного догадаться было нетрудно. Эдил недоверчиво хмыкнул, осмотрел Эйхгорна уже с чуть большим интересом и спросил:

– Волшебник, говоришь?.. А доказать сможешь?

К этому вопросу Эйхгорн был готов. Пока его сюда вели, он незаметно спрятал в кулаке зажигалку, выкрутив редуктор на максимум. У Урфина Джюса же получилось таким образом выдать себя даже не за волшебника, а за целого Бога Огня.

И когда он чиркнул колесиком, эдил действительно удивленно хмыкнул. Для неискушенного человека поднимающееся из руки пламя смотрелось самой настоящей магией.

Правда, одним коротким хмыканьем дело и ограничилось. Эйхгорн даже почувствовал себя немного уязвленным. Он ожидал более бурной реакции.

– Ну надо же, волшебник, – покачал головой эдил. – А зачем обычным человеком тогда назвался?

Эйхгорн подготовился и к этому вопросу. Стараясь быть как можно убедительнее, он изложил все как есть. Мол, ничего плохого в виду не имел, слова употребил в их буквальном смысле. Типа там, откуда он родом, о бороте знать не знают, и выражения такие не в ходу.

– Вот оно как… – все еще с сомнением кивнул эдил. – Ну случается, конечно… а с какой целью к нам, в Парибул?

– Надеялся поступить на королевскую службу, – бухнул Эйхгорн.

Эдил подпер руками голову и посмотрел на Эйхгорна уже слегка заинтересованно.

– На службу?.. – протянул он. – Интересно, интересно… А почему именно к нам?

– Слышал много хорошего о вашем королевстве и его короле, – соврал Эйхгорн не моргнув глазом.

– Правда, что ли?.. – вытаращился на него эдил.

Эйхгорн кивнул. Он здорово рисковал – а ну эдил спросит, что именно он слышал? – но терять было уже нечего.

Однако эдил не спросил. На Эйхгорна он глядел с изумлением, но уголки его губ невольно приподнялись. Похоже, королевство Парибул нечасто баловали похвалой.

По всей вероятности, и не за что. Из разговоров сокамерников Эйхгорн сделал вывод, что Парибул – жуткая дыра, абсолютно ничем не интересная и не знаменитая.

Но оно и к лучшему. Даже хорошо, что тут ничего не происходит – будет проще во всем спокойно разобраться. Неизвестно пока, что за человек здешний король, какую политику проводит, но вроде бы не деспот – а это уже неплохо.

Вообще, Эйхгорн всегда был абсолютно аполитичен. Он не поддерживал власть и не протестовал против нее. Очевидно же,

что ни один разумный человек не станет заниматься политикой. Следовательно, все политики – идиоты.

А если все они идиоты – не имеет значения, какой конкретно идиот находится у власти.

Эдил тем временем принял решение. Очень внимательно глядя на Эйхгорна, он медленно кивнул и сказал:

– Ладно, мэтр, будь по-твоему. Устрою тебе завтра аудиенцию с их величеством.

– А сегодня нельзя?

– Сегодня их величество уже не принимают, – кивнул на часы эдил. – Аудиенции для просителей – с пятого рассветного по второй полуденный. А сейчас его величество уже в парной должно лежать – Бархатный день же. И давай-ка ты, мэтр, расскажи мне вначале, кто ты есть вообще. Для порядку. Как звать-то хотя бы? Имя там, фамилия…

– Исидор Яковлевич Эйхгорн, – представился Эйхгорн.

– Исидоряка… – зачиркал перышком эдил. – Ну и имечко… Дата рождения?

– Двадцать первое ноября тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

– Ноября?.. Это что такое?

– Месяц. Я из очень далекой страны, у нас месяцы другие.

– И летоисчисление другое… – подметил эдил. – Тыща девятьсот… это по какой же хронологии?

– По Скалигеру и Петавиусу.

– Хм… ладно… И сколько же тебе лет по этому петавесу?

– Сорок два.

На этом месте Эйхгорн немного напрягся. Если это другая планета, годы могут быть другой продолжительности. Если они заметно длиннее или короче земных…

Но нет, эдил совершенно спокойно записал число в тетрадь. Значит, разница если и имеется, то не слишком значительна.

– Происхождение? – продолжил анкетирование эдил.

– Прошу перефразировать вопрос, – ответил Эйхгорн после краткого раздумья.

– Благородное, неблагородное?..

– Увы, быдло-с, – развел руками Эйхгорн.

– Хм… родители?..

– Отец – Яков Иосифович Эйхгорн, стоматолог, родился 11 сентября 1946 года. Мать – Людмила Васильевна Эйхгорн, в девичестве Прохорова, театральный критик, родилась 6 марта 1949 года.

Эдил едва коснулся пером бумаги. Похоже, поставил прочерк.

– Родная страна и город?

– Советский Союз, Ленинград. Сейчас – Российская Федерация, Санкт-Петербург.

– Никогда не слышал, – равнодушно ответил эдил. – Не работаешь ли на какую-нибудь враждебную державу, не замышляешь ли каких преступлений, не планируешь ли нанести некий вред королевству Парибул и его славному королю Флексигласу?

– А что, кто-то признается? – саркастично спросил Эйхгорн.

– Никто не признается. Нет в этом мире честных людей.

– Все врут, – посочувствовал Эйхгорн.

Эдил печально вздохнул. Накарябав еще что-то у себя в тетради, он пробежался по тексту глазами, снова вздохнул и вяло махнул рукой.

– Отведите мэтра в нумер для почетных, – велел эдил стражникам. – И ужин там подайте, что ли… получше что-нибудь найдите, а не то, чем мы обычно кормим.

Стражники снова взяли Эйхгорна под локотки, только теперь вежливо, как буйнопомешанного, но при этом горячо любимого дедушку. И отвели уже не вниз, в темницу, а на этаж выше, где обнаружилась отдельная камера – маленькая, но чистая.

И даже с окном. Располагалось то, правда, под самым потолком, так что смотреть в него можно было, лишь подтянувшись на прутьях.

Ужин тоже оказался лучше. По составу он не отличался от обеда, но картошку очистили от шелухи, мясо подогрели, а лепешку намазали чем-то вроде сырного соуса. Еще бы банку пива – и можно жить.

Но спиртного Эйхгорну не предложили. В кувшине была все та же вода – хотя свежая и прохладная. Запивая ей мясо с картошкой, Эйхгорн задумчиво оценил вкус трапезы. Чем-то он отличался от привычной земной пищи. Неуловимые, чуть заметные, но все же отличия.

Нетрудно догадаться, чем именно – отсутствием пищевых добавок. Здесь еще не придумали глутамат натрия и другие вещества. Ароматизаторы, консерваторы, красители, усилители вкуса – ничто подобное еще не применяется.

Жаль. С ними вкуснее.

Эйхгорн съел свой ужин и улегся на солому – размышлять о дальнейших планах. Выдавая себя за волшебника, он действовал больше по наитию. Просто не было времени принять взвешенное решение. Конечно, стоило предварительно выяснить побольше об этой стране, о здешних порядках… вдруг оказалось бы, что волшебников тут жгут на кострах?

Но вроде бы таки нет. Пока что Эйхгорн от своего

мошенничества только выиграл. Теперь хорошо бы убедить и короля, что он действительно волшебник…

Надо обдумать завтрашнюю презентацию. Одного фокуса с зажигалкой может и не хватить. Еще у Эйхгорна в карманах есть смартфон, диктофон, айпод… и сигареты. Интересно, впечатлит ли местных дым изо рта? Янки из Коннектикута, помнится, ужасно напугал этим артуровских бриттов…

Вернуть бы конфискованный рюкзак. Интересно, что они с ним сделали? Эйхгорн подозревал, что большую часть вещей уже никогда не увидит. Особенно жалко нож, аптечку и все те же сигареты. Вряд ли на этой планете растет табак.

Вот о пиве Эйхгорн особо не сожалел. Что-нибудь алкогольное уж верно найдется и здесь. От толстого стражника, например, явственно разило спиртным.

А даже если вдруг ничего не найдется – перегонный аппарат Эйхгорн сделать сумеет. Инженер-конструктор по профессии, талантливый изобретатель и любитель сложных вычислений, он был из тех людей, что своими руками собирают автомобили.

Конечно, здесь автомобиль собрать не удастся. Просто не те условия – нет нужных материалов, нет инструментов… ничего нет.

Хотя, если вдуматься… а почему нет, собственно? С «мерседесом» и даже «запорожцем», понятно, ничего не получится, но какую-нибудь паровую тележку Эйхгорн вполне соорудит. Не сразу, не в один присест, но если начать с малого и постепенно двигаться вперед…

В конце концов, самые первые автомобили создавались в условиях пусть и не средневековых, но немногим их превосходящих. Кулибин построил самодвижущийся экипаж еще в восемнадцатом веке!

Это все нужно как следует обдумать. Для начала выяснить, какие возможности предоставляет этот мир. Что есть в наличии, какие уже сделаны изобретения, в каком состоянии промышленность.

Определившись – действовать в соответствии.

За окном уже смеркалось. Источников света в камере не было, а день выдался долгий и утомительный. Эйхгорн поднял к лицу запястье, удостоверился, что стрелка вормолеграфа не движется, и устало закрыл глаза.

В сон он провалился почти сразу же. Но почти сразу же из него и выпал. Снаружи раздался ужасный звон, как если б кто-то дубасил в медную колотушку.

Подтянувшись к окну, Эйхгорн увидел, что именно так и есть. Два стражника шли по улице, причем один колотил в мятый

овальный гонг, а другой размахивал факелом и орал во всю глотку:

– Спокоооойной нооооочи!!! Всеем спокоойной нооооочи!!! Приятных сноооооооов!!!

– Наблюдение, – произнес Эйхгорн в диктофон. – Народ здесь живет дурной. Возможно, я все-таки на Земле.

Глава 6

Когда Эйхгорн проснулся, в окно уже лились солнечные лучи. Снаружи доносились приглушенные голоса, а у двери стояла чашка воды, накрытая краюхой хлеба, смазанной чем-то вроде овощного соуса.

Эйхгорн включил смартфон. Заряда уже только тридцать пять процентов. И, разумеется, по-прежнему никакой связи. Он не перенесся за время сна обратно на Землю.

Интересно, сколько времени? Эдил обещал аудиенцию в пятом рассветном часу… надо будет при случае выяснить, сколько их всего. И вообще какой тут длины час. Сутки по ощущениям такие же или почти такие же, как дома.

Включив диктофон, Эйхгорн принялся надиктовывать пришедшие за ночь мысли. Делать аудиозаметки давно уже вошло у него в привычку, и маленький диктофон всегда лежал в нагрудном кармане. Конечно, у смартфона тоже есть такая функция, но он досадно быстро разряжается. Розетка в экспедиции – роскошь.

А диктофон работает от батарейки. Одной-единственной штуки хватает на тридцать семь часов работы. И в рюкзаке еще шесть запасных.

Прошло еще часа два. Эйхгорн измерил площадь и объем новой камеры (7,98 $м^2$ и 23,06 $м^3$), пересчитал кирпичи в стенах и уже начал поглядывать на кучу соломы, когда снаружи донесся колокольный звон. Сразу после этого дверь отворилась, и Эйхгорна вывели наружу.

Полицейский участок, или как там правильно называется это учреждение, располагался в дворцовом флигеле. Теперь же Эйхгорн оказался в самом дворце – и был он довольно уютен. На стенах фрески и гобелены, на полу мягкие ковры, потолки побелены. Освещение, правда, не очень – все те же факелы, причем горящие через один. Экономят, видать.

Эйхгорна вели уже незнакомые стражники – вчера он их не видел. Интересно, какой у них график дежурств? Что там с выходными, с отпусками?

Любопытство не было праздным – Эйхгорн уже твердо вознамерился устроиться на службу. Для начала временно, пока разбирается, куда угодил. Потом, когда разберется, будет думать дальше.

Некоторое время его промариновали в приемной. Кроме Эйхгорна там ожидали еще два посетителя – нервный человечек с бегающими глазками и заплаканная девушка. Приглядевшись,

Эйхгорн узнал в ней вчерашнюю сокамерницу, и уже хотел заговорить, но двери открылись, и напыщенный халдей прогундосил:

– Его величество повелевает войти следующему просителю!

Эйхгорн, все еще в сопровождении стражников, вошел в тронный зал. Возможно, ему следовало поклониться, встать на колени или исполнить еще какой-то ритуал, но он понятия не имел, какой именно. Панаму он на всякий случай снял, но что делать дальше – не знал.

Вообще, все эти церемонии и правила этикета он считал вопиющей глупостью, но если они требовались протоколом – соблюдал. Ибо если ты соблюдаешь правила – изволь соблюдать их все, в том числе и дурацкие. Что получится, если каждый человек будет соблюдать лишь те правила, которые считает разумными? Воцарится чудовищный бардак, поскольку большинство людей – идиоты.

Впрочем, никто вроде не расстроился, что Эйхгорн стоит столбом. Да и народу в тронном зале было совсем немного. В относительно небольшом, скромно обставленном помещении имелся только трон на возвышении, ведущая к нему красная дорожка и огромное витражное окно. Вдоль стен еще оставалось немного места для зрителей… зрителя. Он в зале был всего один – какой-то сухонький старичок в желтой мантии и высокой шапке.

Кроме него присутствовал только обслуживающий персонал. Лакей у входа, приведшие Эйхгорна стражники, два явных телохранителя позади трона, да склонившийся к подлокотнику эдил.

И сам король, конечно. Его величество Флексиглас, добродушно взирающий на Эйхгорна.

Лет ему на вид было сорок пять – пятьдесят. Примерно одного роста с Эйхгорном, но вдвое шире в талии, краснолицый, с утонувшим в щеках носиком-пуговкой и хитро поблескивающими глазками. Вместо короны на голове у него была вязаная шапка.

А на ногах тапки.

– Вот, ваше величество, о нем я говорил, – сказал эдил. – Это и есть тот самый Исидоряка, якобы волшебник.

Эйхгорн посмотрел на эдила снулым взглядом. Другой бы на его месте возмутился перевранным именем, но Эйхгорн никогда не придавал значения таким пустякам. В конце концов, имя – это всего лишь набор фонем, используемый для того, чтобы отличать людей друг от друга. И Эйхгорн всегда считал, что система численных обозначений была бы разумнее.

Но эдилу ему все равно захотелось врезать.

– Так-так, – приветливо покивал король. – Так-так. Издалека к нам, мэтр?

– Я… – открыл рот Эйхгорн.

– Прямо скажу, уже и не ждал, – перебил король. – Не ждал. Я ведь четыре года еще назад посылал в Мистерию запрос, что у меня вакансия свободна, но что-то никто не откликнулся. Оно понятно, конечно – кому там мой Парибул нужен? Смех один. А теперь что ж, все-таки нашелся доброволец?

– Я…

– Это хорошо, – не давал вставить слова король. – Это очень хорошо. Ты не смотри, что у меня королевство на ноготке уместиться может. Хоть маленькое, да зато все под боком. И люди все золотые. У нас не как у других, где все друг другу чужаки и кругом политес. Я ж тут, почитай, каждого подданного в лицо знаю.

– Я…

– Хотя это я приукрашиваю, конечно, – фыркнул король. – Сорок тыщ человек в лицо знать невозможно. Но все равно люди золотые. И природа у нас красивая. Сейчас не сезон, но вот через месяц грибы пойдут, ягоды… Охота у нас хорошая, оленей полно. Правильно сделал, что ко мне подался, мэтр. По деньгам не обижу, не думай. Какой университет заканчивал, кстати?..

– Политех, – саркастично ответил Эйхгорн.

– Политех… Политех… не, не слышал о таком, – с сомнением произнес король. – А это что же, не в Мистерии?

– Это в Санкт-Петербурге.

– Понятно, – явно помрачнел король. – Ну да, конечно, а я уж размечтался. Из Мистерии, конечно, сюда никто по своей охоте не поедет. Второстепенная школа в каком-то захолустье, о котором я даже не слышал. Можно посмотреть твой диплом?

– Дома оставил.

– Дома оставил, ага. Верю. Охотно верю.

Король на глазах скучнел. Эйхгорн тоже немного скис – он совсем не ожидал, что у волшебника будут требовать диплом о высшем образовании. Наглядные-то доказательства он приготовил, а вот про бумажные формальности даже не подумал.

Ему казалось, что в Средневековье с этим как-то попроще…

– Ваше величество, может, я лучше просто покажу свои способности? – рискнул Эйхгорн.

– Ну покажи, раз уж диплома нет, – вяло согласился король.

– Только… – замялся Эйхгорн, – нельзя ли вначале вернуть мои вещи?

– Я у тебя ничего не брал, – нахмурился король.

– Я и не о вас говорю, – посмотрел снулым взглядом

Эйхгорн. – Ваша стража при задержании отобрала мой рюк… мешок с вещами. А там есть некоторые магические инструменты. Неправильное обращение с ними может быть чревато неприятными последствиями…

– Эй, там, верните мэтру Исидоряке его цацки! – махнул рукой король.

Эйхгорн тяжело вздохнул. Все, похоже, он теперь навсегда мэтр Исидоряка.

Рюкзак принесли уже через пару минут. И он действительно оказался разграбленным, но далеко не так сильно, как Эйхгорн опасался. Все важное лежало на месте. Даже пиво и сигареты – хотя стражники, возможно, просто не поняли, что это такое.

В основном пострадали продукты – колбаса, сосиски и козинаки исчезли, от сыра остался крохотный кусок, а шоколад надкусили в нескольких местах. Похоже, стражникам он просто не понравился – Эйхгорн предпочитал очень горький шоколад, на девяносто девять процентов из какао.

Кроме того, стражники вскрыли одну упаковку растворимой вермишели и проткнули чем-то острым одну из банок тушенки. Саму тушенку, правда, не тронули – наверное, тоже не понравилась.

И еще исчез нож. Но тут же нашелся. Эдил выудил его из собственного кармана и с крайней неохотой вернул хозяину.

Эйхгорн хотел было пожаловаться на пропажу и других вещей, но наткнулся на предостерегающий взгляд эдила и передумал. Колбасу он уже точно назад не получит, а вот заиметь недоброжелателя вполне может.

– Ладно, мэтр, показывай, что умеешь, – нетерпеливо махнул рукой король. – Ты тут у меня не один, мне сегодня еще… сколько у меня там людей-то в приемной еще?..

– Двое, ваше величество, – подсказал эдил.

– Двое… ладно, подождут. Но ты все равно не гневи Пустынника, мэтр. Давай быстрее.

Эйхгорн, уже спрятавший в кулаке зажигалку, театрально провел рукой, чиркнул колесиком и выкрикнул:

– Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре!

Король равнодушно уставился на горящее над голой рукой пламя. Почесал шею и критично сказал:

– Очень уж маленький огонек. А побольше можешь?

– К сожалению, расположение звезд сейчас неблагоприятное… – начал Эйхгорн.

– Не держи меня за страбара, мэтр, – раздраженно перебил его король. – Не можешь – так и скажи. Еще что умеешь? А то камин я и огнивом зажечь могу.

Эйхгорн взялся за фонарик. Стражники, само собой, его осматривали. Не исключено, что пробовали нажимать кнопки и крутить ручку. Но динамо-фонарь был устроен хитро, и для работы требовалось произвести целый цикл манипуляций. Сначала переключить на «вкл», потом активировать один из световых режимов (их было три), и только после этого начать крутить ручку.

Сейчас Эйхгорн все это проделал, и по стенам забегало пятно света. В темноте это выглядело бы лучше, но дождаться ночи возможности не было.

Король снова никак не отреагировал. Скучно глядя на крутящего ручку Эйхгорна, он спросил:

– Это что, волшебный светильник?

– Ну да, он самый… – растерянно ответил Эйхгорн.

– Эка невидаль. Мэтр, ты мне начинаешь надоедать.

Эйхгорн почувствовал себя уязвленным. Он уже понял, что профессиональные волшебники в этом мире – такая же норма жизни, как в земном Средневековье – профессиональные астрологи и алхимики. Даже больше – у них есть свои учебные заведения, дипломы. И они явно поднаторели в своих фокусах, раз его технические чудеса не производят должного впечатления.

К счастью, у Эйхгорна еще оставались козыри. Заряд смартфона упал уже до тридцати процентов, но большего и не требовалось.

– Ваше величество, видели ли вы свой город? – интригующе спросил он.

– Ну видел, конечно, чать не слепой…

– А хотите увидеть его прямо здесь, сейчас?

Король приподнял брови. Эйхгорн торопливо отыскал в галерее снимок Альбруина и с гордым видом продемонстрировал его толстяку на троне. На сей раз тот подался вперед с явным интересом, но попенял, что картинка такая маленькая.

Эйхгорн несколько минут листал фотографии, показывая в том числе сделанные на Земле. К сожалению, среди них не было ничего захватывающего – перед вылетом он очистил карту памяти, а в аэропорту и в Якутске ни разу не фотографировал. В галерее нашлись только виды тайги и несколько снимков червоточины – но она на фотографиях смотрелась просто кольцевым облаком.

Также Эйхгорн прямо в тронном зале сделал несколько снимков короля и его придворных, тут же их продемонстрировав. Это вызвало у его величества Флексигласа уже почти милостивую улыбку.

– Забавная штучка, – покивал он. – Дай-ка я тоже попробую!

– К сожалению, в чужих руках не работает, – сделал скорбное лицо Эйхгорн, быстрым движением ставя блокировку. – Нужны специальные заклинания, ваше величество…

– Жаль-жаль… Эти ваши волшебные зеркала все такие, да?.. Кинельская королева говорила, что ее зеркало тоже без заклинаний не работает.

– А у нее тоже есть волшебное зеркало?.. – удивился Эйхгорн. – Вы сами видели?..

– Нет, она мне рассказывала, когда в гости наезжала… давно, она тогда еще принцессой была.

– Ах, рассказывала… – понимающе хмыкнул Эйхгорн.

– Ну да. Но у нее оно большое, в спальне висит. А твое-то поудобнее, маленькое. Сделаешь мне такое же?

– Боюсь, для этого требуются некоторые специальные компоненты, – отбарабанил Эйхгорн, ожидавший подобной просьбы. – Перо феникса, сухожилие дракона, волос из хвоста единорога…

– Короче, этого ты тоже не можешь, – перебил король. – Еще что-нибудь покажешь?

У Эйхгорна осталось уже не так много вариантов. Он решил, что просто записанный на диктофон голос короля уж точно не впечатлит, и перешел сразу к айподу. По счастью, ему не пришлось совать королю в ухо наушник – эта модель нормально работала и без них.

Но когда Эйхгорн включил музыку, король аж подпрыгнул на троне. С ужасом глядя на изрыгающий хард-рок прибор, он возопил:

– Мраморная Дева, защити нас! Что это за омерзительный грохот?!

– Это музыка, ваше величество, – ответил Эйхгорн.

– Это не музыка! – возмутился король. – Это мерзкая какофония! Немедленно прикажи своей демонической шкатулке умолкнуть!

Эйхгорн пожал плечами и выключил айпод. Что ж, по крайней мере, у короля есть вкус.

– Ты ведь недипломированный волшебник, верно? – прищурился Флексиглас. – А может, вообще недоучка? Не прими в обиду, мэтр, но… ну серьезно, что за гумно ты мне тут подсовываешь?

Эйхгорн стоял как оплеванный.

– Конечно, у меня не так чтобы очень большой выбор… – пробормотал король. – Волшебники к моим дверям в очереди не стоят. Наш прежний придворный волшебник, мэтр Гвенью… ты с ним не был знаком, нет?..

Эйхгорн мотнул головой.

– Папа нанял его случайно, – доверительно сказал король. – Я тогда был еще малец, но помню, что у него просто сломался дилижанс, кончились деньги, и он пришел к папе предложить свои услуги, а потом так вышло, что получил постоянную должность. Представляешь?

Эйхгорн покивал. Похоже, этот мэтр Гвенью лучше умел показывать фокусы, чем Эйхгорн.

– Но у него, конечно, был настоящий диплом, из Мистерии, – вздохнул король. – Мэтр Гвенью был бакалавром Фармакополиума. Не ахти что… лично я предпочел бы кого-нибудь из Репарина… но мэтр Гвенью хорошо справлялся. Он прослужил нам тридцать лет с хвостиком… под старость, правда, слегка свихнулся, но вы же все рано или поздно сходите с ума, верно?

– Кто мы?

– Вы, волшебники.

– Это преувеличение, ваше величество, – холодно ответил Эйхгорн.

– Ну-ну, как скажешь. Так что, умеешь ты хоть что-нибудь полезное? Духа, например, сможешь призвать?

– Это не ко мне, это к военкому, – посмотрел снулым взглядом Эйхгорн.

– То есть тоже не можешь, – вздохнул король. – Жаль, я давно хочу побеседовать с покойной матушкой… узнать, куда она запихала фамильные бриллианты… Жаль, жаль… И я даже не спрашиваю, можешь ли ты вылечить меня от облысения…

– Не могу, – сумрачно ответил Эйхгорн, невольно гладя собственную лысину.

– Понял уже. Маловато, мэтр, маловато! Для такой-то должности, при дворе! Конечно, я все понимаю, на волшебника получше мне рассчитывать нечего…

– Ваше величество, просто мое волшебство нельзя показывать с бухты-барахты, – решительно произнес Эйхгорн. – Если вы дадите мне несколько дней на подготовку, я сумею вас поразить!

Король пристально уставился на него, поджав губы. Эйхгорн почти что слышал его мысли.

С одной стороны – чародей-самозванец явно не впечатлил парибульского монарха. Еще немного – и шарлатана кинут обратно в темницу, а потом начнут допрашивать с пристрастием. Выпытывать, кто он такой на самом деле и какого черта делает тут безо всяких документов.

С другой стороны – королю явно ужасно хотелось обзавестись волшебником. В этом отношении Эйхгорну повезло. Королевство

Парибул оказалось таким маленьким, бедным и захолустным, что все настоящие волшебники воротили от него нос.

То есть те, которых здесь считают настоящими.

– Ладно, – хлопнул наконец в ладоши король. – Твоя взяла, мэтр, дам тебе шанс. Ты принят с испытательным сроком в пол-луны. На это время я положу тебе жалованья один регентер в день плюс стол, постель и один слуга. Если сумеешь доказать, что стоишь большего – дам прибавку. Не сумеешь – ступай на все четыре стороны.

Эйхгорн воспрянул духом. На удивление удачно сложилось. У него будет некоторое время, чтобы разобраться во всем, и на этот срок он обеспечен жилищем, пищей и деньгами. И если даже через эти пол-луны король выгонит его взашей – он ничего не потеряет.

– И еще, конечно, ты получишь сто пятьдесят палок, – добавил король.

– За что? – слегка напрягся Эйхгорн.

– За попытку обмануть монаршую особу. Меня то есть.

Вот это Эйхгорну совсем не понравилось. Сто пятьдесят палок… это очень много палок. В десять раз больше, чем за браконьерство. Конечно, неизвестно, какой эти палки величины, с какой силой ими бьют, но предчувствие нехорошее.

Похоже, лучше ему не проваливать королевскую аттестацию.

Дальше пошли бюрократические формальности. Скрипя костями, явился иссохший морщинистый старик – королевский казначей. По приказу своего сюзерена он вписал в пожелтевший гроссбух: «Медный Ястреб 1514, зачислен придворный волшебник Исидоряка – 1 регентер в сутки». Глядя на Эйхгорна выцветшими глазами, казначей сообщил, что жалованье будет начисляться начиная с завтрашнего дня, получать по Малахитовым дням. В иные дни не беспокоить.

Потом Эйхгорну велели принести присягу. Откуда-то из-за трона извлекли толстую книгу в кожаном переплете, Эйхгорн положил на нее руку, и эдил скомандовал:

– Повторяй за мной. Я, имя…

– Я, Исидор Яковлевич Эйхгорн…

– …клянусь, назови своего бога…

– …клянусь Летающим Макаронным Монстром…

– Минуточку! – раздался гневный окрик. – Минуточку!

То вскинулся старик в желтой мантии, все это время безучастно подпиравший стенку. Эйхгорн не обращал на него внимания, почитая каким-нибудь секретарем или иным протокольным служащим.

Но теперь тот, потрясая тяжелым посохом, подступил к трону

и яростно вопросил:

– Что это за монстром вы там клянетесь, мэтр Исидоряка?! Вы не демонит ли, случайно?! Не малиганин ли?!

– А вы сами-то кто такой будете? – ответил снулым взглядом Эйхгорн.

– Я епископ Далион!

Эйхгорн мысленно проклял свое чувство юмора. Он же понятия не имеет, что здесь делают со всякими еретиками. Вдруг сразу на костер?

С другой стороны – а что ему было говорить, чем клясться? Слово «атеист» туземцы скорее всего даже не знают. А имен местных богов не знает сам Эйхгорн.

Однако… епископ?.. Значит, все-таки Европа?.. Христианство?.. Или нет?.. Эйхгорн не был уверен, как одеваются епископы, но вроде бы как-то иначе… кажется, у них такие красные круглые шапочки… или это у кардиналов?..

Стоп. До Эйхгорна вдруг дошло, что святой отец сказал вовсе не «епископ». Он сказал… сказал… почему-то мозг отказывался воспринимать это слово, упорно подменяя его знакомым «епископ».

И такая ерунда происходит уже не в первый раз. Эйхгорна порядком раздражало, что он не понимает причин этого явления.

– Давайте-ка проясним ситуацию, – ткнул Эйхгорну пальцем в грудь епископ. – К какой конфессии принадлежите, мэтр?

Эйхгорн замялся. Сейчас в нем боролись принципы и антипатия к высоким температурам. В конце концов принципы все же взяли верх, и он решительно ответил:

– Ни к какой.

– То есть как это? – нахмурился епископ. – Какому богу вы поклоняетесь?

– Никакому.

– Это как это?.. Вы не безбожник ли, случайно?

– Он самый.

Лицо епископа перекривилось, словно он съел незрелый лимон, однако никаких эксцессов не последовало. Святой отец лишь окинул Эйхгорна полным презрения взглядом и вернулся на место.

Похоже, у здешних попов нет такой власти, как у испанской инквизиции – ну и то хлеб. Главное, чтоб не сожгли – а что он там о нем думает, Эйхгорна не колышет.

– Эй, там, проводите мэтра Исидоряку в его башню! – хлопнул в ладоши король. – Аудиенция окончена! Впускайте следующего!

Глава 7

Эйхгорну действительно выделили личного слугу – мальчишку-пажа. Тот оказался жизнерадостным, непосредственным и ужасно болтливым. Провожая Эйхгорна в его новую квартиру, он в первые же три минуты успел рассказать, что ему двенадцать лет, что его родители владеют бакалейной лавкой, а сам он уже третий год служит при дворе и планирует еще года через два стать лакеем, а потом камердинером или дворецким.

Кроме того он поведал, что у него есть старшая сестра и младший братишка – сестра в прошлом году вышла замуж за подмастерье стеклодува, а брат учится ремеслу у пекаря Гухчи. Мэтр Исидоряка незнаком с пекарем Гухчи? Ну как же, тот печет лучший хлеб в Альбруине! Вот такой хлеб! На всю улицу пахнет!

Своему новому назначению Еонек – так звали пажа – был донельзя рад. Как он поведал, пажи по статусу полагаются всем королевским сановникам, но сановников всего шестеро, а пажей одиннадцать – и пятерых незанятых нагружают поручениями так, что присесть некогда.

А служить придворному волшебнику – это вообще везуха. Остальные пажи точно обзавидуются.

– Мэтр, а сколько вам положили жалованья? – жадно спросил Еонек.

– Регентер в день, – ответил Эйхгорн, размышляя о своем.

– Золотой или серебряный?

– Забыл спросить.

– Наверное, золотой, – рассудительно сказал паж. – Серебряный регентер – это очень мало для волшебника. У меня дядя столько получает.

– А кто у тебя дядя?

– Десятник королевской пехоты. Нет, для пехотного десятника серебряный регентер – это хорошее жалованье, но для волшебника – совсем маленькое.

Эйхгорн хотел было спросить, насколько золотой регентер дороже серебряного, и какой вообще у этой валюты курс, но вовремя себя оборвал. Будет подозрительным, если он начнет расспрашивать о вещах, которые здесь известны даже малым детям. Сам понемногу разузнает, окольными путями.

Вообще, Эйхгорн решил поменьше раскрывать рот, зато уши держать на макушке. Любая информация может пригодиться, любая мелочь – оказаться полезной.

Резиденция придворного волшебника размещалась в башне. А

башня – на отшибе, отдельно от остальных строений. Такой узкий и высокий каменный цилиндр, увенчанный нехилым набалдашником.

Камням, из которых он был сложен, явно исполнилось уже немало лет, многие потрескались, какие-то вообще вывалились. Фундамент от времени просел, порог наполовину ушел в землю. Одного взгляда на это хлипкое сооружение хватило Эйхгорну, чтобы проникнуться к нему неприязнью.

Но ничего другого у него не было.

Паж некоторое время корячился у дверной ручки, но так и не справился. Доски совсем рассохлись, а петли заржавели – в башню никто не входил с тех пор, как умер прежний волшебник. Только с помощью Эйхгорна мальчишке удалось наконец распахнуть дверь.

За ней оказалась крохотная пыльная лестничная площадка. И лестница – очень крутая и длинная, вьющаяся винтом до самого верха. Взбираясь по ней, паж не переставал трещать, рассказывая о прежнем волшебнике. Сам Еонек почти его и не помнил – мэтр Гвенью умер до того, как мальчишку взяли в пажи. Но он охотно передал Эйхгорну все, что слышал от других слуг.

– Говорят, он помер, когда купался, – поделился Еонек. – Пришли к нему утром – а он сидит в бадье, голый совсем и холодный уже. Старый был совсем.

– А как он выглядел? – без интереса спросил Эйхгорн.

– Да я его видел-то пару раз, и то издалека – когда он книги из окна швырял.

– Швырял из окна книги?.. – удивился Эйхгорн. – Зачем?

– Да он совсем спятил к старости. Весь последний год даже из башни не выходил – все время сидел тут, колдовал что-то, а иногда распахивал окно, вопил и швырялся книгами. Весь двор был в страничках.

Эйхгорн мысленно сделал зарубку на память. Эксцентричность и дикие выходки волшебнику не возбраняются. Возможно, даже будут больше уважать.

– Прежний король его выгнать хотел, да жалел, – тут же опроверг его размышления паж. – Куда бы мэтр Гвенью подался? Да и на его место никого больше не было…

На лестнице царила кромешная тьма. Еонек притащил с собой факел, но Эйхгорн вместо этого зажег фонарик. В отличие от короля, мальчишка глядел на земную технику восторженными глазами, а на полдороге наконец собрался с духом и попросился тоже попробовать. Эйхгорн доверил ему фонарь с облегчением – и без того было тяжело подыматься с рюкзаком по крутым ступеням.

Заполучив фонарик, паж сразу умчался вперед. Сверху доносился звенящий голос и мелькал электрический свет. В полуразрушенной средневековой башне он смотрелся чертовски чужеродно.

– Сюда, мэтр! – позвал Еонек. – Осторожно, тут люк!

Эйхгорн сделал последний шаг и очутился в своих новых апартаментах. Он сразу оценил их достоинства – обилие света и великолепный вид. Город явно расположен на холме, а эта башня в нем – самое высокое здание.

И панорама открывается просто потрясающая.

К сожалению, этим достоинства жилища исчерпывались. Комната оказалась очень просторной, но заваленной всяким хламом и продуваемой всеми ветрами. Дверей как таковых не было – только люк в полу… даже два люка. Из одного Эйхгорн только что поднялся, а открыв другой, обнаружил, что смотрит в пропасть.

Мусоропровод, что ли?

Зато окон целых четыре – на все стороны света. Стекол нет, ставней нет – в плохую погоду здесь явно будет неуютно. Карнизы выступают далеко, так что дождь внутрь попадать не должен, но подоконники грязные, усеянные птичьим гуано. Повсюду пыль, копоть и запустение. Углы заросли паутиной.

Несколько лет назад Эйхгорн общался с человеком, также страдающим обсессивно-компульсивным расстройством, но у него это была мания порядка. Он все делал строго по часам, расставлял книги по алфавиту, упорядочивал и систематизировал каждую мелочь. В его доме царила атмосфера операционной – и в этой комнате он бы забился в истерике.

По счастью, у Эйхгорна всего лишь арифмомания. Он никогда не испытывал неприязни к мусору и беспорядку. Да и вообще был крайне неприхотлив в том, что касалось личных удобств.

Конечно, потом он непременно классифицирует все свое новое имущество, измерит площадь и объем помещения, пересчитает камни в стенах… но это нормально. Все так делают, въезжая в новое жилище.

А сейчас Эйхгорн просто осматривался. Мысленно он присвоил этой хибаре две… нет, одну звезду. Вряд ли здесь кто-то будет ежедневно убираться. Вряд ли здесь кто-то вообще когда-либо убирался.

– Мэтр, я сейчас вычищу тут все! – словно услышал его мысли паж.

Не дожидаясь ответа, Еонек умчался. Эйхгорн бросил рюкзак на пол и покачал головой. Меблировка старая, ветхая, разве только не рассыпается. Если хоть одному предмету здесь меньше

двадцати лет, Эйхгорн сильно удивится.

Кровать. Узенькая, жесткая, заваленная пыльными шкурами. Наверняка полно насекомых.

Стол. Огромный, массивный, покрытый застарелыми пятнами разных цветов. Множество вмятин и отверстий – справа вообще не хватает большого куска. Выглядит так, словно кто-то просто отгрыз кусок столешницы, приняв ее за лепешку.

Ну и дурной же народ здесь живет.

Стулья. Два. Явно шли в комплекте со столом – такая же древесина, такой же стиль.

Кресло. Одно. Большое, пыльное, с резными подлокотниками в виде голов какой-то рептилии. Накрыто грязной рогожей.

Шкаф. Старый, трухлявый, занимает полстены и наполовину загораживает одно из окон. Эйхгорн насчитал в нем двадцать три отделения – от двери в рост человека до ящичка размером с котенка. Пять дверец отсутствуют, выставляя содержимое напоказ, еще три висят на соплях. Одна заперта на ключ, причем самого ключа нигде не видно.

Бадья. Большая деревянная бадья для купания – видимо, та самая, в которой умер прежний жилец. Совсем рассохлась, а на дне устроила гнездо целая семья пауков.

Гора шкур на полу. Вероятно, они заменяют ковер, но навалены неровно, где-то собравшись в настоящие холмы, а где-то открывая голый камень. Ступать по ним было страшновато – Эйхгорн подозревал, что шкуры обитаемы.

Камин. Единственная вещь в комнате, выглядящая достойно. Облицован цветным мрамором, похож на ворота в роскошный особняк… очень маленький особняк. Внутри дровница в форме сплющенной колонны, сверху резные панели и две статуэтки каких-то кошачьих. Решетка витая, похожая на переплетение дубовых ветвей. К стенке прислонены кочерга, ухват и клещи, рядом висит решето, а внутри – закопченный чугунный котел литров на пятьдесят.

Эйхгорн взял на заметку позднее измерить объем точно.

Зеркало. Грязное, мутное, с большой трещиной в правом нижнем углу, но вполне сносно отражающее. Эйхгорн взглянул на свою хмурую физиономию, оценил заметно удлинившуюся щетину, высунул язык и осмотрел полость рта. Он уже двое суток ходит с нечищеными зубами – это совсем никуда не годится.

Торшер. Не электрический, разумеется, а свечной. Такой большой напольный канделябр с тремя рожками. В центральном торчит оплывший и почерневший огарок, боковые пусты.

Не упомянут остался только один предмет обстановки. Часы. Старые, пыльные, давно сломанные. Стрелок нет, а на циферблате

не двенадцать делений, а двадцать шесть. Видимо, в местных сутках двадцать шесть часов.

Довольно неудобное число. Почти простое, ибо имеет всего лишь два простых делителя, два и тринадцать. Сам Эйхгорн выбрал бы для измерения суток одно из избыточных чисел – двадцать четыре (что, собственно, и имеем на Земле) или тридцать. Избыточные числа гораздо удобнее, поскольку их можно разбить на части множеством способов.

Правда, двадцать шесть – уникальное число, поскольку единственное находится между квадратом и кубом, но удобным оно от этого не становится.

Как следует рассмотрев мебель, Эйхгорн принялся копаться в шкафу. Похоже, после смерти хозяина в нем ничего не трогали – из суеверного страха или по другой причине. Эйхгорна это обрадовало – если повезет, он найдет какое-нибудь полезное оборудование.

Самое большое отделение ожидаемо оказалось одежным – там висело четыре ветхих сизых балахона, похожих на помесь судейской мантии с ночной рубашкой. Эйхгорн достал один, приложил к груди и хмыкнул. Видимо, прежний волшебник был на редкость плюгав.

Или любил носить мини.

Еще там лежало две пары обуви. Очень старые растоптанные шлепанцы и мягкие чувяки с загнутыми носами. То и другое Эйхгорну оказалось мало – да он и не стал бы носить обувь покойника.

А на верхней полочке хранилась дюжина кружевных, довольно хорошо сохранившихся платков и одинокий колпак. Такой классический колпак волшебника – сизый, как балахоны, островерхий, с кисточкой на конце.

Он единственный пришелся Эйхгорну впору. Чародей-самозванец снял панаму, натянул на ее место колпак, посмотрелся в зеркало и издал неопределенный звук. Отражение ему неожиданно понравилось. К тому же колпак был пошит из мягчайшей фланели и удивительно приятно облегал лысину.

Вернулся Еонек, с трудом таща по ступеням ведро воды, тряпку и метелку. Отчаянно прыгая, он принялся сбивать по углам паутину и обметать пыль со стола. Эйхгорн скептически хмыкнул. Здесь нужен не один неуклюжий мальчишка, а целая бригада по клинингу.

Помочь Эйхгорн даже не попытался. У него раньше не было слуг, зато были практиканты – и он считал эту систему разумной. Логично же, что человек, способный исполнять лишь простейшие функции, должен взять их на себя, чтобы он, Эйхгорн, не

отвлекался от более важных дел.

Впрочем, Еонек и в одиночку справлялся неплохо. Шкуры он, экономя силы и время, просто бросал в люк, пообещав потом вернуть их чистыми. Пол, стены и мебель паренек сноровисто протер тряпкой, после чего вода в ведре превратилась в бурую вонючую жижу. Комната постепенно приобретала жилой вид.

Эйхгорн тем временем продолжал рыться в шкафу. Еще четыре отделения оказались книжными полками, но книги стояли только на самой верхней, и то неплотно. Похоже, остальное прежний волшебник расшвырял из окон. Уцелела пара пухлых фолиантов, какие-то брошюрки и десяток засаленных томиков с черно-белыми картинками. Судя по содержанию – бульварные романы.

На обложках семи – один и тот же светловолосый детина, только в разных позах. Названия тоже похожие – «Рыцарь Парифат и Колодец Смерти», «Рыцарь Парифат и Братство Добрых», «Рыцарь Парифат и Озерная Дева», «Рыцарь Парифат и Око Паргорона», «Рыцарь Парифат и Клубящийся Ужас», «Рыцарь Парифат и Властелин Идимов», «Рыцарь Парифат и Владычица Эльфов».

Скорее всего, местный аналог Конана-Варвара.

Листая книги, Эйхгорн сделал для себя три открытия. Первое – читать на местном языке он тоже может. Это совершенно точно не кириллица, не латиница, не греческий, не иврит и вообще не какой-либо из известных Эйхгорну видов письменности. Но эти незнакомые значки загадочным образом складываются в слова, а те – в осмысленный текст. Написан он привычным образом, слева направо, по строчкам.

Второе – письменность здесь буквенная. Не пиктограммы, не иероглифы, не силлабы. Буквы. Причем их довольно мало – Эйхгорн насчитал всего восемнадцать штук. Правда, применяются они с разными модификациями – диакритическими знаками, иными изгибами линий… Насколько Эйхгорн понял, от этого меняется произношение – буквы становятся твердыми или мягкими, глухими или звонкими. Б превращается в П, Ш в Щ, Э в Е и так далее.

Также есть разделение на слова, применяются знаки препинания – точка в середине строки и вертикальная черта. Первая, по-видимому, играет роль запятой, а вторая – точки. Иногда встречаются две и даже три вертикальных черты, но смысл этого Эйхгорн пока что не понял. Возможно, аналог многоточия или восклицательного знака.

Третье – в этом мире еще не изобрели книгопечатания. Книги написаны от руки. Очень красивым каллиграфическим почерком,

каждая буква выведена с огромным старанием, но текст несомненно рукописный. Следовательно, томики в руках Эйхгорна должны стоить немалых денег, и очень странно, что их так просто бросили здесь пылиться.

Беллетристику и брошюрки Эйхгорн пока отложил в сторону. А вот фолианты изучил со вниманием. Первый назывался «Ктава» и состоял из четырех разделов: Севигиада, Небесный Закон, Предания Мертвых и Дыхание Песни. По всей видимости, местное Священное Писание.

Религия Эйхгорна интересовала очень мало, но он взял на заметку потом ознакомиться с основными постулатами. Чтобы не попадать впросак.

Второй фолиант был поинтереснее. Судя по иллюстрациям – какой-то справочник или энциклопедия. Почти на каждой странице встречались изображения растений (довольно плохонькие), человеческих органов, минералов.

Только вот прочесть Эйхгорн не сумел ни слова. В отличие от всех остальных, эта книга была написана на непонятном языке. Даже буквы несомненно другие.

Обидно, книга явно заслуживает изучения.

В других отделениях шкафа лежал в основном хлам и мусор. Однако нашлись там и весьма полезные предметы.

Например, очень неплохой, хотя и ужасно пыльный набор химического оборудования. Колбы, пробирки, кюветы, мензурки, пипетки, реторты, фарфоровый тигель, аптекарские весы, пинцет, горелка, водяная баня, газовый фильтр и даже перегонный аппарат. Это Эйхгорна ужасно обрадовало, а заодно прояснило род занятий прежнего «волшебника».

Химия, обычная химия. И никаких чудес.

В химии Эйхгорн не был глубоким специалистом, но, как и любой нормальный человек, владел основами. При наличии средств и компонентов он мог сварить хоть нитроглицерин, хоть метамфетамин – хотя, разумеется, никогда в жизни этим не занимался.

Кое-какие химикаты в шкафу тоже нашлись. Не все сохранились нормально, некоторые за минувшие годы выдохлись или испортились, но большинство содержалось в герметичных сосудах, так что с ними ничего не случилось. Бегло их осмотрев, Эйхгорн опознал крахмал, поваренную и бертолетову соль, ртуть, серу, фосфор, магний, киноварь, этиловый спирт, хлорид аммония, нитрат бария, азотную, борную и соляную кислоту. Неопознанные он пока трогать не стал, решив позднее провести полную ревизию.

В другом отделении лежали писчие принадлежности. Толстая

стопка пожелтевшей, но все еще пригодной бумаги, огромная чернильница (правда, чернила высохли), стальное перо с натуральным опахалом, деревянная линейка, измерительный циркуль и еще какой-то непонятный предмет, похожий на тонкий скребок.

Судя по линейке, меры длины тут отличаются от СИ. Даже на глаз видно, что расстояние между жирными штрихами больше сантиметра, а между тонкими – больше миллиметра. К тому же жирные разделены не на десять, а на девять делений.

Еще Эйхгорн нашел колоду карт. Не похожи на земные, но это точно карты. Сорок четыре штуки, четыре масти – короны, мечи, монеты и какие-то спиральки. Изображения символические, но вполне угадывающиеся.

Кроме спиралек, конечно.

– Это может оказаться полезным в моей презентации, – сделал аудиозаметку Эйхгорн, перебирая карты. – Можно предположить, что масти символизируют власть, силу, богатство и… что-то еще. У меня пока нет идей насчет того, что означает эта спираль.

– Мэтр, а вы на каком языке сейчас говорите? – с любопытством спросил паж, скобля тряпкой стол.

Эйхгорн ничего не ответил, но мысленно пополнил свою копилку фактов. Если он говорит сам с собой, то изъясняется по-прежнему на русском. Если же обращается к местному жителю, говорит на туземном наречии, не прилагая никаких усилий. Интересно, что произойдет, если он заговорит с другим землянином или иноязычным туземцем?

Этот феномен положительно требует более подробного изучения.

Больше в шкафу ничего полезного не нашлось. Не обшаренным осталось только запертое отделение – Эйхгорн подергал дверцу, поковырял в замке ножом, но успеха не добился.

Конечно, постаравшись, он мог бы его взломать, но решил сначала все же поискать ключ. Должен же тот где-то быть.

Тяжело дышащий Еонек приволок новое постельное белье. Бедный мальчишка совсем запыхался, носясь вверх-вниз по лестнице. Поднимаясь по ней, Эйхгорн машинально считал ступени, и их оказалось двести восемнадцать. Примерно столько нужно преодолеть, чтобы подняться на двенадцатый этаж жилого дома. А паж совершил уже пять подъемов и четыре спуска.

Новое белье мало отличалось от старого. Это были точно такие же шкуры неизвестных животных, только менее грязные. Подушку заменял мешок, набитый соломой.

Еонек принес еще ведро воды, и Эйхгорн принялся разбирать

и мыть химическое оборудование. Каждый предмет он называл вслух в диктофон, комментируя его состояние.

– Пробирка стеклянная, – говорил он. – Семь штук, в деревянном штативе. Пять в отличном состоянии, одна в удовлетворительном, одна в плохом.

Постепенно на столе образовалась небольшая, но вполне сносная лаборатория. Эйхгорн мысленно перебирал различные химические опыты, ища самые яркие и зрелищные. Те, что в глазах несведущего выглядят настоящим волшебством.

В очередной раз вернулся Еонек – приволок ужин. Пропустивший обед Эйхгорн очень этому обрадовался – он-то уж собирался вскипятить воды на горелке и залить растворимую вермишель.

Ужин, хоть и королевский, оказался не слишком изысканным. Миска похлебки из овощей и злаков с парой кусочков мяса. Жареная рыбина, похожая на уклейку-переростка. Кусок овечьего сыра. Ломоть белого хлеба. Красное вино – очень слабое, чуть покрепче виноградного сока.

Вина паж принес целую бутылку, но о бокале не подумал. В шкафу из приборов были только деревянная ложка, длинная двузубая вилка и чуть искривленный, со следами ржавчины нож. Причем ложка довольно неудобной формы и вряд ли предназначалась для еды.

Эйхгорн хотел уже использовать какую-нибудь колбу, но вспомнил про одноразовые стаканы в рюкзаке. Еонек уставился на них во все глаза и робко попросил себе одну штучку. Эйхгорн хмыкнул и выдал стаканчик – а заодно тарелку, ложку и вилку. Пацан заслужил поощрение – пахал как проклятый, вычищая этот свинюшник.

Копеечные пластиковые фигульки вызвали у Еонека такую счастливую улыбку, что Эйхгорн полез в рюкзак за еще какими-нибудь сувенирами. Жалко, козинаки стражники сожрали. Может, сгущенкой парня угостить?

Что тут еще есть?.. Зубная паста, зубная нить, дезодорант… О!.. Эйхгорн вспомнил один чрезвычайно эффектный фокус, который можно показать дезодорантом и простой спичкой. Только сначала нужно убедиться, что рядом нет ничего огнеопасного.

Роясь в вещах, Эйхгорн наткнулся на компас. И что-то показалось ему странным в положении стрелки. Он достал его, подошел к окну, поглядел на уже клонящееся к закату солнце, перевел взгляд на компас… и его глаза стали снулыми. Так всегда бывало, когда Эйхгорн натыкался на что-нибудь несообразное с элементарной логикой.

Минуты две он таращился то на синенькую стрелку, то на заходящее солнце. Все правильно – оно заходит в той стороне. Значит, там запад. В противоположной стороне восток. Аккурат между ними должны быть север и юг. И стрелка компаса должна указывать на север.

Так какого же черта она указывает на юго-восток?

Эйхгорн разобрал и снова собрал компас. Тот по-прежнему указывал на юго-восток. Старый надежный компас, который раньше никогда не подводил – и так нагло врет.

Либо компас сломался, либо… либо это вообще не Земля. Эйхгорн оказался на другой планете.

Он и без того уже был в этом почти уверен, но теперь убедился окончательно.

Глава 8

Проснувшись, Эйхгорн еще несколько минут лежал с закрытыми глазами. Он пытался подсчитать вероятность того, что увидит нейлоновую ткань палатки, когда их откроет.

Вероятность оказалась досадно низкой. События предыдущих двух суток – безусловно, не сон. Сны просто не бывают настолько яркими, подробными и реалистичными. К тому же сны обычно забываются сразу после пробуждения, а Эйхгорн отчетливо помнил каждую деталь.

По крайней мере, сегодня он нормально выспался. Как и вчера, стражники ходили с обходом и орали всем спокойной ночи, но на такой верхотуре их было почти не слышно.

– Мэтр, вы уже проснулись? – донесся звонкий голос. – Я завтрак принес!

– Не сон, – констатировал Эйхгорн, спуская ноги на пол.

Там уже снова постелили шкуры. Еонек насколько сумел выбил из них пыль и приволок обратно. Эйхгорн понемногу начинал привыкать к этим атрибутам первобытной пещеры. Хорошо хоть, насекомых в них на поверку не оказалось – во всяком случае, Эйхгорна ночью никто не кусал.

Оставив завтрак на столе, паж умчался. Эйхгорн с наслаждением втянул запах свежей яичницы. Рядом с миской лежала еще краюха хлеба с куском вяленого мяса и стояла крынка парного молока.

Но вначале Эйхгорн решил умыться. Настоящая роскошь в этом мире.

Он уже выяснил, что водопровод здесь отсутствует в принципе. Воду берут из водоемов и колодцев, а в королевском дворце – из фонтана во дворе. С утра слуга приносит ведро воды – ей умываются, ее же и пьют.

Хотя умываться здесь особо не принято. Паж сказал, что даже король моется редко. Не настолько, как Людовик XIV, который, если верить слухам, мылся всего два раза в жизни, но все же воду его величество особо не расходует. Так, оботрется после сна влажным полотенчиком – и чистый.

А целиком – редко. В дворцовом подвале, правда, имеется купальня, где стоят огромные лохани и есть настоящая парная. Но ее растапливают только дважды в луну – на Бархатные и Янтарные дни. Мыться чаще никто нужным не считает.

С канализацией еще хуже. По крайней мере, у Эйхгорна, как волшебника, имеется собственная уборная… если ее можно так назвать. Это всего лишь люк в полу, откуда нечистоты падают

прямо в ров. Туда предлагается испражняться, выливать грязную воду, выкидывать мусор… хорошо хоть, внизу никто не ходит.

А комнаты в глубине дворца лишены и этого – там только ночные горшки. Вместо туалетной бумаги – многоразовая тряпица типа пеленки. Подтерся – выстирай и снова пользуйся.

А вот зубы чистить тут не забывают. Правда, не как на Земле. Вначале полощут винно-уксусным раствором, а потом трут чистенькой тряпочкой. Паж принес такую и Эйхгорну, но у него имелась нормальная зубная щетка и почти полный тюбик зубной пасты. Конечно, когда-нибудь она закончится… но вот тогда он и будет думать, чем ее заменить.

Умывшись, почистив зубы и позавтракав, Эйхгорн приступил к ревизии в унаследованной коллекции химикатов. Одну за другой он откупоривал банки, склянки и пузырьки, осматривал находящиеся там порошки и жидкости, нюхал их, кое-что даже пробовал на вкус и комментировал все в диктофон. На емкостях с опознанными веществами писал их названия и химические формулы найденным в шкафу пером (Еонек принес свежих чернил). Неопознанные ставил на отдельную полку для дальнейшего изучения.

Большинство неопознанных были органического происхождения. Высушенные травки и листочки, загадочные порошки и жидкости, нечто вроде костной муки и даже зубы какого-то животного. Очень мелкие и острые.

Ну правильно, земные алхимики тоже бросали в свои тигли все, что удавалось раскопать на помойке.

На некоторых пузырьках имелись ярлыки. Большинство на непонятном языке, но шесть штук удалось прочесть. «Масло из рыжешерстной собаки», «Знахарский спирт», «Вода Ипмарва», «Сорочье сердце», «Микстура от боли в животе» и «Демоническое вино». Судя по запаху – какие-то знахарские настойки.

Пробовать эту отраву Эйхгорн, разумеется, не стал.

Он уже обревизовал две трети своего имущества, когда нашел в плошке с серебристым кристаллическим порошком то, что безуспешно искал вчера. Ключ. Крохотный оловянный ключик. Почти полностью зарытый в эту ароматную пыль, он совершенно не бросался в глаза.

Разумеется, Эйхгорн тут же проверил, не подходит ли он к закрытому отделению… и он подошел. Увы, там не оказалось ни денег, ни драгоценностей, ни иных вещей, которые обычно хранят в запертых ящиках. Там было всего четыре предмета.

Зеркальце карманное – одна штука. Круглой формы, двенадцать сантиметров в диаметре, оправлено в резную деревянную рамку. Совершенно обыкновенное. На обратной

стороне вырезано число – 7636468. Наверное, инвентарный номер.

Кулоны на цепочках. Две штуки, оба на вид совсем недорогие. Кусочек слоистого агата в форме капли и круглый латунный диск с изображением какой-то птицы. Что-то среднее между соколом и петухом.

Кубик Рубика. Чуть поменьше земного, но устроен точно так же – двадцать шесть маленьких кубиков, вращающихся вокруг трех внутренних осей. Только грани не окрашены в разные цвета, а украшены портретиками. Мужчины и женщины в диковинных нарядах, антропоморфные животные, жуткие чудовища…

Странная игрушка. Непонятно, как ее правильно собирать.

И больше в ящике не было ничего. Эйхгорна это малость разочаровало – он рассчитывал найти что-то полезное, а не горсточку безделушек.

Но по крайней мере теперь он точно знает, чем располагает. Химический набор, колода карт и несколько технических устройств.

Не так уж много, но Калиостро справлялся и с меньшим.

Сосредоточиться Эйхгорн решил на фейерверках. У него есть сера, магний, фосфор, алюминиевый порошок, нитрат бария, борная кислота… более чем достаточно, чтобы наделать разных шутих и петард. И если уж пиротехника не сойдет за волшебство, Эйхгорн не знает, что еще придумать.

Когда Еонек явился узнать, не нужно ли мэтру чего, у Эйхгорна уже был готов список. Хотя над ним пришлось немало потрудиться – писать на местном языке оказалось сложнее, чем читать. Чем бы ни был загадочный эффект, позволяющий свободно объясняться с туземцами, подействовал он только на ментальном уровне. На мышечную память это не повлияло, так что Эйхгорн не столько писал, сколько вырисовывал буквы – ну точно первоклассник на уроках прописи.

Но постепенно он приловчился.

Ему требовалось растительное масло (лучше всего касторовое), сахар (желательно, тростниковый), как можно больше крахмала и соли, смолы и воска, древесных и металлических стружек, проволоки. И еще каких-нибудь упаковочных материалов – картона, кожи, оберточной бумаги.

На пластик Эйхгорн, понятно, не рассчитывал.

Еонек внимательно прочел список – к счастью, мальчишка оказался грамотным, – вдумчиво пошевелил губами и кивнул. Половина всего этого наверняка найдется на поварне, а другая половина – в дворцовых кладовых и у кузнеца. Только пусть мэтр напишет, что это для него.

– Бюрократия – зло, – наставительно произнес Эйхгорн, размашисто расписываясь внизу листа. – На слово людям надо верить.

За окном раздался колокольный звон. Эйхгорн слышал его уже в третий раз.

– Малой, а этот колокол у вас что означает? – спросил он у пажа. – Обедню, что ли?

– Не, это просто полдень, – ответил Еонек. – В полдень всегда бьют в главный городской колокол.

Эйхгорн понимающе кивнул и подрегулировал часы на смартфоне. За ночь тот полностью зарядился, но отъел более трети внешнего аккумулятора. Еще два раза – и все, так что без крайней нужды аппарат лучше не включать.

Впрочем, он и выключенный постепенно садится. Сложно сказать, насколько удастся оттянуть неизбежное, но рано или поздно высокотехнологичный прибор обратится бесполезной железкой.

Интересно, не удастся ли собрать здесь какой-нибудь электрогенератор? С ветряком, например?

До самой ночи Эйхгорн сидел за столом, мастеря фейерверки. Одну за другой он смолил сигареты, бережно складируя хабарики в миске. Он пока не знал, где найдет им применение, но не собирался разбрасываться дефицитной здесь ацетилцеллюлозой.

Бережно складировал Эйхгорн и другие материалы. Съев между обедом и ужином упаковку растворимой вермишели, приберег пенопластовую чашку. Тщательно вымыл и сохранил целлофановые пакеты, в которых лежали колбаса и сосиски. А пустые банки из-под пива и вовсе оказались бесценным сокровищем.

На следующее утро Эйхгорн проснулся уже совсем бодрым. Он подкрепился утренней банкой пива, подумав, что было бы неплохо изобрести еще и холодильник. Теплое пиво не очень радовало.

Но оно все же лучше местного вина. Терпкого, сладковатого, почти лишенного градуса. Эйхгорн не любил слишком крепкие напитки, но и настолько слабые ему не нравились.

А потом он опорожнил еще банку, потянулся за следующей… и пальцы нашарили пустоту.

– Пиво кончилось, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Наступают тяжелые времена.

Как назло, Еонек куда-то запропастился. Вчера чертов мальчишка весь день крутился рядом, пытался совать нос в опыты

Эйхгорна и без умолку трещал о всякой ерунде. Эйхгорн, глубоко равнодушный к существованию других людей, не обращал на это внимания и только пару раз велел не лезть к горелке и не трогать перегонный куб.

А сегодня вот его что-то нет. Принес завтрак и смылся. Как и большинство слуг, ночует он в городе, а днем работает во дворце.

Эйхгорн выглянул из окна – нет, нигде не видно. Можно покричать, но неохота напрягать глотку. К тому же Эйхгорн все равно собирался прогуляться, осмотреть город, поискать что-нибудь полезное для грядущей презентации. Вчера он весь день не вылезал из башни – надо хоть ноги размять.

За минувшие двое суток Эйхгорн неплохо изучил дворец, рассматривая его из окон и выслушивая рассказы пажа. Королевские чертоги имели высоту в три этажа плюс подвалы и мансарды, были выстроены в форме буквы Г, и состояли из длинного коридора, в который выходили многочисленные двери.

На первом этаже размещались кабинеты сановников, канцелярия, столовая, поварня, людская и тронный зал, на втором – апартаменты королевской семьи, казна и библиотека, на третьем – кладовые и спальни для гостей и личных слуг. В подвалах находились винный и продуктовый погреба, яблокодробилка, купальня и прачечная. В отдельных флигелях располагались часовня, пекарня, кузница, столярная мастерская, каретный двор, конюшня, псарня, птичник, арсенал и казарма стражи, исполняющая функции полицейского участка. Также при дворце имелся довольно большой сад и плац, на котором вечно кто-то звенел мечами.

Выходов в город имелось два – через казарму и парадные ворота. Еонек по секрету рассказал, что есть еще и потайной ход, но где он, ему неизвестно. Хотя на самом деле известно, потому что во дворце об этом знает каждая собака, но тс-с-с, мэтр, об этом нельзя говорить вслух! Никто не должен знать, что если в винном погребе надавить третий кирпич справа от бочки с гарийским, откроется секретный тоннель. Государственная тайна!

Впрочем, пройти этим тоннелем все равно невозможно, потому что его лет десять уж как завалило. И еще говорят, там живут привидения. Но Еонек их не видел, когда проходил свое испытание. Да, испытание на смелость – их все пажи проходят, а то дразнить будут. Надо ночью дойти до завала, поставить там крестик мелом и вернуться. Еонек, когда ходил, штук двадцать крестиков там видел, а под ними еще и надпись почерком камергера: «Не пачкайте стены, дети!»

На самом деле там написано не «дети», а совсем другое слово, но Еонек не может его произнести, а то маманя ухи

надерет, если услышит.

Башня Эйхгорна располагалась в самом углу, на краю сада, на максимальном удалении от дворца. Наверное, строители опасались, что придворный волшебник может устроить взрыв – и судя по тому, что Эйхгорн нашел в шкафу, их опасения были оправданны.

Перед выходом Эйхгорн переоделся. Денек выдался теплый, так что куртку он оставил дома, ограничившись футболкой. Вместо брюк надел удлиненные шорты. Ну и колпак волшебника – ему и в самом деле понравился этот головной убор.

У ворот стояли стражники. Похожие, словно братья, они носили высоченные шапки с султанами и красные кафтаны с пышными эполетами. На поясах у обоих висели богато украшенные сабли, а в руках они держали черные пики.

И эти пики они при виде Эйхгорна молча скрестили.

– Служивые, дайте пройти, – вежливо попросил он.

– Простите, мэтр, вас выпускать не велено, – с каменным лицом ответил стражник.

– Почему? – моргнул Эйхгорн.

– Королевский приказ. Отойдите от ворот.

– А если я вас заколдую? – поднял руки Эйхгорн. – Кали-маааааа!.. Кали-маааааа!..

Стражники отреагировали мгновенно. Один смачно харкнул Эйхгорну в лицо, а второй каким-то непостижимым образом переместился за спину и заломил руки. Первый тем временем уже выхватил саблю и приставил ее к груди липового волшебника.

– Служивые, вы не охренели?! – повысил голос Эйхгорн.

– Не шевелитесь, мэтр, – холодно потребовал стражник. – Попытаетесь колдовать – проткну.

– Да еж вашу меть, да пошутил я! – закатил глаза Эйхгорн. – Пустите, не собираюсь я вас заколдовывать!

– Сначала поклянитесь вратами Шиасса и могилой Бриара.

– Клянусь, [цензура]! Чем хотите клянусь! Дайте харкотину вытереть!

Первый стражник убрал саблю, второй разжал хватку. Эйхгорн потер левый локоть – его едва не вывернули из сустава. Утирая лицо, горе-волшебник глядел на стражников снулым взглядом, и пытался решить, как на все это реагировать.

Откуда-то вынырнул Еонек. Испуганно глядя на своего начальника, паж ахнул:

– Мэтр, мэтр, зачем вы на них напали?!

– Я напал?.. – приподнял брови Эйхгорн.

– Подтверждаю, – кивнул стражник. – Напал. Собирался нас заколдовать.

– Да пошутил же я… – пробурчал Эйхгорн. – Что ж вы за народ такой дурной…

– Когда мы на посту, мы таких шуток не понимаем, мэтр, – чопорно ответил стражник. Подумав, добавил: – И когда не на посту – тоже.

Эйхгорн только поморщился. Он был совершенно уверен, что страшное «заклинание» испугает стражу. Но те оказались не робкого десятка.

– Что вы, мэтр! – присвистнул паж, когда Эйхгорн ему об этом сказал. – Это же тримейские наемники! Они не то что волшебства – самого Бельзедора не побоятся!

– Вижу, что четкие ребята, – мрачно кивнул Эйхгорн. – А вот харкаться-то было зачем?

– Как это зачем? Все же знают – если плюнуть колдуну в лицо, он не сможет колдовать, пока не утрется.

– Заплюют меня тут с такими суевериями… – вздохнул Эйхгорн.

Произошедшее его расстроило. Не из-за инцидента со стражей – мужики на посту, на что обижаться? На месте короля Эйхгорн бы им еще и премию выписал – выучка хорошая, хлеб едят не даром.

А вот то, что король запретил выпускать его наружу – это скверно. Значит, держит под подозрением, не доверяет. Его можно понять, конечно – явился невесть откуда какой-то проходимец без документов, показал пару мутных фокусов…

Эйхгорн сам бы себе не доверял в такой ситуации.

– Мэтр, и вы это… оставайтесь пока у себя в башне… – виновато пробубнил Еонек. – Его величество сказал, что пока не увидит настоящее волшебство, из дворца вас не выпустят… Его величество ужасно не любит, когда его обманывают…

– Он думает, что я шарлатан?

– Простите, мэтр, его величество немного недоверчив… – развел руками Еонек. – Может, просто сотворите ему быстренько какое-нибудь волшебство попроще?

– Расположение звезд пока что неблагоприятное.

Как и король, паж глянул на Эйхгорна с сомнением. Похоже, прежний волшебник использовал другие отмазки.

– Пива-то ты мне можешь принести? – спросил Эйхгорн.

– А, ну это-то запросто! – просветлел лицом Еонек. – Только на поварне пива не держат… но я хоть прямо сейчас в трактир сбегаю! Давайте деньги!

Эйхгорн машинально достал тощий кошелек. Там лежала банковская карта (почти пустая), несколько клубных в разные учреждения и деньги. Четыре тысячи четыреста двадцать один

рубль восемьдесят копеек.

Купюры Эйхгорн даже не стал показывать. Вряд ли кому-то здесь будут интересны эти фантики. А вот монеты предъявил пажу – и тот недоуменно на них уставился.

– Странные какие-то… – протянул он, рассматривая темно-желтый червонец. – А что это за закорючки?

– Цифры. Это монеты одного далекого волшебного царства.

– Но это ж не золото, нет?.. И не серебро?..

– Нет, конечно. Латунь, медь, сталь.

– Даже не знаю… А какой у них курс?

Эйхгорн молча вернул монеты обратно в кошелек. Черт с ним, можно и потерпеть без пива какое-то время. Тем более, что еще неизвестно, какого оно здесь качества.

– Хотите волшебства, значит?.. – пробормотал он, возвращаясь в башню. – Будет вам волшебство…

На следующий день Эйхгорн снова спустился из башни. Он выяснил у пажа, что ему запрещено только покидать дворцовую территорию, а в ее пределах можно гулять где вздумается. И он решил поискать каких-нибудь компонентов собственноручно.

Ну и в винный погреб наведаться, глянуть – нет ли там чего получше компотика, который подают придворному волшебнику? А то от него уже подташнивает.

Эйхгорну действительно никто не препятствовал. Несколько часов он бродил по дворцу и саду, машинально пересчитывая и каталогизируя помещения. Побывал на поварне, где снял пробу с королевского обеда, и в прачечной, где познакомился с королевскими портнихами. Им Эйхгорн отдал всю одежду прежнего волшебника, чтоб не занимала зря место в шкафу.

Портнихи сразу же захлопотали. Эти две пожилые тетушки обожали свое ремесло, но королевская семья была равнодушна к высокой моде, так что шили они в основном одно и то же. А тут появилась возможность поработать с балахоном волшебника! Портнихи немедленно сняли с Эйхгорна мерки и пообещали все перешить и подогнать под его фигуру. Благо другой работы у них особо не было – вот разве что наложить заплатки на панталоны его величества.

Вообще, парибульский королевский двор жил очень… по-домашнему. Никакого политеса, этикетных расшаркиваний. Навытяжку ходили только тримейские наемники – остальные слуги чувствовали себя скорее членами семьи. Короля Эйхгорн вообще увидел на плацу – тот стрелял из лука со своими гвардейцами, обутый все в те же домашние тапки.

А на заднем дворе Эйхгорн встретил парибульскую королеву.

Правда, сначала принял ее за уборщицу – совершенно непримечательная женщина средних лет, в простой одежде, голова повязана платком. Она занималась тем, что кормила своих собачек – сидела на корточках, смешивая в мисках мясо, муку и соус.

Ее величество тепло поприветствовала Эйхгорна, расспросила о житье-бытье и не отпустила, пока он не познакомился с каждым из ее питомцев. Сахарок, Медок, Пчелка, Вереск, Голубчик, Хитрец, Непоседа, Весельчак, Дымок, Тенек и Зернышко по очереди тяпнули Эйхгорна за пальцы, причем довольно болезненно.

Особенно болел указательный на правой руке – собак было одиннадцать, так что этому пальцу досталось два укуса.

Кроме того, Эйхгорн познакомился с дофином. Семилетний принц поприветствовал нового волшебника сильным пинком в голень, после чего задал стрекача. Лакей, бывший тому свидетелем, посочувствовал Эйхгорну и поведал, что королевский наследник – на редкость шумливый и шаловливый ребенок. Он обожает подкладывать всякую дрянь слугам в туфли, кидаться в людей камнями и грязью, завязывать в узел знамя и воровать серебряные приборы, разбрасывая их где попало.

А возвращаясь в башню, Эйхгорн встретил еще и младшего брата короля. Ну как встретил… Эйхгорн завернул за угол и наступил на ладонь какого-то толстяка. Тот лежал посреди коридора, раскинув руки, и мрачно смотрел в потолок. От него так страшно разило вином, что можно было опьянеть, просто вдыхая поглубже.

– Ты наступил на меня, холоп! – возопил принц.

– А какого черта ты лежишь на дороге? – зло буркнул Эйхгорн, который еще не знал, кто перед ним.

– Повежливее! – дохнул перегаром пьяница. – Я принц Шевузирд! Кланяйся, холоп!

– Ваше высочество, а почему вы… тут лежите? – осторожно осведомился Эйхгорн.

– Я устал, – жалобно ответил принц. – Отнеси меня в мои покои, холоп.

Конечно, Эйхгорн не стал этого делать, но лакея все-таки позвал. Ему не очень хотелось лишиться головы из-за какого-то самодура. Немного позже он узнал, что принц не обладает здесь никакой властью, что старший брат терпит его только из жалости, что даже пажи не проявляют уважения к этому вечно пьяному кретину… но до этого ему пришлось понервничать.

Шутка ли – наступить на члена королевской семьи!

Правда, свинское состояние принца Эйхгорна порадовало. Раз

он сумел так нажраться, во дворце имеются и крепкие напитки. Вопрос только в том, как до них добраться.

А еще Эйхгорн впервые задумался, что не так уж много знает о короле, его семье и министрах. А ведь именно на этих людей ему предстоит произвести впечатление. Именно эти люди будут решать его судьбу. Именно на этих людей он, если все сложится, будет работать.

Подумав об этом, Эйхгорн свернул к пути в башню и отправился в гости к эдилу. По счастью, тот был у себя в кабинете, не занимался ничем важным и не был против рассказать придворному волшебнику, что к чему в этом крохотном королевстве.

Кроме того, у него нашлось хорошее вино.

Глава 9

Бенгальские огни. Вот к чему в конце концов пришел Эйхгорн.

Бенгальский огонь весьма зрелищен и в самом деле напоминает волшебную палочку.

Бенгальский огонь практически безопасен – его можно давать даже детям (не слишком тупым).

Бенгальский огонь очень прост в изготовлении – его реально сделать даже в домашних условиях.

Идеально.

Все необходимое для производства у Эйхгорна было. Нитрат бария, магний, крахмал и железные опилки. Больше ничего не нужно. Разве что еще проволока, чтобы намазать на нее смесь, но это сырье обеспечил Еонек, притащив целую вязанку вязальных спиц.

Эйхгорн не стал спрашивать, где он их достал.

Легок на помине, Еонек как раз вылез из люка с подносом. Эйхгорн, смешивавший в миске магний с крахмалом, не обратил на него внимания. Паж поставил завтрак на свободную часть стола и жизнерадостно спросил:

– Мэтр, а вы на праздник идете?

– Какой еще праздник? – безразлично уточнил Эйхгорн.

– Как это какой?! Сегодня же Фарфоровый Ястреб! Эбридис! В саду будет гулянье!

Эйхгорн молча мотнул головой. Ему было не до праздников. Из вчерашнего разговора с эдилом он узнал, что король назначил дату его презентации – Янтарный Ястреб. Это через восемь дней. Всего восемь дней осталось у Эйхгорна, чтобы приготовить грандиозное шоу.

Оглушительно стуча башмаками, Еонек умчался. А Эйхгорн продолжил замешивать смесь, мысленно перебирая своих будущих зрителей. Эдил вчера выдал ему очень подробные устные досье.

Король Флексиглас Первый. Сорок четыре года. Правит страной пятый год. В целом человек адекватный, по натуре либерал, в обращении прост. Не слишком инициативен, но открыт для нового, всегда готов дать шанс сомнительному прожекту. Правда, если прожект проваливается – карает беспощадно. Вообще безжалостен, если его разочаровать. Внимательно прислушивается к мнению советников.

Королева Мироль. Тридцать два года. Внучатая племянница короля Кайлана, урожденная герцогиня Аройская. Вышла замуж

за тогда еще принца Флексигласа десять лет назад. Для Парибула партия была выгодной, ибо Кайлан, хоть и является третьестепенной державой, все же на порядок превосходит это лилипуточное королевство. Добродушна, любит собак и вязание, по праздникам лично раздает сладости городским детям.

Инфанта Зиралла, дочь короля. Восемь лет. Серьезная умненькая девочка, но довольно капризная и упрямая, с едким характером.

Дофин Гектак, сын и наследник короля. Семь лет. Шаловливый хулиганистый мальчишка, головная боль прислуги.

Принц Шевузирд, младший брат короля. Сорок лет. Бездельник и пьяница, сидящий на шее у старшего брата. Не занимает никакой должности, не выполняет никакой работы. Девяносто процентов времени спит или валяется на диване в обнимку с бутылкой вина, бормоча себе под нос что-то неразборчивое. В редкие минуты трезвости бродит по коридорам, как медведь-шатун, и жалуется на горькую судьбу, сделавшую его младшим братом.

Принц Хоммер, двоюродный дед короля. Восемьдесят семь лет. Глубокий старик, уже лет пять не встающий с постели. Эйхгорн ни разу его не видел. При отце нынешнего короля принц Хоммер занимал должность коннетабля и одержал несколько славных побед, пусть и командовал всего лишь полутысячной армией. Но после смерти племянника изрядно состарившийся полководец вышел на пенсию и с тех пор тихо-мирно доживает последние дни. Оные, правда, изрядно затянулись.

Принцесса Арит, двоюродная бабка короля, супруга принца Хоммера. Восемьдесят лет. Тихая добрая старушка, целыми днями вяжущая что-то в своих покоях.

Герцог Малькоу, шурин короля. Семнадцать лет. Брат королевы, десять лет назад приехавший с ней из Кайлана. Несмотря на юный возраст, исполняет обязанности телохранителя при своих маленьких племянниках – шпагой герцог владеет отменно.

До недавнего времени во дворце жила еще и королева-мать, но она скончалась за три месяца до прибытия Эйхгорна. Кроме того, у короля есть старшая сестра, которая сейчас замужем за королем Скильдруна, такого же крошечного королевства, как Парибул.

После королевской семьи идут сановники. Ближний королевский совет. Не считая самого Эйхгорна, который, как выяснилось, теперь тоже в этот совет входит, их шесть персон.

Епископ Далион, возглавляющий жречество Парибула и лично проводящий все церковные службы в королевском дворце.

Семьдесят один год.

Казначей Энтегу Ирми, стерегущий сундук с золотом, занимающийся государственным бюджетом, собирающий налоги и лично выдающий ежелунное жалованье. Семьдесят семь лет.

Камергер Лу Жевизео, муштрующий лакеев, горничных и пажей, а также отвечающий за кормежку, одежду, белье, мебель, отопление, конюшни, псарни, королевскую охоту и вообще снабжение дворца и королевской семьи, а также торжественные мероприятия. Пятьдесят четыре года.

Коннетабль Арфизо Мульципан, командующий королевским войском и отвечающий за охрану королевской семьи. Пятьдесят лет.

Кравчий Смейли Скитоллока, отвечающий за благоустройство королевских земель, а также строительство и ремонт дорог, стен и общественных зданий, в том числе королевского дворца. Шестьдесят лет.

Эдил Муа Жевизео, следящий за общественным порядком и возглавляющий административный аппарат – стражу, егерей, таможню, судейских и так далее. Сорок один год.

У каждого сановника во дворце свои покои. Однако четверо из шести используют их только в качестве рабочих кабинетов, а живут в городе, с семьями. Исключение составляют одинокий как перст казначей и полная ему противоположность – камергер. Этот повсюду посадил родню – жена служит фрейлиной королевы, дочь – камеристкой инфанты, двое сыновей-подростков – пажами, а младший брат – личным королевским секретарем. Эдил ему тоже родственник, хотя и дальний.

Итого двенадцать человек, на которых нужно произвести хорошее впечатление. Престарелых принца и принцессу в расчет можно не принимать – презентацию они вряд ли посетят.

Проще всего с детьми. Им хватит тех же бенгальских огней и карточных трюков. И их мнение немаловажно – король своих чад обожает.

А вот с остальными придется посложнее. С эдилом Эйхгорн отношения вроде бы наладил, королеве тоже вроде бы понравился, но камергера, кравчего и коннетабля пока что даже не встречал.

Особенно Эйхгорна беспокоил епископ. Черт уж его знает, как его задобрить. О местных верованиях Эйхгорн так и не удосужился узнать хоть что-нибудь. И он сильно сомневался, что епископа впечатлит фокус мироточащей иконы… хотя мысль неплохая, «плачущую» картину Эйхгорн изготовить сможет.

Надо только раздобыть картину.

Тем временем внизу действительно начались гулянья. В саду

собралось человек пятьсот – Эйхгорн некоторое время машинально их пересчитывал, но потом усилием воли одернул себя.

Интересно, по поводу чего празднество? Похоже на деревенскую свадьбу – все шумят, горланят, хаотично передвигаются, повсюду столы с бутылками и закусками…

Эйхгорн терпеть не мог такую суету.

Ближе к середине дня с неба закапало. Начался дождь – несильный, грибной. Как оглашенный, примчался Еонек – приволок начальству обед. Эйхгорн хотел спросить, что там внизу отмечают, но паж умчался, сверкая пятками.

Дождь понемногу крепчал, но народ в саду и не думал расходиться – только частично переместился в беседки и крытую галерею, обвивающую дворец. Трое парней нещадно терзали струны музыкальных инструментов, похожих на каплеобразные гитары. Его величество король взгромоздился на стол с кубком вина и громогласно вещал что-то неразборчивое.

Эйхгорн тем временем окунул в смесь последнюю спицу и положил ее к остальным на просушку. За окнами уже хлестал ливень, но в камине пылал огонь, так что условия создались приемлемые.

К тому же дождь радовал Эйхгорна еще и по другой причине – он наконец-то смог искупаться. Его ванна вмещала двести с лишним литров – Еонек уморился бы таскать ведра по лестнице. Но голь на выдумки хитра – на крыше башни имелся водосточный желоб, а сливную трубу можно было повернуть специальным ухватом, направив поток в комнату.

Именно на этом месте стояла купальная бадья.

С горячей водой проблем тоже не оказалось. Для нагрева здесь использовали самые обычные камни. Как следует раскалить их в камине, опустить в воду – и готова теплая ванна.

Залезши в бадью, Эйхгорн ощутил себя, как в японской бане. Снаружи продолжал лить дождь, создавая удивительно уютную атмосферу.

– Хорошо, – сделал аудиозаметку Эйхгорн.

После чего окончательно расслабился и погрузился по самые ноздри. В горячей воде его быстро разморило.

– Мэ-этр, я вам у…жжин принес!.. – раздался заплетающийся голос. Люк открылся – с третьей попытки, – и в комнату вполз, буквально вполз Еонек.

В дымину пьяный.

Эйхгорн изумленно приподнял брови. Пацану же двенадцать лет. Тут так рано начинают пить?

Потом взгляд Эйхгорна переместился к подносу и стал

совершенно снулым. Радостно скалящийся паж притащил, видимо, случайные объедки с пиршества. Там было надкусанное яблоко, половинка кренделя, тоненький ломтик ветчины, почти голая кисточка винограда и почему-то грязная тряпка.

Приглядевшись, Эйхгорн опознал в ней деталь женского туалета.

– Поставь на стол и выметайся, – безучастно приказал Эйхгорн.

Еонек часто закивал и уполз обратно в люк. Еще долго Эйхгорн слышал, как он ковыляет по ступенькам.

Еще сверзится, чего доброго.

Крендель и ветчину Эйхгорн съел.

Наутро паж вернулся квелый, с несчастным выражением лица. В глазах у него стояла такая смертная тоска, что Эйхгорн без колебаний пожертвовал одну из таблеток аспирина.

– Волшебное зелье, – сухо прокомментировал он. – Пей.

Еонек проглотил таблетку, с надеждой прислушался к ощущениям и явно был разочарован, что похмелье не прошло мгновенно.

– Ты что же вчера так набухался, малой? – спросил Эйхгорн. – Тебе взрослые-то разрешили?

– Так Пьяный День же, мэтр! – запротестовал Еонек. – В Пьяный День можно!

– И что же это за такой чудесный праздник, в который несовершеннолетним можно бухать? – скептически осведомился Эйхгорн. – Врешь ведь, малой.

– Да сами посмотрите! – обиделся паж. – Вот, прочтите в Луномере!

– Где-где?

Еонек очень странно посмотрел на Эйхгорна, подошел к шкафу и взял с книжной полки одну из брошюрок. То оказался календарь-ежедневник. На каждой странице кроме собственно таблицы дней было еще и их подробное описание – праздники, памятные даты и все в таком духе.

До этого Эйхгорн как-то не интересовался местным исчислением времени. Дел и без того хватало. Но теперь он полистал книжечку с любопытством, мысленно отмечая сходства и различия с привычным земным календарем.

Итак, местный календарь называется астучианским. Год состоит из трехсот шестидесяти шести суток… хм, почти как на Земле. Он разделен на четырнадцать лун, а каждая луна – на двадцать шесть дней. Как луны, так и дни имеют собственные имена – луны названы в честь животных, означающих знаки местного зодиака, а дни – в честь металлов, минералов и других

материалов, посвященных местным богам. Их, как нетрудно догадаться, двадцать шесть – это число называется севигой, а сама религия – севигизмом.

Например, вчера был Фарфоровый день, посвященный Люгербецу – богу еды и питья. А сегодня Железный день, он посвящен Энзирису – богу войны. Таким образом и складывается календарная система – вместо «первое января» тут говорят «день Стеклянного Вепря». А чаще попросту «Стеклянный Вепрь». Порядок лун и дней здесь каждый знает назубок.

Сегодня, значит, одиннадцатое число четвертой луны – Железный Ястреб. А вчера было десятое число – Фарфоровый Ястреб. Он же Эбридис или попросту Пьяный День. Действительно, праздник, причем церковный. Считается, что в этот день просто-таки грешно не выпить хоть глоточек вина – во славу Люгербеца и все такое. Даже детям дают пригубить капельку.

– Пригубить, – указал на эту строчку Эйхгорн. – Здесь написано – пригубить. Один глоток, чисто символически. А ты сколько выжрал, малой?

– Простите, мэтр, – уставился в пол Еонек.

Эйхгорн стал листать Луномер дальше. Занятная система. Понятия «неделя» в этом мире нет. Только луны и отдельные дни. Нет и выходных – правда, их отсутствие вполне компенсируется огромным количеством праздников. Их в каждом месяце штук пять – причем в Луномере перечислены только религиозные праздники, общие для всех севигистов, а ведь есть еще и светские, разные в каждой стране.

Четыре дня назад, например, праздновали Аматоридис – Влюбленный День. Что-то вроде земного Святого Валентина. А еще через шесть дней будут отмечать Мортудис – Мертвый День. Праздник поминовения усопших.

Кроме календаря в Луномере было еще четыре страницы всякой ерунды – какие-то советы огородникам и невнятные стишки. Видимо, просто свободное место оставалось – как и прочие книги, Луномер писался от руки.

Но прочитав эти странички, Эйхгорн все-таки получил крупицу важной информации. Он узнал название этой планеты. В разговорах его раньше никто не упоминал, спрашивать напрямую было невозможно и намекнуть тоже никак не получалось.

Парифат, вот как она называется. Планета Парифат.

– Забавный момент, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Выясняется, что Рыцарь Парифат – прозвище, а не имя.

Еонек тем временем уже почувствовал себя лучше. Глаза снова заблестели, на щеках заиграл румянец. Мальчишка

высунулся из окна и сказал:

– Смотрите, мэтр, а королевский брат все еще празднует!

Эйхгорн без интереса глянул вниз и увидел принца Шевузирда. Тот пребывал почти в той же позе, что и позавчера, только теперь на плацу, под открытым небом. Рядом невозмутимый лакей ширкал метлой.

Эйхгорну еще раз посмотрел на ужратого принца. Перевел взгляд на перегонный куб. В голову пришла интересная мысль…

Достав из шкафа колбу с этиловым спиртом, Эйхгорн на глазок оценил объем. Около двухсот миллилитров. Если разбодяжить водой и отфильтровать, можно сделать пол-литра паленой водки. Необходимый опыт у Эйхгорна есть еще со студенческой скамьи.

Но пол-литра – это всего лишь пол-литра. Неизвестно, какими дозами глушит алкоголь королевский брат, но вряд ли одной бутылки ему хватит надолго. А этилового спирта больше нет, где его здесь можно достать – тоже пока неизвестно, да и хотелось бы приберечь для чего-нибудь поважнее.

Поэтому лучше обратиться к народным средствам.

Сахар Еонек принес Эйхгорну еще три дня назад. Здоровый такой кусок свекловичного сахара в виде конуса. Наверное, спер на поварне.

Эйхгорн прикинул эту штуку на руке – килограмма два. Можно наварить литров десять браги. Ну а дальше дело техники – и аппарат уже имеется.

– У вас на поварне дрожжи есть? – спросил Эйхгорн.

– А то, – пожал плечами Еонек.

– Тащи. И побольше.

– Зелье варить будете, мэтр?

– Ага, зелье. Волшебное.

Пока паж бегал за дрожжами, а потом за картошкой и яблоками (Эйхгорн решил разнообразить рецептуру), в городе прозвенел полуденный колокол. Эйхгорн включил смартфон. Четыре дня назад он поставил часы на нем по этому колоколу, и за это время те убежали вперед на три с половиной минуты. Следовательно, местные сутки практически такой же длины, как земные – разница меньше одной минуты.

Если, конечно, звонарь блюдет строгий график.

Смартфон жил уже на последней зарядке, так что Эйхгорн решил наконец завести и этот средневековый анахронизм – настенные часы. В их устройстве он разобрался быстро – вполне стандартный маятниковый механизм, с анкером и храповиком. Правда, есть и серьезное отличие – стрелок нет и никогда не было, вместо них по кругу движется сам циферблат. Точнее, два

подвижных обода-колеса – внутреннее и внешнее. Первое совершает полный оборот за сутки, второе за час. Какие деления в данный момент находятся сверху – столько сейчас и времени.

Делений на обоих ободах по двадцать шесть, но на внешнем каждое деление состоит из двух половинок – в здешнем часе пятьдесят две минуты. А в минуте, как Эйхгорн узнал из Луномера, семьдесят восемь секунд. Кроме того, он уже вычислил, что сутки длиннее земных всего на одну минуту. Следовательно, местный час равен 0.92 земного, минута – 1.07 земной, а секунда – 0.82 земной.

Количество часов в сутках то же, что и количество дней в луне – двадцать шесть. Для туземцев это число имеет сакральное значение, так что встречается на каждом шагу. Часы делятся на пять рассветных, восемь полуденных, пять закатных и восемь полуночных. Сутки начинаются с первого рассветного часа, а заканчиваются восьмым полуночным.

– Засекай время, малой, – велел Эйхгорн, разводя дрожжи в теплой воде. – Через семь дней я вам покажу настоящие чудеса.

Глава 10

По мере того, как брага созревала, принц Шевузирд все чаще поводил носом в сторону башни. Насквозь провонявший химикалиями Эйхгорн совсем перестал выходить наружу. День за днем просиживал в лаборатории, занимаясь пиротехникой, самогоном и генерацией новых идей.

Из-за плохого освещения спать он теперь ложился рано. Днем комнату в башне заливало солнечными лучами, но после заката оставались только свечи, да огонь в камине. Работать в таких условиях Эйхгорну не нравилось, поэтому он перешел на режим местных – отбой сразу после заката, подъем еще до рассвета.

Пошел одиннадцатый день его пребывания на Парифате, когда он таки спустился вниз. Дело в том, что наступил Малахитовый Ястреб – а именно по Малахитовым дням здесь выплачивают жалованье.

Насколько Эйхгорн понял из Луномера, Малахитовый день посвящен Гушиму – местному богу торговли, богатства и денег. Гушим – бог одновременно жадный и щедрый (как это сочетается – вопрос к теологам), и он очень любит, когда деньги переходят из рук в руки. Поэтому в его дни все стараются делать побольше покупок, везде устраиваются ярмарки, а в учреждениях выдают зарплату.

К кабинету казначея выстроилась настоящая очередь. Горничные, лакеи, стражники – все спешили получить ежелунное жалованье. Помнивший еще советские очереди Эйхгорн приготовился терпеливо ждать, но оказалось, что сановники проходят первыми. Он расписался в гроссбухе, и казначей неохотно отсчитал девять золотых круглях.

С учетом сегодняшнего, Эйхгорн провел на королевской службе уже девять дней.

Вот они какие, регентеры. Довольно крупные монеты, увесистые. На одной стороне изображена чья-то голова, на другой герб, год и несколько букв непонятного значения. Скорее всего, аббревиатура.

А вот интересно, чистое в них золото или разбавленное?..

К сожалению, у Эйхгорна не было пробирных игл или других эталонов, так что пришлось ограничиться элементарным химическим анализом. Золотой штрих никак не отреагировал на азотную кислоту – следовательно, проба не ниже пятисотой. А вот азотно-соляный реактив с двадцатипроцентным содержанием воды дал негативную реакцию – следовательно, до девятьсот пятьдесят восьмой проба не дотягивает.

Добавляя потихоньку еще воды и проверяя золотые штрихи, Эйхгорн наконец пришел к результату в девятьсот. Плюс-минус немного на погрешность измерения – все-таки Эйхгорн не профессиональный пробирер.

Но большей точности и не требуется.

Девятисотая проба, значит. Теперь надо бы еще узнать вес этих монет. Эйхгорн твердо вознамерился выяснить размер своего жалованья в земной валюте. Он, правда, никогда не следил за финансовыми рынками и не знал современных цен на золото… но хотя бы приблизительно.

Своих весов у Эйхгорна не было. Он же выкинул безмен. Впрочем, даже если бы и не выкинул – попробуй-ка, взвесь монету кухонным безменом. Зато среди добра, унаследованного от прежнего владельца, имелись рычажные аптекарские весы с набором крохотных гирек.

Ими Эйхгорн и решил воспользоваться.

По форме регентеры были не совсем идентичны. Судя по их внешнему виду, чеканка здесь используется примитивная – скорее всего, просто отбивают монеты молотом. Даже самый лучший чеканщик не может каждый раз бить с абсолютно одинаковой силой – вот края и гуляют.

Наверняка чуть-чуть различается и вес. Так что Эйхгорн взвесил все девять монет разом, получив 196 п. Значит, одна монета весит 21.8 п. Разумеется, на Парифате используют собственные единицы веса, и черт его знает, сколько это будет в граммах.

Ясно только, что это самое «п.» меньше грамма, причем намного – двадцать граммов регентер точно не весит. Семь-восемь, не больше.

Значение этой единицы Эйхгорн узнал элементарным способом. Просто взял таблетку цитрамона и взвесил на все тех же рычажных весах. Благо те отличались удивительной точностью – похоже, местные аптекари работают очень скрупулезно.

В разновесе самая маленькая гирька весила 0.1 п. Такую микроскопическую фигулинку даже пальцами не ухватишь – пришлось использовать пинцет. Соответственно, узнать вес искомого объекта можно с точностью до 0.1 п.

Одна таблетка весила 1.4 п. и еще чуть-чуть. Взвесив разом двадцать таблеток, Эйхгорн получил 29 п. Следовательно, точный вес одной таблетки – 1.45 п.

Ну а вес этой таблетки в граммах указан на упаковке. Кислоты ацетилсалициловой – 0.24 г, парацетамола – 0.18 г, кофеина – 0.03 г. Итого 0.45 граммов.

Ну а $0.45/1.45 = 0.31$.

Итак, п. = 0.31 г.

Следовательно, вес одного регентера – $21.8 \times 0.31 = 6.758$. Шесть и три четверти граммов золота. Всего же у него получается шестьдесят граммов золота девятисотой пробы. Даже если сдавать по цене лома – более чем щедро за девять дней не слишком напряженной работы.

А ведь король обещал еще и прибавку, если Эйхгорн его впечатлит.

Конечно, пока неизвестно, какой курс золота на Парифате. Может статься, что золотые самородки тут валяются прямо под ногами, а за золотую монету можно купить разве что бутылку пива.

– Малой, а много в вашем королевстве можно купить за золотой регентер? – спросил Эйхгорн, протирая очки.

– Много, мэтр! – закивал Еонек. – Целого теленка купить можно!

– Теленка, говоришь?.. – медленно переспросил Эйхгорн.

– Ага! Или камзол!

– А если пива? Почем у вас тут пиво?

– Пива-то?.. Ой, мэтр, да пива вы на этот регентер столько купите, что захлебнетесь в нем! Ковшей сто, наверное!

Эйхгорну это понравилось. Похоже, волшебники здесь оплачиваются по высшему разряду.

– Вот что, малой, – обмакнул он перо в чернильницу. – Ты вроде говорил, что твоя сестра замужем за стеклодувом?

– За подмастерьем стеклодува, – поправил Еонек. – Мелек еще только учится.

– Неважно. Смотри сюда. Сходишь к стеклодуву и закажешь у него стеклянный шар вот такого размера… не перепутай! И еще стеклянную бутылку вот такой формы…

– Тоже не перепутать?..

– Нет, тут не так важно… – ответил Эйхгорн. – Примерно вот такую. Еще найдешь мне какую-нибудь железную палку примерно вот такой толщины, пару железных шайб и проволоки. Лучше латунной. А у столяра закажешь… смотри внимательно, малой!..

Неуклюже орудуя непривычным инструментом, Эйхгорн начертил приблизительный чертеж. Местных мер длины он все еще не знал, поэтому для наглядности нарисовал рядом карикатурного человечка, подписав «Еонек». Паж наморщил нос и заявил, что это на него совсем не похоже, а Эйхгорн сухо ответил, что он художник, он так видит.

На расходы Эйхгорн выдал Еонеку один регентер, велев на сдачу взять пива.

Увы, вечером тот вернулся с бутылкой, палкой, проволокой, деревяшками и большой миской тушеной крольчатины, но без пива. Стеклодув де заломил цену за стеклянный шар. Нестандартное, мол, изделие, задешево не возьмется. Мелек-то, конечно, охотно бы помог шурину, но ему пока не разрешают работать самостоятельно.

– Черт с ним, – поморщился Эйхгорн. – Он сказал, когда будет готово?

– Через три дня. Велел прийти на Янтарный Ястреб.

– В обрез, – снова поморщился Эйхгорн. – Ладно, но на Янтарный Ястреб с утра прямо пойдешь и заберешь, понял?

– Понял, мэтр. А это вам для гаданий, да? А разве хрустальный не лучше?

– Некритично.

Эйхгорн проверил бенгальские огни. Они уже совсем высохли и были готовы к употреблению. Пятьдесят одна штука – Эйхнгорн машинально их пересчитывал каждый раз, когда видел.

Не помешает провести испытание. Убедиться, что огни нормально горят и не засветят королю искрой в глаз. Эйхгорн достал зажигалку, уже привычно пряча ее в кулаке, поджег серебристую палочку… и глаза пажа резко округлились.

– Гром и молния!.. – восторженно воскликнул он, тянясь к огню. – Мэтр, вот это и вправду здорово!..

– Руками не трогай, обожжешься, – предупредил Эйхгорн.

Сначала он хотел дать Еонеку подержать огонь, но передумал. Если чудо доступно каждому, его ореол тускнеет. Может, потом, когда Эйхгорн получит постоянную должность.

Бенгальский огонь догорел. Эйхгорн обмакнул грязную спицу в ведро с водой и убрал в шкаф.

– Принесешь мне завтра столярные инструменты и самый длинный кожаный ремень, какой только найдешь, – велел он. – И еще живого кролика.

Еонек, уже привыкший, что начальник заказывает всякие странные штуки, понимающе кивнул. На разложенные в шкафу бенгальские огни он таращился с явным вожделением, и Эйхгорн решил за ними присматривать.

Он в свои юные годы тоже регулярно тырил карбид на стройке, чтобы потом утопить его в школьном туалете. Благо стройка была «вечной» – началась, когда Эйхгорн пошел в первый класс, а закончилась, когда он учился на третьем курсе, уже при частном секторе. Все сознательное детство эти два с половиной этажа маячили у Эйхгорна перед глазами. Именно там он поставил первый научный эксперимент, первый раз сломал руку и первый раз поцеловался с девочкой.

А потом здание таки достроили, и оно оказалось скучным универмагом. Там продавалась одежда и продукты. Мальчишки все равно туда бегали, потому что на втором этаже был отдел игровых автоматов, но Эйхгорн к тому времени уже вырос, и его подобные глупости не интересовали.

У него же был собственный ZX-Spectrum.

Глава 11

Вот и наступил день Янтарного Ястреба. Его величество Флексиглас устроил званый обед – в узком кругу, только для семьи и ближнего совета. Без какого-либо особого повода – король просто любил принимать гостей. Он бы охотно закатывал пиры каждый день, но такого бюджет Парибула не выдерживал.

Тем не менее, это был настоящий королевский пир, и Эйхгорн впервые на таком присутствовал. Как обычно, он глядел снулым, совершенно безразличным взглядом, но внутри слегка нервничал, опасаясь где-нибудь напортачить. У него не было случая ознакомиться с парибульским застольным этикетом, поэтому он решил просто делать то же, что делают прочие – и ничего более.

Эйхгорна усадили в самом дальнем конце, справа от королевского брата. Местные правила хорошего тона не требовали обнажать голову во время еды, так что все гости были в шапках. Но принц Шевузирд свою сразу же снял, положив ее чуть ли не в тарелку Эйхгорна. Огромную меховую шапку, источающую зловоние и перемазанную чем-то липким.

Свой реквизит Эйхгорн оставил в коридоре, под охраной Еонека. Он строго-настрого наказал мальчишке ничего не трогать и никого близко не подпускать. Но ему все равно хотелось поскорее начать – а ну как Еонек заскучает и полезет изучать «волшебное» барахло?

Эйхгорн бы на его месте точно полез.

Увы, король никуда не торопился. Временами поглядывал на своего нового волшебника, но ничего не говорил, ни о чем не спрашивал. Зато уж жевал так, что за ушами трещало.

Перед каждым гостем стояла плоская тарелка, глубокая миска и деревянная доска для резки мяса. В центре стола – большие чаши с душистым соусом, уксусом и щавелевым соком. Сначала подали маленькие, нежные, подслащенные медом гренки с гипокрасом. Потом пошли закуски – соленый окорок, копченая свиная колбаса, сосиски и соленые говяжьи языки. Чтобы разыгрался аппетит и жажда.

Во вторую смену блюд подали овощной суп с клецками и гранатами, мелко нарезанные и пожаренные панты молодого оленя, паштет, вареную куру с латуком. Было и еще одно блюдо – жареные ежи в сладком соусе, – но его Эйхгорн отведать не решился.

В третью перемену подали жареное мясо всех видов, куропаток и каплунов, огромную форель и раков. А на десерт –

жирный творог и сыры, сладкие пироги, фрукты и варенье.

Жевать приходилось быстро – как только король клал нож и вилку, стоящий за спиной лакей уносил его тарелку. Повинуясь этому сигналу, все остальные тарелки также тотчас забирали. Закончил ты есть, не закончил – на это никто не глядел. Эйхгорн с сожалением проводил взглядом остатки своего каплуна.

– Ну что ж, мэтр… – пробурчал король, ковыряя в зубах острой щепочкой. – Мы тут поели, теперь можно и развлечься. Давай, покажи свои таланты. Удиви нас. Только в этот раз уж получше постарайся…

– Не беспокойтесь, ваше величество, – безучастно ответил Эйхгорн. – Еонек!..

Паж тут же вкатил в столовую реквизитную тележку. Эйхгорн сделал ее своими руками, из обломков старой мебели. Дольше всего пришлось возиться с колесиками – он никак не мог подобрать нужного размера. Эйхгорн уже хотел плюнуть и оставить так, но тут Еонек притащил два колеса от старых тачек.

Конюх и садовник все еще их разыскивали.

– Для начала я хотел бы предложить всем присутствующим испить волшебного эликсира из этого волшебного сосуда, – откупорил Эйхгорн пластиковую бутылку. – Еонек, кубки.

Принц Шевузирд резко подался вперед и невольно сглотнул. Король тоже смотрел заинтересованно. Стоящий подле него дегустатор заученным жестом выставил свою пиалушку – туда сначала лили все напитки, подаваемые королю. И Эйхгорн плеснул туда тридцать миллилитров яблочного первача.

Выпив его одним глотком, дегустатор почти не изменился в лице. Только издал странный свистящий звук. Эйхгорн чуть заметно улыбнулся – проведя тестовые испытания на эдиле и пару слуг, он выяснил, что настолько крепких напитков в Парибуле не знают. Самое крепкое, что здесь пьют – некий элитный напиток «Слезы Брайзола», но в нем не больше сорока градусов, и он страшно дорогой.

А если не считать его – только крепленые вина.

После дегустатора самогонки тяпнул и король. За ним супруга, шурин и сановники. Принцу и принцессе Эйхгорн отказал – мол, детям этот эликсир вреден.

– Ох и жгучий же эликсир!.. – прохрипел король, страшно пуча глаза. – Чистый огонь!..

Последним дорвался принц Шевузирд. Этому Эйхгорн плеснул особенно щедро. Залпом выхлебав почти триста миллилитров ядреного зелья, титулованный пьяница порозовел и часто заморгал – даже для него такое оказалось непривычным.

– Хор… р!.. рошо!.. – гаркнул он, тщетно ища, чем закусить.

Всю еду со стола уже унесли. – Оч!.. чень!..

– А… а я забыл спросить, что этот эликсир делает? – спохватился король.

– Он целебный, ваше величество. Называется – шмурдяк. Помогает от сглаза, порчи, лечит душевные недуги, чистит ауру и карму и устанавливает в ваших монадах полный фэн-шуй.

– Вот ни слова не понял, но чувствую, что умные вещи говоришь, – одобрительно покивал король. – Молодец, мэтр, давно бы так. Плесни-ка мне еще эликсиру в рюмочку… да нет, не столько, поменьше… нет, побольше… ну куда, куда?.. вот так!.. Молодец. Начинаешь мне нравиться. Что еще интересненького приготовил?

– Немного мелких чудес для увеселения вашего взора, – поклонился Эйхгорн. – Вот, обратите внимание на мой колпак. Как видите, он совершенно пустой…

Эйхгорн развернул колпак над тележкой, сунул туда руку, поболтал немного… и достал за уши живого кролика!

– Ах!.. – всплеснула руками королева.

Маленькие принц и принцесса вскочили со стульев. До этого момента они откровенно скучали, терпеливо дожидаясь, пока их отпустят из-за стола, но такое!.. Кролик!.. Настоящий живой кролик из волшебной шляпы!..

После этого Эйхгорн показал несколько карточных фокусов и пару эффектных химических реакций, достал из уха короля сырое яйцо, зажег свечу на расстоянии и проткнул свою руку ножом, а потом мгновенно «залечил рану». Он подумывал еще и о том, чтобы распилить женщину, но для этого требовался слишком сложный реквизит и ловкая ассистентка.

Фокус с карандашом Эйхгорн тоже решил не показывать.

В конце концов наступил черед бенгальских огней и петард. Последних Эйхгорн из-за дефицита химикатов сделал всего две. Древесного угля у него было вдоволь, но серы маловато, а нитрат калия отсутствовал совсем, и произвести его Эйхгорн уже не успевал. Так что о черном порохе пришлось забыть и просто сварганить пару хлопушек с гремучей ртутью.

Дошло дело и до дезодоранта. Эйхгорн выпустил шипучую струю, поджег ее зажатой в кулаке зажигалкой… и какой же шикарный получился язык пламени! Приставив баллончик к лицу, Эйхгорн добрую минуту изображал из себя разъяренного дракона.

Все эти огни и бабаханье изрядно позабавили королевскую семью. Совершенно уже никакой принц Шевузирд взирал на Эйхгорна благосклонным взглядом, дети и королева от души радовались, шурин восторженно кивал, и даже король изволил

милостиво улыбнуться.

А вот сановники по-прежнему имели скептический вид. Особенно епископ – этот сидел с поджатыми губами, словно аршин проглотил.

Но он по крайней мере молчал. А вот камергер в какой-то момент кашлянул и сказал:

– Эффектное представление, мэтр. Но я что-то не наблюдаю в нем толку. Зачем это нужно?

– Что именно? – осведомился Эйхгорн.

– Все это. Вот эти вспышки, угадывание карт… какая от этого польза?

– Польза?.. Но… но это же магия…

– Сама по себе, что ли? Магия ради магии?

Эйхгорн растерялся. Такого вопроса он не ожидал.

– Вот кролики – это я понимаю, – снизошел камергер. – Кролики – это полезно. Вы можете наколдовать еще?

– Еще?.. Сколько?..

– Будет очень замечательно, если вы сможете поставлять на поварню хотя бы два десятка ежедневно. Это сэкономит нам… сколько это нам сэкономит, мессир Ирми?

– Девять серебряных регентеров и два больших ту в день, – без раздумий ответил казначей.

– Немного, но уже польза, – щелкнул пальцами камергер. – Кстати, вы только кроликов создавать можете? Вам для этого обязательно нужен колпак? Если я велю портным сшить вам колпак побольше – теленка наколдовать сумеете?

Эйхгорн стоял, как пришибленный. Он совершенно не был готов к такому прагматизму. Хотя стоило быть готовым – земные короли средневековья тоже ждали от алхимиков не чудес, а золота.

Много золота.

– Боюсь, для такого волшебства нужно благоприятное расположение звезд… – в отчаянии обратился Эйхгорн к прежнему оправданию.

Камергер криво усмехнулся. Король разочарованно покачал головой. Похоже, он тоже уже представил себе огромный волшебный колпак, из которого безостановочно выходят стада коров, овец, свиней, верблюдов, слонов, невидимых розовых единорогов…

– Что-нибудь еще? – скучающе осведомился он.

– Разумеется, – ровным голосом ответил Эйхгорн, спешно монтируя свой главный козырь.

Он подвесил на двух шнурах железную балку, для чего пришлось влезть на стол. Прицепил к ней две проволоки, одну из

которых погрузил в частично наполненную водой склянку, а другую положил на стеклянный шар, закрепленный в ременном приводе. За свободный конец ремня взялся уже наученный Еонек.

– Ваше величество, я хочу показать вам, что магия способна не только на цветные огоньки, – самым серьезным голосом произнес Эйхгорн. – Магия может быть грозной. Магия может убивать.

– Так-так, – заинтересованно кивнул король.

– Однако для демонстрации мне нужен доброволец, не боящийся боли. Ибо боль будет сильной.

В столовой воцарилось молчание. Король задумчиво потер подбородок. Дегустатор и все лакеи как бы невзначай отступили к стенам. Тримейские наемники стояли с каменными лицами. Король уже открыл было рот, чтобы назначить добровольца, но тут поднялся коннетабль. Крепкий, почти квадратного телосложения дядька с начинающими седеть волосами. Издав странный хлюпающий звук, он подошел к Эйхгорну и хмуро велел:

– Показывай свою магию, колдунец.

Эйхгорн молча сунул ему в руки склянку. Сам же взялся руками за стеклянный шар и кивнул Еонеку. Тот принялся тянуть приводной ремень, заставляя шар вращаться – все быстрее, быстрее, быстрее!..

– Абыр!.. – приговаривал Эйхгорн. – Абыр!.. Абыр!..

Эйхгорну ощутимо жгло руки, но больше ничего не происходило. Коннетабль держал склянку, сверля Эйхгорна мрачным взглядом. Еонек тянул ремень.

Прошла минута. Пошла вторая. Король уже начал недовольно ворчать… как вдруг коннетабль затрясся, точно ударенный молнией!

– Абырвалг!!! – торопливо выкрикнул Эйхгорн.

Лейденская банка выпала у коннетабля из рук и разбилась. Тот остолбенело моргал и хватал ртом воздух. Король медленно поднялся, обошел вокруг пострадавшего, потыкал его пальцем в плечо и озабоченно спросил:

– Арфизо, ты как, живой?

– А-а… – кивнул коннетабль. Четырежды. – Но ду!.. а!.. мал – помру…

– Заклинание не смертельное, – торопливо вставил Эйхгорн. – Просто сильный шок.

– Сильн!.. а!.. ае заклинание, а-а… – согласился коннетабль.

– Только очень медленное, – поджал губы король. – И еще склянку держать надо. Вряд ли у меня во врагах будут такие дураки, чтоб согласились целый час держать склянку, пока ты их

проклинаешь.

– Можно и без склянки, – нехорошо прищурился Эйхгорн. – Я могу показать пару других заклинаний, поопаснее…

– Ну так покажи. Чего ждешь-то?

– Как вам будет угодно, ваше величество. Только на этот раз для демонстрации мне понадобятся уже… смертники. Найдутся желающие?

Дегустатор и лакеи отступили еще дальше.

– Ладно-ладно, не надо смертников, – милостиво склонил голову король. – Верю на слово, убедил. Кое-что ты и в самом деле умеешь, мэтр. Не обманул. Так уж и быть, возьму тебя на постоянную должность. Только на повышение жалованья не рассчитывай – сколько получал, столько и будешь.

Эйхгорна это крепко разозлило. Две недели он работал, не разгибая спины, показал этим аборигенам такое, чего здесь никогда не видели – а они еще и недовольны?

Какого ж черта им еще нужно? Игоря Кио и Амаяка Акопяна? У Эйхгорна нет их лицедейских талантов, да. Он никогда не умел себя… презентовать. Всегда придерживался мнения, что человек должен просто делать то, что умеет, а не волноваться о том, как бы подороже это продать.

Но по крайней мере, он обезопасил спину от палок и получил неплохую работу. Золотой регентер ежедневно – это и так гораздо больше, чем он получал в конструкторском бюро, так что нечего жаловаться.

К тому же теперь его будут выпускать из замка. Надо будет завтра прогуляться в город, осмотреть местные достопримечательности. А то уже две недели в четырех стенах, протухнет скоро.

Король громко икнул и сказал:

– Слушай, а вот для твоего… целебного эликсира… как там его?.. шму?..

– Шмурдяк.

– Агм… для него тоже нужно… благоприятное расположение звезд?

– Нет, для него не нужно, – ответил Эйхгорн.

– Вот это хорошо, это очень хорошо… Приготовь мне его еще.

– Уже, ваше величество, – поклонился Эйхгорн. – В моей башне дозревают еще две большие бутыли.

– Молодец, – расплылся в улыбке король. – Хвалю.

– Хы… валю!.. – промямлил принц Шевузирд, падая под стол.

Глава 12

Проснувшись следующим утром, Эйхгорн, даже не открыв глаз, произнес в диктофон:

– Двадцать шестое августа две тысячи четырнадцатого года. Возможно, двадцать седьмое. По местному календарю – день Оловянного Ястреба тысяча пятьсот четырнадцатого года. С сегодняшнего дня я официально – придворный волшебник Парибула. Без диплома.

Дочитав аудиозаметку, Эйхгорн неохотно вылез из-под кучи шкур и спустил ноги на пол. Из окон ужасно дуло. Все-таки жить на постоянном сквозняке чревато разными простудными заболеваниями. Все предыдущие дни Эйхгорну везло, погода стояла безветренная, но лето однажды закончится… кстати, а лето ли сейчас здесь? За обилием дел он так и не удосужился узнать подробнее о местной географии, климате и прочих важных вещах.

Впрочем, ничто не мешает заняться этим прямо сегодня. Благо, если не считать самогоноварения, обязанностей у него никаких нет.

Насколько Эйхгорн понял из разговора с эдилом, придворный волшебник – это, в общем-то, синекура. Ничего конкретного от него не ждут – просто сиди в своей башне и повышай этим рейтинг королевства. Мол, тоже не лыком шиты – свой волшебник имеется.

Так что при желании можно хоть целыми днями торчать у окна, таращиться на городскую панораму. Столица Парибула из окон башни просматривается вся, целиком.

Столица, ха. Альбруин – крохотный городишко, тысяч на десять жителей. Но это самый крупный город Парибула. Точнее, это единственный город Парибула. Остальные королевские подданные живут в деревнях и на хуторах – их в Парибуле множество. А город только один.

И поскольку он только один, именно в нем размещается королевская резиденция. А также башня волшебника. Его, Эйхгорна, башня.

Новый дом.

Прогулку по городу Эйхгорн решил совершить после завтрака. Вчера он тоже немного тяпнул своего эликсира, и последствия еще давали о себе знать. Хотя вообще-то самогон получился довольно мягкий, в голове почти не шумело.

Когда Еонек явился с завтраком, Эйхгорн все еще валялся на кровати, читая «Рыцарь Парифат и Клубящийся Ужас». Эти

книжки неожиданно оказались довольно увлекательными, хотя и чрезвычайно наивными. По стилю – что-то среднее между Жюлем Верном и Томасом Мэлори.

Теперь Эйхгорн окончательно вычеркнул версии сна, галлюцинации, сумасшествия. Подсознание способно выкидывать очень замысловатые трюки и может составить весьма сложную картину мира… но сочинить для своего хозяина целый роман подсознанию не под силу. Тем более, что в шкафу этих романов полтора десятка.

Нет, теперь окончательно подтверждено, что вокруг – стопроцентная реальность. Эйхгорн действительно прошел через червоточину и оказался на другой планете. А поскольку вормолеграф с самого перемещения ни разу не подал признаков жизни, вернуться в ближайшее время не светит.

Кстати, надо бы разобрать вормолеграф – убедиться, что он все еще работает. Мало ли.

– Что там у меня на завтрак, малой? – закрыл книгу Эйхгорн.

– Лепешки с медом и салат из петрушки с луком.

– А запить?

– Целый кувшин колодезной воды.

Эйхгорн задумчиво посмотрел на перегонный куб, из которого капала мутная жидкость, но потом передумал. Нажираться с утра совершенно не хотелось.

Да и вообще не хотелось. Эйхгорн, в общем-то, никогда не злоупотреблял – так, за компанию, под настроение, снять стресс и все такое. Без повода он обычно не пил.

С другой стороны, сегодня день рождения Жозефа Монгольфье. Эйхгорн очень уважал этого великого человека и не видел причины, по которой не может поднять в его честь пятьдесят грамм.

Он уже взял одноразовый стаканчик, но вдруг… заметил кое-что в окне. Эйхгорн несколько раз моргнул, потом закрыл глаза совсем, снял очки и потер переносицу.

Когда он вернул очки на место, в окне все было по-прежнему. В пасмурном сером небе, заметно припадая на левый край, летел огромный ковер.

И на нем сидел человек.

– Сегодня я еще не выпил ни капли, – машинально произнес Эйхгорн в диктофон. – Однако если это галлюцинация, то она удивительно яркая и отчетливая.

Не понявший ни слова Еонек вопросительно смотрел на Эйхгорна. Он уже привык, что начальник иногда подносит к губам эту железную штучку и вещает в нее на непонятном языке.

– Скажи-ка, малой, ты тоже это видишь? – осведомился

Эйхгорн.

– Что?.. А, ковролетчика-то? Конечно, вижу. А вы не видите? Может, вам новые очки нужны, мэтр?

– Не хами старшим, – спокойно ответил Эйхгорн, пристально глядя в окно.

Ковер-самолет опустился у входа во дворец. Ездок степенно сошел с него и низко поклонился – во двор уже выходил сам король, а за ним и королева. Вид они имели чрезвычайно радостный.

Никогда в жизни еще Эйхгорн так быстро не бегал. Он перепрыгивал через две ступени, разве что не катясь по лестнице кубарем. Каких-то полминуты – и он уже вылетел из башни, мчась к этой… аномалии.

Он пока еще не придумал насчет нее ни одного вразумительного объяснения.

– О, мэтр!.. – махнул ему король. – Сам пришел, молодец! Я уж хотел за тобой посылать!

– Добрый вэтер, мэтр, – расплылся в улыбке ковролетчик. – Новый здэсь, да?.. Паздравляю!..

На негнущихся ногах Эйхгорн подошел к ковру-самолету. Он почти не слышал того, что ему бубнили король и ковролетчик. Эйхгорна сейчас волновал только ковер.

Летающий ковер.

Даже не подумав спросить разрешения, Эйхгорн взялся за край. На вид и ощупь самый обыкновенный ковер – ворсовый, тканый, довольно толстый и тяжелый, расписан сложными геометрическими узорами. По углам небольшие кисти.

Но всего пару минут назад он несомненно летел по воздуху. Это не могло быть галлюцинацией. Вот этот бородач с акцентом прилетел сюда на ковре.

– Это что?.. – промямлил Эйхгорн. – Он что… летал?..

– Канэшна, лэтал, – удивленно ответил ковролетчик. – Как же нэ лэтать?

– А… как он летает?..

– Магия, канэшна. Валшэбство.

– Вол… волшебство?.. – с трудом выговорил Эйхгорн. – Настоящее… волшебство?.. Оно что, правда… существует?..

Король и ковролетчик недоуменно переглянулись, а потом залились смехом.

– Молодец, мэтр! – утер слезы король. – Молодец!

– Харошая щютка, мэтр! – обнажил белоснежные зубы ковролетчик. – А нэкоторые еще говорят, что у валшэбников нэт чувства юмора!

Эйхгорн потер лоб. Только он начал полагать, что более-

менее разобрался в ситуации, как вселенная плеснула ему водой в лицо.

Он мог бы предположить, что это какое-то высокотехнологичное летательное средство, для каких-то причин оформленное в таком нелепом виде. Но подобных технологий в принципе не может быть в захудалом средневековом королевстве. Их и на современной Земле-то пока еще нет.

Ковролетчик тем временем стал сгружать с ковра небольшие коробки и свертки. Король и королева восторженно их разбирали, тут же распаковывали и очень шумно обсуждали.

Почему-то особенно сильно королева обрадовалась пустой клетке. Громко ахнув, она воскликнула:

– Дорогуша, это то самое, что я заказала?!

– Имэнно так, ваше вэличество, – кивнул ковролетчик. – Ее завут Душечка.

– Ай, какое же милое имя!.. – просюсюкала королева. – Ой, ты моя хорошая!..

– Что это такое? – скептически осведомился Эйхгорн, наклоняясь к клетке.

– Нэвидимая сабака, – ответил ковролетчик. – Очен ласковая.

– Невидимая собака?.. – фыркнул Эйхгорн. – И потрогать ее, я так понимаю, тоже нель… ё!..

– Как мило, мэтр, моя собачка вас укусила! – расплылась в улыбке королева.

Эйхгорн задумчиво пососал палец. Потыкал другой рукой в клетку – и нащупал что-то твердое, покрытое шерстью… с зубами.

Но совершенно невидимое.

Из клетки донеслось приглушенное тявканье. Продолжая сюсюкать, королева достала откуда-то из складок платья кусочек сырого мяса… и Эйхгорн стал свидетелем жуткого зрелища. Мясо повисло в воздухе и стало стремительно менять форму, расползаться в клочья, пережевываемое невидимыми зубами. Бесформенные шматки скользили по невидимому пищеводу, падали в невидимый желудок и снова повисали в воздухе.

– Где такие водятся? – ошалело спросил Эйхгорн.

– Разводят коэ-где… – рассеянно ответил ковролетчик. – Ваше вэличество, вот еще тэ зерна, что вы прасыли. Пятьдэсят штук.

– О, как замечательно!.. – потер руки король, копаясь в полотняном мешочке. – Давно, давно жду! Прежние-то еще в ту луну кончились!

– А это что? – сунул нос Эйхгорн.

– Помни-зерна, – достал одно король. – Тут театральные представления, иллюзионы, соревнования атлетов…

– Эсть финал Турнира Сыльнейших! – похвастался

ковролетчик.

– О, порадовал! – расплылся в улыбке король. – Это мы будем смотреть всем двором!

– Правэрять будэте, ваше вэличество?

– Не помешает, не помешает… – задумчиво покивал король. – Что тут у тебя самое коротенькое?..

– Там гдэ-то эсть одно испорчэнное – бэсплатно положил. Просто сцэнка из балэта. Минут пять.

– Уже нашел, – достал еще одно зерно король. – Сейчас посмотрим… Эй, воды королю!..

Штука, которую его величество назвал «помни-зерном», и выглядела как самое обычное зернышко. Размером примерно с кукурузное. К нему был приклеен крохотный ярлычок с бисерным текстом.

Слуга поднес королю чашу с водой. Тот осторожно опустил туда зернышко, поставил чашу на землю и плюхнулся рядом, оперши подбородок на ладони. Эйхгорн настороженно смотрел туда же – после ковра-самолета и невидимой собаки он ожидал чего угодно.

А ну прорастет бобовый стебель до самого неба?

Но ничего подобного не произошло. Зерно даже не подумало прорастать – только мягко засветилось и… исторгло из себя девушку. Одетая в блестящие одежды, она затанцевала на траве, высоко подскакивая и взмахивая длинными ногами.

Эйхгорн пораженно глядел на эту… голограмму?.. Это безусловно не был реальный человек – девушка пробегала сквозь стебли травы, чуть заметно при этом мерцая. Но в остальном изображение выглядело точь-в-точь как настоящее, только без звука… и раз в десять меньше. В голографической балерине было шестнадцать-семнадцать сантиметров росточку.

Танец действительно продлился около пяти минут. Точнее, четыре минуты пятьдесят две секунды – Эйхгорн машинально засек время.

Король тем временем взял ковролетчика за плечо и тихонько, опасливо поглядывая на играющую с собачкой супругу, спросил:

– А эти ты привез… ну, сам знаешь?..

– Канэшна, ваше вэличество, – так же тихо ответил ковролетчик, протягивая еще кулечек, поменьше. – Дэсат штук, самые м-ма!..

– Молодец, хвалю! – расплылся в улыбке король, тайком пряча пакетик в карман.

Эйхгорн уже не знал, чего ожидать от остальных коробок и свертков. Но там не оказалось ничего столь же ошеломительного. Ящичек ароматного жевательного табака. Наручные солнечные

часы, украшенные бриллиантами. Десяток хрустальных шариков непонятного предназначения. Музыкальный инструмент, похожий на волынку. Рулон шелка. Пять фиолетовых фиалов из тончайшего стекла. Объемистый флакон духов. Длинный кинжал, усеянный самоцветами. Несколько журналов в ярких обложках. Шесть бутылок вина. В общем, разные предметы роскоши.

Видимо, в парибульских магазинах все эти цацки отсутствуют, приходится заказывать за границей.

Последним ковролетчик развернул огромный лист тончайшего пергамента. Король при виде него только кивнул, а вот Эйхгорн уставился очень внимательно.

То была карта. Физико-политическая карта мира. Выполненная в стиле средневековых картографов – с надувающими щеки ветрами и пускающими фонтаны китами, – но очень подробная. И хватало одного взгляда, чтобы окончательно убедиться – это не Земля.

Масштаб обозначен не был, но очертания материков не имели ничего общего с земными. Даже отдаленного сходства. Не походило это и на Гондвану с Лавразией – Эйхгорн обдумывал и такую версию. Нет, нет и еще раз нет.

Собственно, материков на карте вообще не было. Их заменяло огромное количество островов – мелких, покрупнее и совсем больших. Некоторые явно не уступали по размерам Гренландии, но все равно были всего лишь островами.

Этакая планета-архипелаг.

– Повешу в тронном зале, – задумчиво произнес король, рассматривая карту. – Кстати, а где здесь Парибул?

– Гдэ-то вот здэс, – указал ковролетчик. – Выдитэ, тут напысано «Сто Малэньких Каралевств». К сажалэнию, Парибул очэн нэвелик размэром, ваше вэличество, так что атдэлно эго нэ выделилы.

Эйхгорн присмотрелся к указанному участку карты. Да, Парибул действительно совсем крошечный. Где-то с Лихтенштейн площадью, наверное.

Но это Эйхгорн и раньше понимал. А вот климатический пояс его немного удивил. Он был уверен, что Парибул находится где-то между тридцатой и сороковой параллелью, в широтах…

– Мы что же, в экваториальной зоне?.. – невольно спросил вслух он. – А почему тогда прохладно так?

– Мэтр, вы что же, неместный? – удивился ковролетчик.

– Неместный он, неместный, – ответил король. – Издалека… как там твоя страна называется, повтори?..

– Неважно, – уклонился Эйхгорн, вовсе не желая, чтобы король начал искать на карте Россию. – Так почему тут… э-э… не

очень жарко?..

– Мэтр, что же вы, в школэ плохо училыс?.. – нахмурился ковролетчик. – Такая простая вэщь. Все дэло в юго-восточных вэтрах.

– То есть?..

– Импэрия Зла. К юго-востоку от Парыбула – Импэрия Зла. Оттуда всегда дуют холодные ветра. Поэтому климат здэс гораздо прохладнэе, чем должно быть. Вот эсли нэмножка к сэверу – там уже дэло другоэ, там вот жарко, пустыня, зной!..

Эйхгорн пригляделся к карте. Действительно, юго-восточнее Ста Маленьких Королевств находилось пятнышко под названием «Империя Зла». Какая-то здешняя страна в буквальном смысле так называется?..

– Империя Зла?.. – моргнул он. – Серьезно?..

– Куда уж серьезнэй!.. – передернуло ковролетчика. – Импэрия Зла, вотчина Темного Властелина! Это он виноват во всем плохом, щито толка праисходыт в мирэ!

– Ага. Я так понимаю, евреев у вас тут нет…

Король принял последнюю посылку – пурпурную в горошек дыньку – и лично расплатился. Маслено блестя глазками, ковролетчик подвесил к поясу полный золота кошель и склонился в низком поклоне.

– Прыятно имет дэло с ващим вэличеством, – заверил он. – Если щито еще потрэбуэтся – зэркальте, все достану, все прывезу. Номэр мой помните, да?

Король заверил, что прекрасно помнит. Эйхгорн открыл было рот, чтобы спросить, что еще за номер, но передумал. Еще пара таких вот вопросов, и король точно заподозрит неладное.

Ковролетчик тем временем уселся посреди своего ковра, произвел какие-то манипуляции – Эйхгорн толком не понял, что именно он сделал – и поднялся в воздух. Совершенно обычное на вид тканое изделие воспарило, точно на магнитной подушке.

Уже через пару минут ковер-самолет скрылся за дворцовыми башнями, а два лакея потащили за королем его покупки.

Эйхгорн же остался стоять посреди двора – и рожа у него была чертовски глупая.

Глава 13

Пока Эйхгорн поднимался по двумстам восемнадцати ступеням, у него было время подумать о произошедшем. И он подумал. Как следует подумал. Никогда еще Эйхгорн не ходил по лестнице настолько медленно – так уж поглотили его мысли.

Какого черта, что это было вообще? Летающий ковер. Невидимая собака. Голографические зерна. Эйхгорн старался, но не мог придумать всему этому рациональные объяснения.

Ну, невидимая собака – еще ладно. В живой природе встречаются и не такие чудеса. На Земле подобного нет, но здесь эволюция могла таки создать подобный апофеоз маскировки. Почему нет? Конечно, подобное животное должно быть слепым… но для псовых это не так уж критично. Им важнее обоняние.

Голографические зерна… с этим посложнее. Эйхгорн не представлял, что за биологический механизм способен на такое. Это же не звукоподражание, как у попугаев. Это самая настоящая видеосъемка. Полностью трехмерная.

Ну и ковер-самолет, конечно… Тут воображение Эйхгорна вообще пасовало. Единственное, что пришло в голову – где-то на Парифате есть цивилизация, в техническом плане опередившая даже Землю. Какие-нибудь покорители гравитации. Теоретически это возможно – он ведь понятия не имеет, что собой представляют другие страны. Что если Парибул – это такое местное Папуа, безнадежно отставшее от окружающего мира?

Слабенькое объяснение, малоправдоподобное. Но других пока нет.

К тому же Эйхгорн вдруг осознал, что чрезвычайно мало знает об этом мире. Он видел только крохотную частицу одного крохотного королевства. А за горизонтом… кто знает, что скрывается там, за горизонтом? Что еще там может найтись, кроме летающих ковров и невидимых собак?

– Малой, иди-ка сюда, – потребовал Эйхгорн, едва паж явился с обедом. – Поговорить надо.

Паж преданно ел глазами начальство. Однако Эйхгорн заговорил не сразу. Он все еще не решил, как лучше расспросить мальчишку, чтобы не показаться круглым невеждой.

– Там, где я раньше жил… – медленно начал Эйхгорн. – Там, где я раньше жил, не было… летающих ковров…

– Правда?! – изумился Еонек. – А я думал, они везде есть!

– Хм, везде?.. А что же я их раньше тут не замечал?

– Ну так у нас-то их нет! – хмыкнул мальчишка. – Они знаете, какие дорогущие!

Эйхгорн взял это на заметку. Ковры-самолеты не являются чем-то удивительным, но стоят очень дорого, поэтому доступны немногим.

– И летать на них кир научишься… ой, простите, мэтр!

Эйхгорн в первый момент не понял, за что паж просит прощения, потом сообразил, что слово «кир», очевидно, ругательное. Для него оно осталось непонятным – значит, в русском языке отсутствует.

Осторожно выспрашивая, Эйхгорн таки разузнал кое-что полезное. Оказалось, что на Парифате есть остров Страгулярия, на котором водится некое животное, из шерсти которого и ткут ковры-самолеты. Почему эта шерсть обладает такими невероятными свойствами, Еонек не знает. Но вот так вот.

И водится это животное только в Страгулярии, поскольку ест только тамошнюю траву. Его много раз пытались разводить в других местах – пока ни у кого не получилось. Так что у страгулярцев на ковры-самолеты полная монополия – и цены они заламывают за них бешеные. Собственно, на этих коврах зиждется вся их экономика.

Сами же страгулярцы разлетелись по всему миру. Все, кто не выращивает волшебных зверей, не прядет шерсть и не ткет ковры, работают извозчиками – перевозят пассажиров и мелкие грузы. Не за дешево, понятно.

Тот ковролетчик, что прилетал к королю, был как раз страгулярцем. Их сразу можно отличить по характерному акценту.

Эйхгорн задумчиво кивнул и сделал аудиозаметку – попробовать при случае достать хотя бы клочок этой аномальной шерсти. Поэкспериментировать.

– Мэтр, а это вы ведь на Каше говорите, да? – полюбопытствовал Еонек, слыша русские слова.

– На какой еще каше? – не понял Эйхгорн.

– Ну, на языке волшебников. На котором ваша книга написана.

– Моя книга?.. – моргнул Эйхгорн. – А-а, моя книга!.. Конечно, конечно…

Он сразу сообразил, о чем речь. Та энциклопедия, которую он нашел в шкафу. У Эйхгорна хватало дел и без расшифровки неизвестных языков, так что он отложил ее в дальний ящик.

А теперь достал и снова принялся листать. За минувшие две недели буквы и слова не стали понятнее.

– А ты можешь это прочесть? – спросил Эйхгорн у пажа.

– Шутите, мэтр? – хмыкнул тот. – Это ж Каш. Откуда мне его знать-то?

– Само собой. Это я тебя проверяю. А ты знаешь кого-нибудь, кто может на нем читать?

– Конечно, знаю.

– Кого?

– Вас, мэтр. Вы ж волшебник.

Эйхгорн ответил Еонеку снулым взглядом. Малой явно издевается. Был бы на месте Эйхгорна кто другой – точно бы леща отвесил.

Но Эйхгорн никогда не уважал рукоприкладство. Это ничего не решает и ничего не доказывает.

Точнее, все-таки доказывает, но только одно – что ты сильнее собеседника. Не слишком полезный факт.

Продолжая листать книгу, Эйхгорн кое-что подметил. Первое – буквы в этом Каше все-таки те же, что и в обычном языке. Только тип письма отличается – сложная узорная вязь, символы так тесно переплетены, что слова похожи на длинные иероглифы.

Второе – книга явно самописная. Шрифт далеко не такой каллиграфический, как в других томиках, чернила местами другого цвета, кое-где видны затертости, кляксы и исправления.

– А известно ли тебе, малой, почему волшебные книги пишут на Каше? – тоном экзаменатора спросил Эйхгорн.

– Конечно, это и дураку известно! – фыркнул Еонек.

– Ну и почему же?

– Чтоб никто не смог прочесть, ясно же.

Эйхгорн отложил книгу в сторону. Тут он многого не добьется. Если кто и сможет перевести ему эту китайскую грамоту, то уж всяко не этот мальчишка. Может, в городе отыщется какой-нибудь эрудит…

Будь у него много свободного времени и никаких других дел, Эйхгорн попробовал бы расшифровать текст самостоятельно. Он обожал шифры и криптограммы. Буквы понятные, ключ есть – в книге полно рисунков с подписями, о смысле которых нетрудно догадаться.

Что может означать «щчеянг хурмут» под изображением человеческого сердца? Дураку понятно. Вот вам уже и два слова.

Но даже так – расшифровка займет месяцы. А для Эйхгорна эта книжка не имеет особой важности. Скорее всего, это просто самодельный справочник.

– Вернемся к ковролетчикам, – задумчиво произнес Эйхгорн. – Если я захочу его вызвать… как мне это сделать?

– Позеркальте, – недоуменно ответил Еонек. – Я его номера не знаю, но могу у камергера спросить, он должен знать. Сбегать?..

Эйхгорн напряженно размышлял. Он искал такую форму вопроса, которая не выдала бы его полного невежества в здешних реалиях. Позеркалить – это что вообще? Сразу возникает ассоциация со словом «позвонить», и это явно как-то связано с зеркалами, но…

– А ты сам умеешь зеркалить? – наконец нашелся он.

– Чего там уметь, дело-то плевое, – пожал плечами Еонек. – Хотите, покажу.

– Ну… давай.

– Правда?! – загорелись глаза пажа. – Можно, мэтр?! Я возьму?!

Мальчишка сразу метнулся к столу и схватил то зеркальце, что раньше лежало в запертом отделении. Бережно держа его в ладонях, Еонек несколько секунд дышал на стекло, пока то не запотело, а потом вывел пальцем несколько цифр.

Пришла пора Эйхгорну снова столбенеть от изумления. Ибо стекло засветилось, пошло рябью, и в зеркале отразилась щекастая рожа камергера. Еонек при виде него нервозно захихикал и торопливо сунул зеркало Эйхгорну.

– А, мэтр, это вы? – буркнул камергер. – Чем могу быть полезен?

Эйхгорн ничего не ответил. Он не знал, как реагировать на этот аналог видеофона.

Волшебное зеркало. У него в руках волшебное зеркало. Его собеседник находится в другом здании, но кажется, будто он прямо тут, за стеклом.

– Мэтр, так вы зачем зеркалите-то? – недовольно спросил камергер.

– Просто хотел спросить, нет ли у вас хомутов, – с каменным лицом сказал Эйхгорн.

– Хомутов?.. – вылупился камергер. – Вам нужны хомуты, мэтр?..

– Да, хомуты.

– Ну так идите на конюшню и спросите там! – рявкнул камергер, проводя ладонью перед собой.

Изображение погасло. Но Эйхгорну не было до этого дела – куда сильнее его занимало зеркало. Он пока не придумал сколько-нибудь вразумительных гипотез на счет того, как оно работает… но оно точно работает!

Как им пользоваться, Эйхгорн усвоил быстро. Пишешь на запотевшем стекле номер – и вызываешь нужного абонента. Номер его зеркала, очевидно, 7636468 – число, вырезанное на обратной стороне.

Семизначный номер. Значит, в мире миллионы таких зеркал.

Как минимум три из них в Парибуле – у короля, у камергера, и вот это самое, в руках Эйхгорна. Но у Еонека такого зеркала нет – значит, доступны они все же далеко не всем.

Паж подтвердил. Да, у него дальнозеркала нет. И у родителей нет. Они ж простые бакалейщики, вы что! Откуда им такое взять? Дальнозеркала даже у сановников-то не у всех есть – очень уж дорогие. Индустрион такие цены за них ломит, вы что!

Эйхгорн сразу зацепился за незнакомое слово, но спрашивать о его значении не стал. Очевидно, что это либо некое государство вроде той же Страгулярии, либо учреждение, которое производит такие зеркала. Также очевидно, что чем бы этот Индустрион ни был, у него монополия на их производство – как у Страгулярии на ковры-самолеты.

Очень интересно.

Никаких других номеров Еонек не знал. Он и камергерский-то узнал по чистой случайности – полгода назад подметал в его кабинете и увидел забытое на столе дальнозеркало. Памятью мальчишка обладал цепкой.

Возможно, где-то в больших городах существуют свои зеркальные справочники, со множеством номеров. Но точно не в Альбруине.

Это такое дурацкое место…

– Мэтр, я вам еще нужен? – переступил с ноги на ногу Еонек. – Мне еще нужно дров для прачечной натаскать…

– Можешь идти, – ответил Эйхгорн, крутя в руках зеркало.

Им уже овладел зуд естествоиспытателя. Поразмыслив, он снова подышал на стекло и вывел на нем пальцем цифру «один». Немного подождал – ничего не произошло. Эйхгорн добавил еще одну единицу – и снова ничего. Третью… четвертую…

А потом он добавил пятую… и вот тут зеркало засветилось! Эйхгорн оказался прав – есть номера и меньше семизначных.

Номер 11111 принадлежал седоусому краснолицему мужику. В левой руке он, видимо, держал свое зеркало, а правой хлебал из миски нечто, похожее на борщ. При виде Эйхгорна он нахмурился, медленно положил ложку и принялся сверлить собеседника взглядом.

– Ты кто? – сипло спросил усач.

– А ты кто? – ответил Эйхгорн.

– Это ты мне зеркалишь, – сказал усач. – Представься или скройся в тумане.

Эйхгорн сжал губы в ниточку. Интересно, до кого же это он дозвонился? Явно непростой человек, раз такой красивый номер. Пять единиц… не семь даже, а пять.

Наверное, с этими зеркалами – как с аськой. Поначалу

номера были короткими, потом на всех стало не хватать, и пошли более длинные. У Эйхгорна был один знакомый с аськой-шестизнаком – и он гордился этим сильнее, чем званием кандидата наук.

– Я, кажется, не туда попал, – вежливо ответил Эйхгорн. – Извини.

– Извини? – процедил усач. – Я ел. Ты прервал мою трапезу. И теперь просто говоришь «извини»?

– Да, я просто говорю «извини». Я по ошибке набрал не тот номер, и я за это извиняюсь. Чего ты еще от меня хочешь?

– Я хочу более убедительных извинений. Не просто вот этого снисходительного, брошенного свысока «извини».

– А может, мне еще на колени встать? – приподнял брови Эйхгорн.

– Это сделало бы твои извинения более убедительными, – кивнул усач.

– Знаешь что… – задумчиво произнес Эйхгорн. – Иди-ка ты в звезду. И сгори там.

Усач криво усмехнулся. Он медленно поднял руку и оттопырил палец – не средний, правда, а указательный.

– Смотри на мой палец, – тихо произнес он.

Эйхгорн посмотрел… и перед глазами что-то вспыхнуло. Его словно ударили в лоб кирпичом – так было больно. Не удержавшись на стуле, Эйхгорн рухнул, и еще добрую минуту просто валялся, держась за виски. Голова раскалывалась, все тело колотило, как электрошоком.

Когда он наконец сумел подняться, зеркало отражало уже только его собственное лицо.

Все еще трясущимися руками Эйхгорн протер очки. Его несказанно занимал вопрос – что тут сейчас произошло?

– Уверен, что существует какое-то рациональное объяснение, – включил диктофон Эйхгорн. – Однако на данный момент в голову приходит только одно, хотя и не очень правдоподобное. Я только что видел настоящего волшебника.

В самом деле – каким еще образом возможно объяснить этот трюк с пальцем? Экстрасенсорные способности, психокинез… это все просто другие названия волшебства. Ничего подобного на свете не существует… был абсолютно уверен Эйхгорн еще вчера.

Дальнозеркало он пока что запер в ящике, решив поэкспериментировать с ним позднее, когда соберет больше информации. Не стоит слишком лезть на рожон – мало ли кому еще он может дозвониться?

Убирая дальнозеркало, Эйхгорн обратил внимание на другие вещи в ящике. Поскольку он единственный запирался на ключ,

Эйхгорн хранил там деньги – полученные в казне золотые регентеры. А кроме них – прочее барахло прежнего хозяина башни. Кубик Рубика и два кулона.

До этого Эйхгорн не придавал им значения, считая всего лишь игрушками, украшениями, сувенирами… как и дальнозеркало. Безделица, проявившая совершенно необъяснимые свойства.

Что если и остальные предметы были заперты не без причины?

Эйхгорн начал с кубика Рубика. Не желая больше просить помощи у пажа, он стал изучать странный предмет самостоятельно. Словно механик из басни Крылова, вертел и крутил его во все стороны, пожимал разные гвоздики и скобки.

Тщетно. Проклятая игрушка не желала раскрывать своего секрета… если он у нее вообще есть, конечно. Не исключено, что как раз это – просто священная реликвия или памятный предмет. А может, ценное произведение искусства – картинки-миниатюры выписаны довольно неплохо.

Может, их нужно выстроить в определенном порядке? Но здесь пятьдесят четыре грани, и все свободно вращаются. Существует более сорока трех квинтиллионов возможных позиций – при этом никакой логики в расположении миниатюр не прослеживается.

Или, может, нужно сопроводить процесс кодовым словом? Коснуться определенных граней, произнести пароль…

Но откуда же Эйхгорну его знать?

Отчаявшись найти разгадку, Эйхгорн переключился на кулоны. Две штуки, на вид самые обыкновенные. На одном изображена какая-то птица, другой – каплевидный кусочек агата.

Что делать с кулоном-птицей, Эйхгорн тоже не разобрался. В конце концов он просто повесил его на шею, решив при случае спросить у кого-нибудь.

А вот со вторым кулоном ему неожиданно повезло. Он очень долго крутил его, пытался смотреть насквозь, подносил к уху, даже попробовал на зуб… и вот тут внезапно обнаружился эффект! Коснувшись кулона губами, Эйхгорн ощутил на них воду.

Он тут же отдернул его, снова осмотрел со всех сторон, ощупал – нет, камень сухой. Снова приложил к губам – снова вода. Возникло совершенно отчетливое чувство того, что он пьет.

Эта иллюзорная вода не имела ни вкуса, ни запаха, ни температуры. Просто появлялось ощущение жидкости во рту – она текла по языку, капала в горло… но вместе с тем Эйхгорн понимал, что там ничего нет.

Очень, очень странное явление.

Но весьма полезное. Надо провести дополнительные эксперименты – выяснить, может ли этот эффект заменить настоящую воду. Утоляет ли он жажду, или это обман психики? Если первое, то кулон действительно чрезвычайно ценный.

Интересно, что произойдет, если разбить его молотком?

Еще Эйхгорн провел повторную ревизию найденных в шкафу химикатов. Теперь его интересовали в первую очередь неопознанные. Ярко-синий искрящийся порошок, бирюзового цвета жидкость, крохотные высушенные зернышки…

Не исключено, что какие-то из них тоже обладают… аномальными свойствами. Только вот экспериментировать с ними несколько рискованно. Что-нибудь может оказаться ядом, что-нибудь – взрывчатым веществом.

Так или иначе, методом научного тыка тут многого не добьешься.

Или вот эти пузырьки. Непонятные надписи – это, похоже, все тот же язык Каш. А понятные не очень-то понятны. Что такое «Демоническое вино» или «Знахарский спирт»?

Разве что с микстурой от боли в животе все понятно… интересно, она вправду работает? Жаль, не на ком проверить.

– Я должен разузнать побольше о явлении, которое здесь называют «волшебством», – сделал аудиозаметку Эйхгорн.

Глава 14

Информацию Эйхгорн решил искать в книгах. Расспрашивать людей, безусловно, проще, но выглядеть будет очень странно. Придворный волшебник – и вдруг спрашивает, что такое волшебство. Хорошо, если посчитают шуткой, как король с ковролетчиком.

А книги обычно ничему не удивляются. Надежнее них в этом плане только Интернет – он вообще вопросов не задает. Но Интернета здесь нет… хотя, может, есть какой-то «волшебный» аналог? После зеркала-видеофона Эйхгорн уже не удивился бы и этому.

Библиотека прежнего волшебника в плане информации оказалась скудна. Ктава – местный аналог Библии, сведения там по определению недостоверны. Художественная литература тоже вряд ли чем сможет помочь. Луномер – просто календарь. Еще среди брошюр есть геральдический альманах, нечто вроде журнала мод, альбом с архитектурными видами, тетрадка с детскими стишками и местный аналог «Плейбоя».

Эйхгорн его уже два раза прочитал.

Почти наверняка полезная информация есть в той книге, что на языке Каш… но она на языке Каш.

Однако Эйхгорн слышал, что во дворце тоже есть библиотека. Он еще ни разу ее не посещал, но уж наверное книг там побольше. Эйхгорну хватит одной-единственной – толкового словаря, энциклопедии… любого представителя справочной литературы.

Увы, королевская библиотека его разочаровала. Она располагалась в довольно маленькой комнате, и на ее полках хранилось всего сто восемь книг. Эйхгорн пересчитал их, едва войдя – просто машинально.

Сопровождавший его Еонек сообщил, что чтением во дворце никто не увлекается, и библиотека редко видит живых людей. Раньше ее владелицей и единственным посетителем была покойная королева-мать – именно она и приобрела почти все, что здесь есть. После ее смерти в библиотеку заглядывает разве что епископ, и то изредка.

К сожалению, матушка короля Флексигласа славилась набожностью, а потому собирала в основном богословские труды и морально-назидательные трактаты. Читая названия на корешках, Эйхгорн все сильнее расстраивался. Несколько изданий Ктавы, сборники проповедей, «Жизнь святого Сенвена и других святых», «О устройстве Сальвана», «Утешение

добродетельным», «Книга императора Бриара», «Странствия по человеческой душе», «Бурбулирак и Мердолирак», «Житие святого Машибухера»… нет смысла даже раскрывать эти пылесборники.

И тем не менее, Эйхгорн провел в библиотеке несколько часов. Одну за другой он листал пухлые талмуды, ища среди них что-нибудь путное. И после долгих розысков нашел три книги более или менее научного содержания. «Гербариум» – ботанический справочник. «Исцели себя сам» – множество советов по самолечению. И «Сто Маленьких Королевств: 701-1495» – хрестоматия по истории.

Лечебник Эйхгорн некоторое время листал, а потом с кривой усмешкой поставил обратно. Оказывается, эпилепсию нужно лечить ключевой водой, настоянной в черепе убитого, а глухоту – дымом от сожженной веревки колокола. При зубной боли нужно съесть несколько градин, а собранная до восхода солнца роса улучшает зрение. Гиацинт останавливает кровотечение, если только рана нанесена не камнем и не железом. Ну а если у вас геморрой, просто снимите ночью штаны и подставьте анальное отверстие лунному свету – все как рукой снимет.

Если такова местная медицина, болеть тут явно нежелательно.

А вот справочник по ботанике и книжку по истории Эйхгорн прихватил с собой. Прямо сейчас проку от них немного, но почитать все же стоит. Потом.

Еще Эйхгорн таки отыскал кое-что полезное среди богословской макулатуры. «Сравнительное сравнение способов богам поклонения» за авторством некоего Аргуля Куру. Попросту говоря – учебник религиоведения. Добрых три четверти его было посвящено севигизму, однако немного внимания уделялось и другим конфессиям.

Не совсем то, что Эйхгорну требовалось, но тоже небесполезная информация. Нужно же как-то ориентироваться в туземных обычаях.

Религий на Парифате оказалось порядочно. От затмевающего всех и вся севигизма до каких-то совсем уж диких сект с паствой в три человека. Эйхгорн читал не особо внимательно – так, просматривал вскользь… пока не добрался до раздела «безбожие».

Этот раздел Эйхгорн изучил очень тщательно – и преисполнился крайнего удивления. Оказалось, что слово «безбожник» означает здесь совершенно не то, что на Земле. Безбожие в этом мире – своеобразная секта, нечто вроде «антирелигии». Ее адепты ничуть не сомневаются в существовании богов – о нет, они верят в них… и всей душой

ненавидят.

Парифатские безбожники считают, что боги приносят людям только вред, поэтому все храмы нужно разрушить, жрецов развесить на столбах, а в идеале – вообще объявить войну Небесам. Эту нехитрую концепцию они всячески продвигают в массы – устраивают шествия и митинги, пикетируют храмы, ходят по домам с брошюрками, а особо радикальные даже устраивают поджоги и суды Линча.

Подобных террористов, впрочем, относительно немного.

Поняв, что все это время в королевстве Парибул его считали таким вот сектантом, Эйхгорн едва не задохнулся от негодования. Концепция местного безбожия ему показалась еще более идиотской, чем любая религия. Глупо поклоняться выдуманным сущностям, но ненавидеть их – стократ глупее. С тем же успехом можно ненавидеть вампиров или чайник на орбите Юпитера.

Чтобы больше таких ляпсусов не возникало, Эйхгорн решил выбрать себе конфессию из числа имеющихся. Не на самом деле, конечно, а просто на случай повторного анкетирования.

Конечно, атеизма в списке не нашлось. До него парифатцы еще не доросли. Безраздельно царил севигизм – его исповедовало почти семьдесят процентов населения. Однако язычником Эйхгорн становиться точно не собирался, поэтому стал листать дальше.

Он отверг анимизм и тотемизм – это для дикарей. Отверг откровенно сатанинские демонизм и малиганство. Отверг совершенно идиотские богоискательство, хомунцианство и эготеизм. Отверг андрианство и начализм, паихнидизм и мидэнизм, двоебожие и стихийство. Заинтересовался было машинерием, но узнав о нем подробнее – отверг как явный бред.

В конце концов Эйхгорн остановился на ктототамизме. Строго говоря, эта штука была даже не религией – скорее, нечто похожее на итсизм с нотками агностицизма. Ктототамцы считают, что некая высшая сила все же существует, но утверждают, что никто не может знать точно, что это за сила, как она выглядит и чем занимается.

Эту неведомую высшую силу они называют «Кто-То-Там», но не поклоняются ему, не молятся и не строят храмов. Они только высказывают уважение на словах, а некоторые иногда еще и благодарят вслух – вдруг Кто-То-Там в самом деле сотворил мир и делает для людей что-то хорошее? Ну мало ли?

Главный принцип ктототамизма – мы ничего не знаем о Ком-То-Там и даже не уверены стопроцентно, что он существует, но не исключаем никаких вариантов, пока не появится возможность убедиться наверняка.

Эта концепция Эйхгорну пришлась по душе. Среди парифатских религий она была наиболее разумной и взвешенной.

– Слава Кому-То-Там, – сделал Эйхгорн аудиозаметку.

Еонек тем временем успел сбегать на чердак, сыграть там с пажами в кости, выиграть два медяка и проиграть три, вернуться в библиотеку с отчаянно орущей кошкой, сделать из нитки и вырванной страницы игрушку для кошки, поиграть с ней минут пять, выманить кошку наружу, вывести ее прямо к королеве с ее собачками, устроить тем страшный переполох, минуты две заливисто смеяться, сбегать в город за пивом для Эйхгорна, по дороге оказаться перехваченным камергером, получить задание пойти в прачечную и помочь развешивать белье, повесить на веревки четыре простыни, пятую уронить в грязь, убежать от разгневанной прачки, украсть на поварне горсть жареных каштанов, слопать их пополам со смазливой горничной на пять лет себя старше, получить от нее поцелуй в щеку, снова вернуться в библиотеку и усесться на полу, преданно глядя на читающего книгу Эйхгорна.

– Где мое пиво? – спросил тот, не отрывая взгляда от страниц.

– Простите, мэтр, меня камергер завернул! – развел руками мальчишка. – Сбегать снова?

– Не надо, завтра сам схожу. Ужин там скоро?

– Вот-вот уже должен быть, мэтр! Сегодня мучные клецки с рубленым мясом!

Эйхгорн поморщился. Он терпеть не мог рубленое мясо. Котлеты, тефтели, фрикадельки, макароны по-флотски, пельмени, голубцы и все остальное, где используется фарш. Каждый раз у него возникло стойкое ощущение, что до него это уже кто-то жевал.

– Малой, а у тебя дома книжки есть какие-нибудь? – без особой надежды спросил Эйхгорн, закрывая очередной том.

– Есть… три, – неуверенно ответил Еонек.

– Какие?

– Ну Ктава, конечно… еще у мамки где-то «Домохозяйка» валяется… и еще «Обучатель», по которому мы с братом учились. Раньше у нас еще «Старые сказки» были, но их мамка в том году соседским детям отдала. А, и папка у меня еще «Крысолова» выписывает! «Крысолов» считается, мэтр? У нас уже лет за пять подшивки скопились!

Эйхгорн слушал крайне внимательно, по крупицам вычленяя полезную информацию. Книга сказок его не заинтересовала, произведение под названием «Домохозяйка» тоже вряд ли представляет что интересное. А вот школьный учебник он бы полистал с удовольствием. Да и местную периодику не помешало

бы проглядеть.

Хотя удивительно, что здесь выходят периодические издания. При отсутствии книгопечатания выпуск их практически невозможен – просто негде взять столько переписчиков. Видимо, Эйхгорн что-то неверно понимает.

– А еще где у вас тут можно достать книжки?

– М-м… а вроде бы в городе есть лавка, – неуверенно ответил Еонек. – Где-то… я не знаю где, мэтр. Мне узнать?

– Не надо, сам завтра поищу.

Эйхгорн все равно собирался осмотреть этот захолустный городок досконально. При его размерах это вряд ли займет много времени. Он не рассчитывал найти в нем публичную библиотеку, но букинистическую лавку – отчего нет?

Ну и просто прошвырнуться по улицам, взглянуть, чем дышит местный люд. В самый первый день Эйхгорн там уже бывал, но его подталкивали в спину копьями, а это немного отвлекает. Да и вели его какими-то закоулками.

А после этого ему оставалось только любоваться городом сверху, из окон своей башни.

– Мэтр, а зачем вам книги? – с любопытством спросил Еонек.

Эйхгорн ответил снулым взглядом. Глупейший вопрос. Даже двенадцатилетнему мальчишке должно быть известно, зачем нужны людям книги. Конечно, некоторые используют их не по назначению – растапливают печь, свертывают самокрутки или даже подтираются, – но очевидно же, что Эйхгорну требуется не это.

– Диссертацию буду писать, – все же ответил Эйхгорн с максимальным сарказмом. – Литература нужна. Для списка.

– А-а-а… – понимающе протянул Еонек. – Хотите все-таки диплом получить, да? Вы же недипломированный, верно, мэтр? Вы только не подумайте, я ничего!.. Как по мне, колдовать и без диплома можно – вы же колдуете, верно? А вы где учились, раз у вас диплома нет? Неофициально у кого-то, да? Или все-таки где-то в академии, только не закончили?

– В академии, – неохотно буркнул Эйхгорн. – Только у меня академический отпуск.

– А я так и думал! Я сразу сказал Мирку с Беренеком – мэтр точно где-то учился, он же умный, как Елегиаст! А вы в какой академии учились?

– А ты какие вообще знаешь? – слукавил Эйхгорн.

– Ну… э… Мистерия, конечно, – задумался Еонек. – Про Мистерию все знают. Там шесть университетов – Мистегральд, Риксаг, Доктринатос, Адэфикарос, Артифициум и… и… простите, мэтр, я не помню, как называются шестой. Большинство

волшебников там учится.

– А кроме Мистерии? – заинтересовался Эйхгорн. – Знаешь еще какие-нибудь?

– Ну… э… кроме Мистерии есть Нефритовая Академия Вэй Ю Кёксу… ня… нянь… как-то так. Еще утерская школа некромантов… мм… еще есть школа Хаташи, но людей туда не принимают…

– А кого принимают?

– Фелинов. Хаташи – это только для фелинов.

– Кто такие фелины?

– Кошколюди. Вы прямо как наш школьный учитель, мэтр!

– А это я твои знания проверяю, – хмуро ответил Эйхгорн. – Измеряю твой уровень интеллекта.

– И что?! – загорелись глаза Еонека. – Какой у меня уровень, мэтр?!

– Мало пока данных. Не могу сказать.

– Тогда спросите меня еще что-нибудь, мэтр! Спросите!

– Хм… Как называется остров, на котором мы находимся?

– Проверяете, меня, мэтр? – расплылся в улыбке Еонек. – Мы не на острове, мы на континенте.

– Так это у вас называется континентом?.. – моргнул Эйхгорн. – Хотя да, больше-то нету…

– А?..

– Неважно. Так как он называется?

– Сурения, – гордо ответил Еонек. – Спрашивайте дальше.

– Сколько всего государств в Сурении?

– Э-э… Я… я не знаю, мэтр…

– Тогда иди на поварню и тащи мне ужин. А когда узнаешь – продолжим тестирование.

Глава 15

По местному календарю следующий день назывался Золотым Ястребом. Уже шестнадцатый день Эйхгорн в этом странном мире.

И сегодня он впервые переоделся в местную одежду.

Колпак волшебника он таскал и до этого. Ему на самом деле понравился фасон и покрой. Но за исключением головного убора Эйхгорн продолжал носить земные шмотки. Куртку, брюки, ботинки. Самые обыкновенные.

Только вот он носил их уже три недели. У него имелся запасной комплект верхней одежды, но еще более теплый – взял на случай похолодания. В Якутии, очень может быть, он сейчас был бы кстати – там уже середина сентября.

А в королевстве Парибул холодно не бывает даже по ночам. У Эйхгорна не было прибора для измерения температуры воздуха (медицинский градусник давал слишком большую погрешность), но по ощущениям – плюс четырнадцать-пятнадцать. Прохладно, конечно, особенно в башне без окон, но при наличии камина и теплых шкур – ничего страшного.

И это ночью. Днем температура поднимается до комнатной – а ведь на дворе-то зима!

Откровенно говоря, Эйхгорн уже порядком запарился в куртке. Он не снимал ее только потому, что волшебник в шортах и футболке не производит должного впечатления.

Не говоря уж о термобелье. С термобельем Эйхгорн расстался в первые же дни.

Дворцовые портнихи сегодня утром закончили перешивать для него балахоны. Из четырех штук скроили два, и еще осталось немного на заплатки. Натянув эту потрепанную хламиду, Эйхгорн почувствовал, как оборвалась еще одна ниточка, соединяющая его с Землей.

Теперь он смотрел в зеркало – и не видел там Исидора Яковлевича Эйхгорна, инженера-конструктора, кандидата технических наук. Он видел мэтра Исидоряку, придворного волшебника Парибула – и выглядел этот волшебник чертовски нелепо.

Но Эйхгорн никогда не придавал значения внешности. От одежды он требовал только одного – комфорта. Она должна быть прочной, хорошо сидеть, нигде не жать и не натирать, в ней не должно быть жарко или холодно, она не должна мешать движениям, и в ней должны быть глубокие карманы.

Цвет, фасон, ткань и стоимость – несущественные мелочи.

И этот балахон волшебника оказался действительно удобен. Удивительно легкий, очень мягкий и создающий приятное ощущение прохлады. Эйхгорн надел его прямо поверх нижнего белья, как халат. К своему удивлению, в области паха он обнаружил самую настоящую ширинку – конечно, без молнии, на пуговицах. В подоле же были разрезы спереди и сзади, чтобы не мешали при ходьбе.

Обувь он тоже сменил. Шлепанцы и чувяки прежнего волшебника никакой сапожник не смог бы переделать, поэтому их Эйхгорн просто выкинул. Но дворцовый ключник выдал ему пару сандалий из кладовой. В Парибуле их многие носят.

За ворота Эйхгорна на сей раз выпустили свободно. Тримейские наемники больше не плевали в него и не крутили руки – только слегка прищурились, когда он проходил мимо. У одного чуть дернулась рука.

Навстречу ехала телега. Самая обычная телега, груженая картошкой. Возница приветливо кивнул и улыбнулся идущему по дороге волшебнику. А тот снулым взглядом посмотрел на лошадь.

Лошади. Эйхгорн увидел их в первый же день – но тогда он еще думал, что это Земля. Возможно, средневековая, но Земля. Теперь он знает… предполагает, что это другая планета. Однако ее животный и растительный мир во многом идентичен земному. В дворцовом саду Эйхгорн нашел несколько неопознанных растений, но он никогда не был специалистом по ботанике – возможно, они встречаются и на Земле.

Хотя невидимых собак там точно не встречается.

Интересно, как объясняется идентичность… частичная идентичность флоры и фауны? Разумеется, эволюция на другой планете не могла идти практически параллельно земной. Какие-то совпадения возможны, но не до такой же степени. Даже если предположить, что верна гипотеза панспермии, это объясняет лишь биохимическую схожесть.

Остается версия палеоконтакта. У Гриневой было бы что сказать по этому поводу – она называет себя ксеноархеологом и искренне верит, что все живые существа привезены на Землю неким «космическим ковчегом» около десяти тысяч лет назад. Вероятно, с планеты Нибиру.

Откуда в таком случае взялись трилобиты, динозавры и прочие вымершие формы жизни, она не считала нужным объяснять.

В городе Эйхгорна интересовала прежде всего базарная площадь. Местный Привоз. Тот находился не так уж далеко от дворца – ровно настолько, чтобы не тревожить короля постоянным гамом. Эйхгорн прекрасно наблюдал эту площадь из

окна башни – народ там действительно толпился каждый день, с раннего утра и до позднего вечера. В центре торговые ряды, по периметру – крытые магазины, четыре заведения ресторанного типа, собор и главные городские ворота.

Если королевский дворец был головой Альбруина, то базарная площадь – сердцем. Соединяющая их улица по местным меркам могла считаться настоящим проспектом – широкая, просторная, с хорошей пропускной способностью. Автомобили по ней, конечно, не ездили, зато повозки и телеги – в четыре ряда.

От этой улицы разбегалась дюжина переулков, сплетающихся в причудливый узор. Два в итоге тоже приводили ко дворцу – по одному из них Эйхгорна вели егеря, – остальные возвращались на главную улицу или заканчивались тупиками.

Весь город из конца в конец можно было пройти за полчаса. Еще в башне Эйхгорн пересчитал его здания – и их оказалось четыреста двадцать восемь. Почти все трехэтажные, с островерхими крышами, жмущиеся друг к другу в тесном кольце крепостной стены. Лишь некоторые выделялись из общего ряда – тот же собор, склад зерна, причудливый особняк барона Уратье.

По дороге к базарной площади Эйхгорн машинально считал окна. Потом все же сделал над собой усилие и прекратил. Эта проблема вечно преследовала его в городах – слишком уж много однотипных предметов. Так и просят, чтобы их пересчитали.

Прохожие кивали Эйхгорну, прижимали ладони к груди. В городе уже прослышали, что в башне поселился новый волшебник. Эйхгорн от души надеялся, что его не станут просить погадать по руке, вылечить зубы или чем он там должен заниматься по мнению общественности.

В семь лет у него вырос ячмень на глазу, и бабушка Зина, к которой его отправили на лето, взялась его зашептать. Маленький Исидор серьезно объяснил ей, что все эти деревенские заговоры антинаучны. Бабушка с ним согласилась, но предложила поставить опыт. Мол, она пошепчет, и они на практике убедятся, что знахарство бесполезно. Экспериментировать Эйхгорн любил уже тогда, так что отказываться не стал.

К сожалению, опыт провалился – вскоре после заговора ячмень прошел сам собой.

Судя по внешнему виду, жили парибульцы неплохо. Ухоженные, розовощекие, многие в теле. Никаких грязных оборванцев, которые обычно представляются, когда речь заходит о Средневековье. Скорее уж сытые бюргеры. Одеты в основном просто, но добротно.

Мужчины здесь носили волосы до плеч и завивали их. Иногда собирали в хвост и завязывали лентой на затылке. У каждого

второго была борода – не слишком длинная и не слишком короткая. Видно, что за бородами тут ухаживают – расчесывают надвое и формируют у каждой половины заостренный кончик. Женщины тоже носили длинные волосы, поддерживая их серебряными или золотыми обручами, либо просто лентой или шнуром. Многие заплетали косы или накручивали кудри.

Что странно, почти все встреченные Эйхгорном женщины оказались блондинками. Поскольку светловолосые мужчины попадались почти втрое реже, он решил, что местные дамы попросту красятся. Похоже, здесь это модно.

На базарной площади Эйхгорн первым делом направился к меняле. Его ларек стоял у самого входа – небольшой, с крошечным окошком, из которого выглядывала старческая физиономия в толстенных очках. Первый человек в очках, которого Эйхгорн увидел в этом мире.

Не желая рисковать всей наличностью, Эйхгорн прихватил с собой только два золотых регентера. Один заначил во внутреннем кармане, а другой сразу же разменял на серебро. Меняла выдал ему одну громадную монету, похожую скорее на маленькое блюдечко, две монеты поменьше, десяток еще меньше и штук тридцать совсем миниатюрных, не больше рыбьих чешуек. Самую огромную монету он назвал серебряным регентером, поменьше – сердиком, а самые мелкие – ту и большой ту. Кроме того, меняла отсыпал целую горсть медяков и любезно пригласил заходить почаще.

Эйхгорн подозревал, что на размене его порядочно обули, но делать было нечего – курс местных валют пока оставался для него темным лесом. Расспрашивать по каждому пустяку Еонека не хотелось.

Впрочем, Эйхгорн никогда не придавал значения деньгам. Если хватало на еду и коммунальные услуги, он был вполне удовлетворен. Так что сейчас он просто шагал по торговым рядам, рассматривая то, что мог предложить этот город.

Довольно много, как оказалось. В самом центре площади стоял помост, с которого оглашали королевские указы и важные новости, а иногда кого-нибудь казнили. Прямо сейчас у позорного столба переминался с ноги на ногу парень, в котором Эйхгорн узнал Вигальха – своего сокамерника-браконьера. Этот тип положительно не дружил с уголовным кодексом.

Ну а вокруг помоста бурлила общественная жизнь. Женщины торговали холстом, украшениями и продуктами, мужчины – всем остальным. Здесь был шелк, сукно, ювелирные изделия, конская упряжь, обувь, одежда, головные уборы, картины, скот, кухонная утварь, скобяные изделия, канцелярские товары и какие-то

прозрачные листы, похожие на стекло, но при этом удивительно гибкие и легкие.

Здесь же, под открытым небом, сидели два брадобрея. Землю вокруг устилал толстый слой волос – Эйхгорн прошел, как по мягкой обивке. Кроме стрижки и завивки брадобреи предлагали стоматологические услуги и чудесные снадобья, исцеляющие от всех недугов.

При виде Эйхгорна торговцы сразу оживлялись, наперебой тянули к нему свое добро. Отовсюду неслись зазывающие выкрики:

– Подходите, подходите, мэтр! Хоть не купите, а посмотрите, какой у нас товар!

– Мэтр, специально для вас только что получен шлафор нбойлехского шелка, самолучшая диагональ барона Ровледыша, шлафор модный, на серебряных крючочках!

– Собаки, собачки, собаченьки! Мэтр, купите собачку, башню охранять! Лучший сторож в Парибуле!

– Оконницы слюдяные! Покупаем оконницы слюдяные! Прозрачней девичьей слезы!

– Мясо! Свежее мясо! Только вчера бегало!

– Самые острые шпаги в Королевствах! Прямиком из Енглии! Лучшая ковка!

Походив по рядам и определившись с ценами, Эйхгорн вывел примерную стоимость золота и серебра. Серебро в этом мире стоит больше, чем на Земле. А вот золото даже немного меньше. Тем не менее, за один золотой регентер можно купить довольно-таки много. Хотя цены, конечно, отличаются – что-то заметно дороже, что-то, наоборот, оказалось неожиданно дешевым.

Говядина, например, баснословно дешева. Кусок килограмма на два, без костей, без единой жилочки – всего пять с половиной ту. Эйхгорн спросил у мясника, сколько тот отпустит говядины на золотой регентер, и на него воззрились с явным испугом. Отступив на шаг, бедный мясник спросил, для чего господину волшебнику такая прорва мяса – не дракона ли он собирается завести у себя в башне?

Эйхгорн приценивался и к другим товарам. За один ту оказалось можно купить кувшин молока, пару свечей, каравай хлеба, жареного карася, кочан капусты или охапку соломы. За большой ту – окорок, пакет изюма, жареного рябчика или угря. За сердик – бутылку орехового масла, пакет фисташек, живого голубя или гуся. За серебряный регентер – бутылку самого дорогого вина, большого копченого лосося, ведро белых грибов, куль овса, барашка или шляпу. Ну а за золотой регентер отдавали живого теленка, мужской костюм или ведро трюфелей. Они здесь

считались деликатесом.

Были здесь и предметы роскоши. Один чудак, например, торговал веерами – причем за самый дешевый просил аж три золотых регентера. И ведь кто-то же у него это покупает, раз он до сих пор не разорился.

Еще Эйхгорн внимательно изучил лоток оружейника. Тот предлагал очень хорошего качества сабли и шпаги – отличной ковки, прекрасно навостренные, в драгоценных ножнах. Увы, цены начинались с семи золотых регентеров – и то это была самая простенькая шпага.

Но особенно Эйхгорна заинтересовал лоточник, отмеряющий ложечкой на длинной ручке коричневый порошок. Он пах так удивительно знакомо, что Эйхгорн в первый момент даже не поверил.

– Что это у тебя, любезный? – спросил он.

– О, мэтр, я вижу, вы знаете толк! – сразу оживился торговец. – Это чудодейственная пыль, коя при погружении в горячую, но не кипящую воду образует волшебный напиток!

– Волшебный?.. И в чем же его волшебство?

– Во многом, во многом! – причмокнул торговец. – Он осушает насморк и излечивает простуду, улучшает пищеварение и сердцебиение, укрепляет печень и помогает против чесотки, хорош от мозговых недомоганий и шума в ушах…

– И сколько просишь? – перебил Эйхгорн.

– Всего сердик за ложку, мэтр! Только для вас!

– Сердик за ложку?.. – посмотрел снулым взглядом Эйхгорн. – Но это же просто кофе.

– А, так вы знаете… – разочарованно скривился торговец.

Эйхгорн хмыкнул. Похоже, кофе в этих краях – экзотическая редкость.

– Но он у меня действительно хороший, – заверил торговец. – Просто залейте горячей, но не кипящей водой…

– Он у тебя растворимый, что ли? – снова перебил Эйхгорн.

– Э-э?.. Что, мэтр?..

Эйхгорн присмотрелся – нет, просто молотый. И вряд ли у кого-то в этом королевстве есть турка, кофеварка или френч-пресс. Значит, продавец либо сам не разбирается в своем товаре, либо откровенно обманывает покупателей.

Впрочем, Эйхгорн может приготовить кофе в химической лаборатории.

– По нормальной цене отдашь? – спросил он. – Если отдашь, возьму оптом.

– Только для вас, мэтр, – неохотно согласился торговец. – Шесть медяков за ложку. Дешевле не могу – себе в убыток выйдет.

– Другой разговор. Кулек у тебя есть какой-нибудь или ты в горсть сыплешь?

Продавец с обиженным лицом достал полотняный кисет… подумал, и достал другой, побольше. Под пристальным взглядом Эйхгорна он насыпал в него тридцать ложек кофе, получил свои пятнадцать ту и кисло попросил заходить еще.

Кофе Эйхгорна порадовал, но не очень сильно. Он никогда не был особым его фанатом. Гораздо сильнее его обрадовали бы сигареты – в последние дни он дымил как паровоз и вчера выкинул крайний хабарик.

Увы, сигарет на лотках не нашлось. Торговец кофе знал, что это такое, но огорчил – в Парибуле подобного не водится. Просто нет спроса. Кое-кто из дворян любит жевать табак, но курение здесь не в моде.

Еще из достопримечательностей на площади был собор. Похожий на католический, но все же не совсем такой. Внутрь Эйхгорн заходить не собирался, но снаружи здание обозрел. Все-таки одного у храмов не отнять – в архитектурном плане они почти всегда превосходны.

У входа разгуливал монашек в черно-белой сутане. Каждому прохожему он совал под нос небольшой сундучок с прорезью и нараспев гундосил:

Не поскупись, приятель!
Могуч и щедр Создатель:
Вот мой ларец: как только в нем
Твой сердик угнездится,
Как тотчас от грехов
душа освободится!

Эйхгорн только крякнул. Выходит, здешние церковники тоже наловчились отпускать грехи за деньги. Ничего удивительного – от этой шатии-братии иного ожидать не приходится.

Странно, что они еще билетами в рай не торгуют.

Вместо собора Эйхгорн направился прямиком в ближайший трактир – «У порядочной девицы». Уже много дней у него во рту не было ни капли пива, и он твердо намеревался это исправить.

Хотя название ему не очень понравилось.

Трактир оказался вполне типичным. Нечто вроде ирландского паба – полутемный, с деревянной мебелью, грязными окнами, длинной стойкой, сидящими за ней забулдыгами, играющим на мандолине бледным парнем и протирающим кружку трактирщиком.

При виде трактирщика Эйхгорн дважды моргнул. Очень уж

нетипичной внешностью обладал этот тип.

Совершенно… нечеловеческой.

В нем было по крайней мере два с половиной метра. Лицо широченное, черты очень резкие, нос огромный, а ручищи – как у профессионального борца. К тому же кожа его имела оливковый оттенок, а уши – остроконечные, сантиметров по сорок в длину.

Когда открылась дверь, все повернулись к Эйхгорну и уставились на него. Правда, длилось это всего пару секунд, а потом носы уткнулись обратно в кружки.

– Приятного аппертита, чимча, – чуть рыкая, произнес трактирщик. – Что пордать?

Эйхгорн пожал плечами и подошел к стойке. Он уже понемногу начал привыкать ко всяким аномалиям.

– Пива, – коротко произнес он.

– Местного ирли новоакрилльского?

– Того, что получше.

– Знарчит, новоакрилльского.

Трактирщик принялся возиться с огромной дубовой бочкой. Кисти рук у него оказались необычайно крупными, шишковатыми. Задумчиво глядя на них, Эйхгорн все же решился спросить:

– Любезный, а ты какого роду-племени будешь?

– Гларзами хвораешь, чимча? – хмуро ответил трактирщик. – Тролль я.

– Тролль?.. – ответил снулым взглядом Эйхгорн. – Я думал, что тролли – выдумка.

– Перестанешь так думать, если тролль сломает тебе челюсть. К пиву пордать что-нибудь?

Эйхгорн окинул этого урода задумчивым взглядом. Ему вспомнился один старый приятель, помешанный на криптозоологии. Он в свое время с пеной на губах доказывал, что тролли – это неандертальцы. Мол, если взять карту мест, где были найдены останки неандертальцев, и наложить ее на карту мест, где рассказывали легенды о троллях – совпадут идеально. Эйхгорн даже хотел проверить, но как-то все руки не доходили.

Этот на неандертальца совсем не похож.

Но кем бы он там ни был, пиво у него оказалось хорошее. И совсем недорогое – один ту за кружку, два – за ковш. Взяв для начала кружку и опорожнив ее, Эйхгорн прикинул, что здесь где-то пол-литра.

На закуску он предпочел бы сухариков, но их в меню не было. Так что Эйхгорн просто попросил подать самое лучшее – и минут через десять трактирщик сунул ему миску с дымящимися, прожаренными до хруста птичьими ножками.

Что это за птица, Эйхгорн не понял. Точно не кура, не гусь, не утка и не индейка. Нечто другое, куда более крупное… или куда более мелкое. В миске лежало две ножки, но одна – огромная, размером почти со свиную, а вторая, напротив, мелкая, едва-едва с голубиную.

– Ну и что это за асимметрия? – недовольно поинтересовался Эйхгорн. – От одной-то птицы нельзя было отрезать?

– Это и есть от одной, – лениво ответил трактирщик.

– Что?..

– Никогда брабулякра не пробовар, чимча? У него вот таркие норги, ага.

Эйхгорн ответил снулым взглядом. Он не собирался принимать на веру заведомо идиотское утверждение.

С другой стороны, невидимую собаку он трогал своими руками. А прямо сейчас напротив него протирает пивную кружку существо, называющее себя троллем. И кем бы он там ни был на самом деле, человеком он точно быть не может. Следовательно, на Парифате больше одного разумного вида.

Возможно, их даже три. Еонек упоминал неких фелинов. Конечно, не следует принимать слишком серьезно болтовню мальчишки… но даже если он соврал, если разумных видов только два, это все равно весьма и весьма необычно.

Логика подсказывает, что такое крайне маловероятно. Во-первых, шанс того, что два вида одновременно эволюционируют до разумного состояния, предельно низок. Во-вторых, даже если такое все-таки произойдет (например, это будут родственные виды), один из них почти наверняка вытеснит другой еще на ранней стадии развития. Как, собственно, и произошло на Земле с кроманьонцами и неандертальцами.

Впрочем, информации пока еще недостаточно, надо собрать больше. Возможно, эти «тролли» – это все-таки люди, только другая, очень резко иной внешности раса. В конце концов, породы собак различаются настолько, что их тоже легко принять за разные виды – кто может поручиться, что подобное невозможно в отношении людей?

Направленную селекцию ведь никто не проводил.

Выпив две кружки пива и заев их ножками брамбулякра… чем бы ни был этот зверь, Эйхгорн почувствовал, что жизнь налаживается. Но идиллию тут же испортил сосед слева – нервного вида парень с бледным лицом. Дыша винным духом, он наклонился к Эйхгорну и жалобно сказал:

– Мэтр, а мэтр, можно вас потревожить?

Эйхгорн ответил снулым взглядом. Он не любил, когда незнакомцы вот так без причины с ним заговаривали. Почти

всегда это означало какую-нибудь просьбу. Хорошо, если просто спрашивали дорогу или еще какую-нибудь полезную информацию – Эйхгорн никогда не отказывался просвещать других.

Хуже – когда просили закурить или денег. В таких случаях Эйхгорн всегда отказывал, поскольку не видел причины что-либо давать человеку, которого видит первый и последний раз в жизни.

Ну а рекламных агентов, мошенников, цыган и свидетелей всяких богов Эйхгорн вообще терпеть не мог. Даже если они ничего не просили (напрямую), они все равно очень назойливо вторгались в его личное пространство.

Эйхгорн не переносил назойливых людей.

Но этому забулдыге нужна была информация. Подвинувшись ближе, он с беспокойством сказал:

– Мэтр, мне тут сегодня это… матушка-покойница приснилась… это к чему, мэтр? Что мне теперь делать?

– Ничего, – холодно ответил Эйхгорн. – Приснилась и приснилась. Повернись на другой бок и спи дальше – может, дедушка покойный приснится.

– Мэтр, а это не знак ли от богов? Может, они хотят сказать, что я грешник? Мэтр, а я не умру?!

– Умрешь, конечно, куда же ты денешься, – пожал плечами Эйхгорн. – Все умрем рано или поздно.

Разговором заинтересовались и другие. Уразумев, что новый придворный волшебник отлично толкует сны, посетители только что не хором принялись вопрошать Эйхгорна.

– Мэтр, а к чему пожар снится?! – воскликнул кто-то.

– К потопу, – невозмутимо ответил Эйхгорн.

– А потоп?!

– К пожару.

Забулдыги уважительно загомонили, впечатленные мудростью волшебника. Какой-то пузатый купчик поставил ему целый ковш пива (местного) и принялся занудно расспрашивать, как лучше угомонить надоедливого мертвеца, а то каждую ночь в окно стучит, хочет чего-то.

Эйхгорн посоветовал насыпать под окно муки и посмотреть наутро, останутся ли следы. Если нет – значит, просто дурной сон или галлюцинация. Если есть – значит, кто-то разыгрывает или пакостит, и надо написать заявление в поли… стражу.

Купчик понимающе кивнул и уточнил – какие заклинания читать во время рассыпания муки? И подойдет ли обычная мука, или нужна освященная в храме? Эйхгорн ответил, что вместо заклинаний нужно просто медленно прочесть задом наперед алфавит, а освященная мука, спору нет, подойдет лучше. Можно

еще попросить жреца в нее плюнуть – чтоб уж наверняка.

Купчик все записал и обещал исполнить точь-в-точь.

Глава 16

Из трактира Эйхгорн вышел осоловевший, с тяжестью в желудке и звенящими карманами. Оказывается, не так уж плохо быть придворным волшебником. Узрев всю глубину его познаний, парибульцы наперебой принялись его угощать, а когда он наелся до отвала – стали совать деньги. Не слишком большие – в основном медяки и ту, – но все равно неплохо.

И от него даже не требовали фокусов. Эйхгорн таки показал два – с зажигалкой и исчезающей в ухе монетой, – но ему лишь вежливо покивали. Всех гораздо сильнее занимали житейские советы.

Теперь же Эйхгорн снова пересек базарную площадь и свернул в один из переулков. Его по-прежнему интересовала в первую очередь книжная лавка, и он собирался ее отыскать. Вряд ли это займет много времени – общая площадь Альбруина едва ли превосходит пятнадцать квадратных километров.

Надо будет потом измерить ее точно. Эйхгорну не нравилось находиться в городе, не зная его точную площадь.

За пределами главной улицы и базарной площади Альбруин не мог похвастаться достопримечательностями. В основном жилые и ремесленные кварталы. Узенькие проходы меж домами, в которых еле-еле разойдутся две повозки.

Прохожих почти не встречалось. Насколько Абруин кипел жизнью в торговых рядах, настолько же тихо было здесь. Трое детишек сосредоточенно играли во что-то вроде «пристенка», да на балконе объемистая женщина развешивала белье.

Эйхгорн дошел до конца переулка, свернул, еще раз свернул, обогнул гончарную мастерскую и оказался у крепостной стены. Он прошел немного вдоль нее, миновал небольшой кабак и опять свернул – в другой переулок. Сандалии тихо шлепали по булыжной мостовой.

За все это время мимо только раз прогрохотала мусорная тележка, да проехал верховой стражник. На Эйхгорна он покосился с любопытством, но ничего не сказал.

А потом Эйхгорн снова свернул и оказался перед лестницей, спускающейся вниз. Там, на цокольном этаже, размещалась небольшая дверка, а возле нее стояла, посасывая крохотную рыбешку…

В первый момент Эйхгорну показалось, что это женщина в кошачьей маске. Потом он понял, что никакая маска не может выглядеть настолько натурально.

У этой дамы действительно кошачья голова.

А присмотревшись еще внимательнее, Эйхгорн понял, что с человеком она вообще не имеет ничего общего. Прямоходящая, но пропорции иные, ноги согнуты под другим углом, а сзади извивается гибкий пушистый хвост. Шерсть угольно-черная, блестящая, нос розовато-кремовый, глаза зеленые, с вертикальными зрачками.

Похоже, это одна из тех фелинов, которых упоминал паж.

Кошкоженщина была облачена в некую помесь сари с кимоно. Ее голову покрывал высокий чепец с прорезями для треугольных ушей, а хвост был просунут в своеобразный «рукав». Увидев Эйхгорна, она мгновенным движением протолкнула рыбешку в рот, шумно сглотнула и приятно мяукнула:

– Заходитя к нам, мэтл, заходитя! Лады вам, лады!

Эйхгорн помедлил. Сложив два и два, он пришел к выводу, что перед ним тот самый салон тетушки Сромм, о котором в самый первый день упоминали его сокамерники. Теперь ему предстояло решить, хочет ли он ознакомиться с услугами, которые здесь предоставляют.

С одной стороны, он не имел ничего против подобных услуг. Эйхгорн всегда считал, что если работа приносит людям радость – это нужная работа.

С другой стороны, у него не было с собой средств контрацепции, и он сомневался, что они найдутся здесь. Неизвестно, как в Парибуле обстоит дело с венерическими заболеваниями.

К тому же он сильно надеялся, что тетушка Сромм – только хозяйка заведения.

– У нас самый лютьсий массазь, мэтл! – умильно встопорщила усы тетушка. – Только для вас – всяго тли больсых ту за сеанс!

Три больших ту показалось Эйхгорну вполне разумной ценой. А девушка, с которой он сидел в соседней камере, была довольно миловидной…

– Пожалуй, зайду, – кивнул он.

Мадам Сромм довольно прищурилась и семенящей походкой вступила внутрь. Там она поклонилась Эйхгорну и убежала за занавески.

– Пелеобуйтеся пока, мэтл! – крикнула она оттуда.

У порога лежали тапочки из мягкой ткани. Эйхгорн наклонился взять их… и завис, не в силах сделать выбор.

Тапочек было три.

Три! Три совершенно одинаковых тапочка! Совершенно одинаковых! Между ними не было никакой разницы! По каким критериям делать выбор?!

Добрую минуту Эйхгорн, как тот буриданов осел, лихорадочно переводил взгляд с одного тапка на другой. Еще одна сторона его арифмомании – необходимость выбрать один (или два) предмет из нескольких идентичных причиняла почти физическую боль. Какие-нибудь чипсы или орехи он мог есть только не глядя – иначе просто подвисал.

В конце концов Эйхгорн так же решил проблему и с тапочками. Закрыл глаза и нашарил два наугад. Тут как раз вернулась и тетушка Сромм, а с ней – ее чуть более стройная копия. Только глаза желтые, а не зеленые.

– Плосю вас, мэтл, моя дотя Иррья о вас позаботисся, – промурлыкала фелинка. – Она самая люцьсяя в моем салоне.

Эйхгорн несколько опешил и стал искать повод отказаться. Возможно, в этом королевстве подобное и считается нормальным, но лично он никогда не был сторонником межвидовых связей.

– Какой массазь зелаете? – чуть более тонким голоском спросила дочь тетушки Сромм. – Классиський, позестьте, помяхсе?..

Эйхгорн заподозрил неладное. Ему вспомнились слова девушки из тюрьмы, которая возмущенно утверждала, что всего лишь делает массаж…

…И это действительно оказался всего лишь массаж. Эйхгорна уложили животом вниз на деревянную кушетку с отверстием для лица, дочь тетушки Сромм взобралась сверху и принялась разминать его всеми четырьмя лапами одновременно. Когтей она не выпускала (если у фелинов вообще есть когти), и ощущение создавалось весьма приятное.

К тому же массаж она сопровождала мелодичным утробным урчанием. Это походило на мурлыканье обычной кошки, но так играло и переливалось на разные тона, что могло сойти за музыку.

В салоне оказалось весьма уютно. Пахло сандалом или каким-то другим благовонием – Эйхгорн в них не разбирался. Процедурный зал был довольно большим, но разделенным на маленькие отсеки расписными ширмами. Судя по звукам, за ширмой справа тоже кого-то массировали.

Между делом, не переставая урчать и работать лапками, Иррья рассказала Эйхгорну чуть ли не всю историю своей жизни. Та, впрочем, оказалась не слишком длинной. Она, ее две сестры и мама – беженки из Фели. Там, если мэтр помнит, шесть лет назад случилась гражданская война – многие разбежались по другим землям. Они четверо, а еще престарелые супруги Мыаррь нашли приют здесь, в Парибуле.

В Фели тетушка Сромм была квалифицированной

массажисткой, одной из лучших. Ее дочери тоже прошли надлежащее обучение (самая младшая, правда, не успела закончить). Заложив ростовщику семейные драгоценности, тетушка Сромм вложила деньги в свой малый бизнес – и вот уже пятый год он радует добрых жителей Альбруина.

Клиентов со временем стало так много, что тетушка Сромм даже взяла в помощь еще двух девушек – уже людского племени. Конечно, им далеко до настоящих фелинок, но они стараются.

Эйхгорн слушал очень внимательно. Поначалу его занимал вопрос произношения – обе фелинки говорили с ужасным акцентом, не выговаривали шипящие и букву «р»… однако в их именах буква «р» присутствует. По меньшей мере странно.

Но прислушавшись, Эйхгорн понял, в чем дело. Свои имена фелинки произносили не ртом, а гортанью, ритмично играя внутренними мускулами. Видимо, именно таков их родной язык. Говорить же по-человечески у них получалось плохо – из-за совершенно иной формы губ звуки сильно искажались.

Сеанс массажа длился почти полтора часа. И хотя это оказалось не совсем то, на что Эйхгорн поначалу рассчитывал, услугой он остался доволен. Во всем теле поселилась удивительная расслабленность, а мышцы приятно разогрелись.

И буквально через пять минут Эйхгорн нашел и лавку букиниста. Крохотную дверцу, ведущую в темный полуподвал. Толкнув ее, Эйхгорн заставил зазвенеть крохотный колокольчик, и в кресле за прилавком шевельнулся плюгавый старичок в ночном колпаке. Судя по тому, что он пребывал в полудреме, посетители сюда заходили нечасто.

Но выбор оказался довольно богатый. Кроме книг в лавке торговали картами и портретами – все уложено на полках по алфавиту и занесено в каталог. Эйхгорн окинул эти сокровища жадным взором и понял, что застрянет тут надолго.

На прилавке лежали, видимо, самые ходовые книги. Почетное место, разумеется, занимала Ктава. Несколько разных изданий – от томика карманного формата в мягкой обложке до роскошного пергаментного фолианта в кожаном переплете с золочеными уголками. Этот Эйхгорн не смог бы купить, даже если б захотел – он стоил аж двадцать золотых регентеров. Но полистать он его полистал.

На форзаце оказалась роскошная иллюстрация – групповой портрет местных богов. Все двадцать шесть. Эйхгорн понятия не имел, как их зовут и кто за что отвечает, однако его удивило, что далеко не все парифатские боги человекоподобны. Есть женщина с кошачьей головой, есть рыжая обезьяна в халате, есть тощая крыса в плаще с капюшоном, есть огромный черный паук, есть

длиннющий змееподобный дракон, есть страхолюдный седовласый скелет.

Да и человекоподобные очень различны – тут тебе и молодые, и старые, и толстые, и худые. Есть широкоплечий карлик с окладистой бородой, есть полнотелая великанша, похожая на продавщицу из пивного ларька. А вот эта дама в зеленом одеянии явно беременна, причем месяце этак на девятом.

Немного присмотревшись, Эйхгорн сообразил, что портреты совпадают с теми, что нарисованы на двадцати шести гранях «кубика Рубика», который он нашел в своей башне. По всей видимости, этот кубик – что-то вроде молитвенных четок.

Еще на прилавке лежала целая россыпь Луномеров – точно таких же, как в башне Эйхгорна. Похоже, эта книжечка-календарик встречается тут на каждом шагу.

Были тут и томики о Рыцаре Парифате. Полтора десятка разных, валяются как попало. Эйхгорн решил взять их на заметку и прикупить, когда дочитает те, что стоят в башне.

Вот и «Домохозяйка», которую упоминал Еонек. Судя по содержанию – нечто вроде русского «Домостроя». Такой краткий курс домашней экономики, кулинарии, воспитания детей и прочих полезных вещей, перемежаемый нравоучениями.

«Шесть благородных искусств». Учебник… правильно, искусств. Разделено на шесть частей – искусства, услаждающие разум, взор, слух, вкус, нюх и тело. Последнюю главу Эйхгорн полистал с интересом – и да, там действительно оказалось нечто вроде сокращенной Камасутры.

«Волшебное сокровище». А вот это похоже на какой-то эпос. На иллюстрациях – одетый в белое дедок с благостной улыбкой и рыжая обезьяна с длинной палкой. Книга чрезвычайно толстая, разделена на восемь частей: «Обезьяна», «Обезьяна и боги», «Мудрец», «Обезьяна и мудрец», «Обезьяна и демоны», «Мудрецы», «Мудрец и боги», «Сокровище».

Еще на прилавке лежали «Старые сказки». Эйхгорн открыл первую страницу и прочел «Давным-давно, еще при Колдующем Императоре, жил да был один добрый человек, женившийся на самой гордой и высокомерной даме на свете…». Здесь все понятно. Творение местных Гримм и Перро.

Рядом имелся томик со странным названием «О Мудрейший». Сборник притч и афоризмов, изложенных в форме кратких диалогов. Типа разговоры учителя с учеником. Эйхгорн открыл первую часть, озаглавленную почему-то «Грошек», и прочел:

– О Мудрейший, я увидел человека без одежды, сжалился над ним и дал ему одежду. Скажи, хорош ли

мой поступок?

– Твой поступок весьма хорош. Но только в том случае, если одежда, которую ты дал тому человеку, принадлежала тебе. Если же ты отдал ему чью-то чужую одежду, твой поступок весьма плох, а ты – кусок говна.

– О Мудрейший, ответь мне – случайны ли происходящие события или все они происходят согласно некоему высшему плану?

– Одни события случайны, а другие происходят согласно плану.

– А чей это план, о Мудрейший?

– Почем мне знать? Во всяком случае, не мой.

– О Мудрейший, скажи, в самом ли деле ты знаешь абсолютно все?

– Я знаю все, что имеет смысл знать.

– А что имеет смысл знать?

– То, что знаю я.

Что интересно, все здешние книги оказались снабжены большим количеством иллюстраций. Даже научные труды и философские трактаты. Наверное, по местным понятиям книга без картинок – это и не книга вовсе.

Перерыв книги на прилавке, Эйхгорн переместился к полкам. Хозяин его не тревожил – он по-прежнему тихо дремал в кресле. Спокойно и методично Эйхгорн осмотрел весь его товар.

На самой нижней полке лежали «Обучатели» – местная азбука. С ней соседствовали еще какие-то детские книги.

Выше – книги о политике и военном деле. «Об атаке и обороне крепостей», «Записки, служащие к истории о государства приращении», «Знания, касающиеся вообще до страны управления».

На другой полке лежали гравюры. Какие-то короли, дамы в богатых платьях и другие знаменитости. Подписей не было – видимо, всяк здесь и так знает, кто это такие. Рядом батальные картины и схемы военных кампаний. Есть карты – в основном Парибула и соседних, таких же крохотных королевств. На отдельной полке почему-то стоят похожие на ландыши цветы в горшках и валяется пыльная астролябия.

Если не считать астролябии, все это Эйхгорна не очень интересовало. Он перешел дальше – к художественной литературе. Тут было несколько изданий «Тригинтатрии» – сборника пьес в стихах. Была книжка «Брат Кюлот» – явно что-то

комедийное, поскольку на обложке изображен краснорожий пузатый монах со связкой сосисок. Было множество и других пьес, повестей, рассказов.

«Похождения Мере Стоперра», «Жития славных воевод», «О делах Дейкина Гемгергеса», «Садор», «Моргградант», «Собрание разных сочинений Драммена Гальвени», «Женитьба графа», «Иерофант», «Бревиарий», «Деревенские разговоры и бредни», «Деяния четырех сыновей Шевлариана», «Грох Дармаг», «Свитолина», «Неистовый Хасталладар», «Золотая легенда», «Роман о Лилейне»… Эйхгорн пробегал глазами по названиям и ставил книги обратно на полку.

Наконец Эйхгорн дошел и до того, что интересовало его особенно сильно – научных трудов. Их оказалось не так много, как он надеялся, но они все же здесь имелись. Внимание Эйхгорна сразу привлек толстенный том, озаглавленный «Озирская энциклопедия» – и это оказалось то самое, что он искал так долго. Универсальный справочник, содержащий основные сведения из разных областей знания.

Здесь были подробные карты мира, были разделы по физике и астрономии, химии и биологии, истории и географии. Сложно сказать, насколько вся эта средневековая наука соответствует истине, но это уже что-то, от этого можно отталкиваться.

Только вот… Эйхгорну энциклопедия оказалась не по карману. Она стоила аж десять золотых регентеров – больше, чем весь его наличный капитал. Вожделенно глядя на пухлый фолиант, Эйхгорн решил отложить покупку до следующего жалованья.

А пока… пока он продолжил копаться на полках. Его также очень интересовала информация об этом странном явлении, которое здесь считается волшебством. О летающих коврах, зеркалах-видеофонах и усатых любителях борща, способных ударить тебя на расстоянии.

Увы, на этот счет в лавке ничего не обнаружилось. Никаких тебе волшебных учебников, никаких книг для чайников в духе «Что такое магия, и с чем ее едят». Возможно, Эйхгорн просто не то ищет… но как узнать, что именно нужно искать?

– Могу ли я чем-нибудь помочь вам, мэтр? – раздался скрипучий голос.

Закопавшись в книги на целые часы, Эйхгорн совершенно позабыл, что у этого места есть хозяин. А старичок уже давным-давно проснулся и чрезвычайно внимательно следил за листающим страницы волшебником.

– Ищете что-нибудь… особенное? – осведомился он. – Что-нибудь… из-под прилавка?

– Да, – благодарно кивнул Эйхгорн. – Мне нужно что-нибудь… для волшебников. Ну, вы понимаете.

– О да, прекрасно вас понимаю, мэтр, – понизил голос продавец. – Специально для вас у меня найдется… вот, прошу.

Эйхгорн тупо уставился на книжку в черной обложке, озаглавленную «Теория Зла». Автор – Мерзопак Второй. Что это еще за глупость?

На всякий случай Эйхгорн полистал книгу. Та оказалась чем-то вроде учебника… очень странного учебника. Разделена на пять частей – «Итак, вы решили стать злым – что дальше?», «Кодекс злодея», «Мелкое западло», «Крупные злодеяния» и «Глобальное Зло». Кроме того, имелось несколько приложений – теоретический курс по зловещему смеху и прочее в таком духе.

Чушь какая-то.

– Конечно, это запрещено к распространению, но вы ведь все-таки волшебник, вам можно… – довольно произнес продавец.

– Нет, мне бы кое-что другое, – вернул книжку Эйхгорн. – Кое-что… посерьезнее.

– У меня всего лишь захолустная лавка, мэтр, – вздохнул продавец. – Если ищете Тайную Ктаву или Криабал, вы ошиблись адресом.

– Да нет, мне бы какую-нибудь… волшебную книгу. Учебник волшебства или что там обычно бывает.

– Да откуда же у меня взяться подобному, мэтр? – удивленно моргнул продавец. – Вам ли не знать, что волшебную книгу в книжной лавке не купишь? Они ведь не тиражируются.

– Не тиражируются?

– Ну да. Вам-то это лучше меня известно.

– Само собой. Но, боюсь, я запамятовал некоторые подробности… проклятая память, одни заклинания в голове…

Продавец смерил Эйхгорна очень странным взглядом. Но все же просветил его, рассказав о Типогримагике – учебном заведении, выпускающем магов-типографов. Чародеев, владеющих одним-единственным заклинанием – копированием текста. Именно они по всему миру служат живыми типографиями, размножая книги и газеты.

Звучало это невероятно, но Эйхгорн поверил сразу же. Он уже встречал здесь не менее невероятные вещи.

И теперь Эйхгорн взглянул на лежащие перед ним книги по-новому. До этого он не видел в них ничего особенного. Самые обыкновенные средневековые манускрипты. Хотя ему и казалось странным то, что их так много, и они относительно дешевы – переписанные-то вручную. В Средневековье книги были великой ценностью и обладали ими немногие. Только с открытием

книгопечатания они стали доступны всем желающим.

А теперь все встало на свои места. Получается, что сначала один профессиональный писец создает образцовый экземпляр, а затем волшебник из Типогримагики берет его и за пару часов штампует тысячи копий. Очень экономит время и силы, позволяя значительно удешевлять книги и даже выпускать периодические издания.

– А волшебные книги, значит, таким образом не размножаются… – задумчиво молвил Эйхгорн.

– Конечно, – пожал плечами продавец. – Да ни один волшебник не возьмется копировать магией магический же текст. Это же бушук знает что может получиться. Говорят, некоторые пытались – да только плохо это кончилось.

Эйхгорн сразу же подумал, что здесь мог бы помочь ксерокс. Но вслух сказал только:

– Значит, их только переписывать…

– Да, волшебные книги можно только переписывать вручную. И вообще, очень странно, что я вам об этом рассказываю, – со все усиливающимся подозрением глянул на Эйхгорна книготорговец. – Вы же лучше меня должны все это знать, мэтр.

– Я и знаю, – невозмутимо ответил Эйхгорн. – Это я просто вас проверял. Тестировал на профпригодность. А то мало ли что – у вас тут, я гляжу, книжки запрещенные, и вообще… Может, если стражников позвать, так и еще что найдется?

Книготорговец переменился в лице и неестественно рассмеялся. «Теория Зла» мгновенно исчезла под прилавком.

– Мэтр, а я сразу понял, что это вы меня проверяете! – заверил продавец. – Хотите, я специально для вас закажу что-нибудь особенное?

– Что, например? – заинтересовался Эйхгорн.

Книготорговец наклонился вперед, поманил Эйхгорна пальцем и прошептал:

– Никому не говорите, но у меня есть возможность достать словарь языка Каш!

– О-о! – не удержался Эйхгорн. – Настоящий?

– Самый что ни на есть настоящий! Предвижу ваше следующее возражение – его, разумеется, запрещено тиражировать или вывозить за пределы Мистерии. Но у меня есть один знакомый, а у него другой знакомый… так что, если вы подождете всего три луны, он будет ваш всего за каких-то две сотни регентеров!

– Серебряных? – без особой надежды уточнил Эйхгорн.

– Изволите шутить, мэтр! – хихикнул книготорговец. – Золотых, разумеется. Но это же настоящий словарь языка Каш –

вы вообще встречали их где-нибудь вне Клеверного Ансамбля?

– Не встречал, – согласился Эйхгорн.

– Ну вот!

Эйхгорн нахохлился. Да, он не отказался бы получить такой словарь. Книжица, безусловно, полезная. Но двести золотых регентеров?.. Это стоимость стада коров. Зарплата Эйхгорна за семь месяцев… а у него тут очень неплохая зарплата!

– Но, конечно, если для вас это слишком дорого… – прищурился продавец.

– Да, для меня это слишком дорого, – кивнул Эйхгорн. – Так что я откажусь.

Глава 17

Во дворец Эйхгорн вернулся с охапкой книг. Он спустил на них все, что было в карманах – приобрел экземпляр «Обучателя», географический атлас, несколько научных трудов и «Брат Кюлот» – просто захотелось почитать.

Очень хотелось, конечно, купить Озирскую энциклопедию, но придется повременить.

На полдороге к башне Эйхгорна поймал Еонек. Подпрыгивая, как наскипидаренный заяц, он воскликнул:

– Я узнал, мэтр!

– Что узнал? – досадливо спросил Эйхгорн, пытаясь не уронить книжную колонну.

– Сколько стран в Сурении!

– Молодец. И сколько же?

– Семьдесят одна… если не считать Сто Маленьких Королевств.

– А если считать?

– Их нельзя сосчитать точно, потому что у некоторых спорный статус! – гордо ответил паж.

– Ладно, допустим… Молодец.

– Спрашивайте меня еще, мэтр!

– Хм… Ну хорошо, тогда перечисли мне все страны Сурении в алфавитном порядке.

– А…

Эйхгорн молча пошел дальше, оставив Еонека стоять посреди двора. Жестоко так с пацаном, конечно, но, может, он хоть теперь отвяжется?

Однако, семьдесят стран?.. На острове?.. Невелики же должны быть эти страны…

Впрочем, география Эйхгорна сейчас не волновала. Он обдумывал технические вопросы. Еще несколько дней назад, полагая окружающий мир глухим средневековьем, Эйхгорн не напрягался по этому поводу, но теперь оказалось, что это… все равно средневековье, но с нюансами.

А это многое меняет. Эйхгорн ведь не собирался вечно коптить небо в башне провинциального королька. Он планировал собрать побольше информации, определиться во времени и пространстве, вызнать подробнее о местных порядках, а потом… изобрести что-нибудь, например. Принести на Парифат технический прогресс. Не все же ему самогонные аппараты строить.

Но теперь оказывается, что многие технические достижения

здесь не найдут понимания. То же книгопечатание, например, успешно заменяется волшебством. Конечно, вряд ли волшебники смогут конкурировать с типографиями двадцать первого века, но станок Гутенберга и даже гектограф они явно переплевывают. А поскольку Эйхгорну при всем желании не удастся собрать из подручного материала ксерокс, о карьере книгопечатника лучше забыть.

А что там еще есть из самых простых, но при этом важных изобретений? Книгопечатание – безусловно, самое важное техническое достижение средневековья, но второе по важности… пожалуй, компас. Магнитная стрелка на картушке, на порядок облегчающая путешествия. Именно изобретение компаса дало старт эпохе географических открытий – до него мореплаватели ходили исключительно вдоль берегов.

Правда, компас, принесенный Эйхгорном с Земли, здесь почему-то стал нагло врать. Он по-прежнему работает, только вот указывает не на север, а на юго-восток. Видимо, на Парифате магнитные поля располагаются совсем не так, как на Земле.

Эйхгорн решил навестить эдила. Расспросить обиняками, как в этом мире обстоят дела с путешествиями и средствами навигации. Те же ковролетчики ведь как-то находят дорогу – значит, что-то должно быть.

Правда, с высоты обзор лучше – можно путешествовать и «на глазок». Да и солнце со звездами никто не отменял…

Эдил, как и обычно в это время суток, пребывал в своем кабинете. Подбивал итоги дня. Эйхгорну он не то чтобы обрадовался, но на дверь не указал и даже налил стаканчик. Вина, разумеется. После великолепного новоакрилльского пива хлебать эту розовую водичку Эйхгорну не очень хотелось, но во дворце почему-то пили только вино.

Теперь, правда, король пристрастился еще и к самогонке, но ее он употреблял очень в меру, буквально в гомеопатических дозах. Вот его брат-алкоголик меры не знал, и уже окончательно перестал трезветь, но это никого особо не огорчало.

А разговор с эдилом получился плодотворным. Спрашивать его прямо Эйхгорн не мог, но спустя некоторое время сумел подтолкнуть беседу в нужном направлении. Повел речь о соседних королевствах – мол, он тут человек новый, прибыл недавно, с чем этот ваш Парибул граничит, не подскажете?

– К западу Кинелия, – степенно ответил эдил. – К югу Скильдрун. К востоку Дювания. А к северу Лимоя. Ты к нам как добирался-то, мэтр?

– Не уверен, – честно признался Эйхгорн. – Там сплошные леса были.

– Тогда через Лимою, наверное. Там населения всего тысячи две – королевский замок, да три села вокруг. А остальное все леса.

– Наверное, через Лимою, – согласился Эйхгорн. – В какой она стороне-то?..

Он повернулся к окну, словно надеясь что-нибудь там разглядеть. Эдил хмыкнул:

– Не туда смотришь. Окно на юг, а Лимоя, я ж сказал, на севере. Куда ландыш указывает, не видишь?

– Ландыш?.. – не понял Эйхгорн.

Эдил кивком указал на цветок в горшке. Тот и впрямь указывал в точности на север. Эйхгорн посмотрел на него с огромным интересом, продолжил беседу ни о чем, а когда эдил отвлекся – быстрым движением крутанул горшок градусов на шестьдесят.

Цветок тут же словно ожил! Стебель явственно шевельнулся и повернулся на те же шестьдесят градусов, по-прежнему указывая точно на север!

Эйхгорн не стал задавать уточняющих вопросов. Общий принцип и так понятен, а как действует биологический механизм, эдил вряд ли в курсе.

Цветок, всегда указывающий на север. Да, это не намного хуже компаса. Конечно, не такой компактный, да еще и поливать нужно, но эти недостатки терпимы.

– Я однажды был в Лимое, – задумчиво молвил эдил. – Еще когда у них король правил.

– А сейчас кто, королева?

– Нет, сейчас император, – с каменным лицом ответил эдил. – Он провозгласил им себя десять лет назад.

– Император?.. И у него две тысячи подданных?

– Около того. И армия из пяти солдат… и десяти офицеров.

– Но он император?..

– Он так себя называет. А нашего короля… да и всех остальных королей называет своими вассалами. Требует, чтобы мы присылали ему дань.

– А вы присылаете?

– Нет. Он нам за это войну объявил.

– То есть вы с ним воюете?

– Это он с нами воюет. С нами, и еще с шестнадцатью странами. Но в его армии всего пять солдат, так что ему трудно.

– Надо думать.

Эдил отхлебнул еще вина, посмотрел на свет сквозь бокал и задумчиво спросил:

– А что, мэтр, когда же ты начнешь отрабатывать

содержание?

– Я ежедневно творю великие чудеса в своей башне, – невозмутимо ответил Эйхгорн.

– Это хорошо. Только хотелось бы, чтобы от этих чудес и обществу какая-нибудь польза была. Я не давлю, но ты же должен приносить пользу. Вон, даже коровы и куры ее приносят, а ты что же?

– Вскоре я представлю его величеству проект, который перевернет все ваше королевство, – пообещал Эйхгорн.

– Вот это особенно хорошо. Буду ждать с нетерпением.

От эдила Эйхгорн вышел в глубокой задумчивости. Надо и в самом деле что-нибудь такое… наколдовать. Быть не может, чтобы в этом средневековом убожестве не нашлось места, где опытный инженер может употребить свои навыки.

Эйхгорн решил для начала просто обойти дворец и прикинуть, что в нем можно улучшить.

Прямо вот навскидку – провести канализацию и водопровод. Но это долго, муторно и не очень интересно. Волшебник-сантехник… Эйхгорн не помнил такого в сказках.

Центральное отопление тоже отпадает. Да и не нужно оно здесь даже даром. Тут полезнее был бы кондиционер, но его на коленке не построишь. Эйхгорн теоретически знал, как его сделать, однако на ум сразу же приходит столько трудных моментов, что лучше и не браться.

Лучше всего попытать счастья на поварне. Еда – это беспроигрышный вариант. Везде и всюду люди ценят пищу. Если дать им ее больше или сделать ее вкуснее – тебя тоже будут ценить.

Про электрические приборы, конечно, и думать нечего. Строить здесь электростанцию Эйхгорн еще не готов. Но вот холодильник… или, точнее, устройство для производства льда… тут электричество уже необязательно. Нужен только компрессор и аммиак – они тоже с неба не свалятся, но это все-таки сравнительно реально.

Можно только вообразить, как обрадуются здешние повара, заполучив такую штуку…

Через двадцать минут Эйхгорн стоял на поварне. Огромном, пышущем жаром зале с двумя печами из огнеупорного кирпича и бескрайним кухонным столом, вокруг которого хлопотали кухарки и поварята. На полках горами громоздились горшки, котелки, сковороды, бочки, кадки, терки, ступки, ножи, крюки, сита, дуршлаги и прочая утварь. Здесь были сухие и влажные кладовые, чулан для специй, угольная камора, буфет с травами и лестница в погреб.

И спустившись по этой лестнице, Эйхгорн оказался в еще более огромном зале. Здесь горами лежали картошка и овощи, на полках блестели свежие фрукты, с потолка свисали мясные туши, а вдоль стен сияли желтыми боками громадные сыры.

Но самое главное – здесь было холодно. Не так холодно, как в обычных погребах, а реально холодно. Зубы сразу застучали, а пальцы ног заиндевели.

Эйхгорн пораженно уставился на то, что производило этот холод – лежащий в центре погреба камень. Самый обыкновенный на вид булыжник, килограммов так на шесть, но источающий сильнейший мороз.

– Что это? – растерянно спросил Эйхгорн.

– Хладкамень же, – удивленно ответил сопровождающий его повар. – Вы неужто в своей Мистерии таких не видали?

– Волшебство, да? – упавшим голосом уточнил Эйхгорн.

– Наверное, – пожал плечами повар. – Говорят, их хримтурсы делают. Как уж там они их варганят, из чего – одни боги знают. Главное, что работает.

– И что, они вечные? Вот так положил – и всегда будет морозить?

– Нет, конечно, они же тают постепенно. Но этот крупный, его еще лет на пять хватит.

Оказалось, что хладкамни здесь есть почти в каждом доме – их кладут в какой-нибудь сундук или шкаф, создавая самый натуральный «холодильник». Но простые горожане используют мелкие экземпляры – те истаивают всего за несколько лун и морозят лишь небольшой объем. Такие громадные, способные годами охлаждать целый погреб – большая редкость.

С разрешения повара Эйхгорн прикоснулся к хладкамню. На ощупь тот оказался леденящим, но не чрезмерно – вполне можно держать голыми руками. Эйхгорн приподнял его, осмотрел со всех сторон – нет, ничего особенного.

Возможно, химический анализ сможет что-нибудь выявить…

Но отколоть хотя бы крошку повар не позволил. Помялся, опустил взгляд в пол и промямлил:

– Не можно, мэтр. Такие крупные трудно сыскать, за большие деньги куплено. У нас королевство захудалое, такие штучки на базаре не продаются… Только купцы временами завозят, кто потароватей.

Никакие уговоры не помогли – повар уперся рогом. Очень уж, мол, дефицитный товарец, а следующий завоз еще неизвестно когда будет. Это вы, вон, в большой город поезжайте, покупайте себе, да и делайте с ними, что хотите – хоть в штаны суйте.

Идея о большом городе упала на благодатную почву –

Эйхгорн и сам уже начал об этом подумывать. Но пока еще рано. Надо вначале поднакопить деньжат, обзавестись транспортом… не пешком же ему брести через эти Сто Маленьких Королевств?

После поварни Эйхгорн побывал еще в нескольких местах. Никаких аномальных предметов он больше не нашел, зато расспросил челядь о прежнем волшебнике.

И услышанное окончательно его расстроило.

Оказалось, что мэтр Гвенью хотя и был не ахти каким чародеем, таки умел немало гитик. Помнившие его слуги рассказали, что старикашка был способен на следующие трюки:

а) Зелья. Основной профиль. В основном мази, лосьоны, полоскания и притирания. Его коронными рецептами были мазь красоты, мазь невидимости, вода Ипмарва и антиволосин. Говорят, действовали чрезвычайно эффективно. Особенно антиволосин – у иных дворцовых обитателей из-за него по сей день не растут усы и борода;

б) Превращения. Мэтр Гвенью мог превратить человека в животное или животное в человека. Правда, всего на пару часов – потом чары рассеивались;

в) Молнии. Совсем слабенькие, едва щиплющие кожу, но тем не менее мэтр Гвенью умел ими кидаться;

г) Управление погодой. С этим у мэтра Гвенью было совсем худо, однако покряхтев часок-другой, он все же мог вызвать или прекратить дождь. А однажды ухитрился наколдовать страшной силы грозу, после чего король долго на него орал.

Теперь стало понятно, почему короля не впечатлили трюки Эйхгорна. Прежний волшебник, хоть и считался второсортным, умел таки больше его.

Впрочем, это еще неизвестно. У Эйхгорна тоже найдется своя магия. Не такая, к которой привыкли здесь, но ничуть не хуже.

Вернувшись в башню, Эйхгорн нашел там Еонека. Паж сидел на полу с выпученными глазами, держась за голову так, словно старался не расплескать полный до краев сосуд. При виде начальства он в панике завопил:

– Мэтр, мэтр, я выучил!

– Что выучил?.. – не понял Эйхгорн.

– Страны Сурении в алфавитном порядке! Перечислить?! Пожалуйста, дайте я их перечислю!

– Ну перечисли… – вздохнул Эйхгорн.

– Ажество, Арахния, Бабария, Басилерия, Бливолан, Болкония, Булимион, Вадимос, Великий Пчельник, Ганида, Гармальин, Гример, Грокох, Гумарения, Жриволней, Захребетье, Злато-Серебряный Альянс, Золотой Улей, Ильдланд, Империя Зла, Иппранъол, Кайлан, Каймца, Кардевурша, Кельм, Косталана,

Кузамелия, Куниленг, Липарадон, Малькароне, Мардахай, Медовое Царство, Мертвая Земля, Минария, Мирахил, Миртания, Мунк, Мурмур, Мустабор, Нбойлех, Новый Акрилл, Олиберан, Разбания, Раттазия, Резалия, Рейдзея, Руйя, Рюкодлия, Священная Ортанская Империя, Смаренг, СНЭГ, Сокола, Солярия, Срединия, Таказия, Тирцехлиаль, Тримея, Тюрюнгия, Фрабозия, Франг, Харгалла, Холобонд, Худурин, Хундария, Цильмерия, Циртахия, Чечпокия, Че-Ш, Ырше, Эхидена и Южакинг! – торжествующе закончил паж. – Ф-ф-фу-у-у ты-ы-ы-ы!..

– Молодец, – кивнул Эйхгорн, Возьми с полки пирожок…

– Какой пирожок, мэтр? – метнулся к шкафу Еонек.

– Э-э…

– Мэтр, тут нет пирожка.

– Ищи лучше, должен быть, – ответил Эйхгорн, растягиваясь на кровати и глядя в потолок. Ему требовалось как следует поразмыслить.

Итак, техника на Парифате развита плохо. По той элементарной причине, что вместо нее активно употребляется волшебство. Неудивительно, что все пытливые умы стремятся в волшебники. Кому интересно возиться с лейденскими банками, если можно вызывать грозу и швыряться молниями из рук? Родись Эйхгорн в этом мире, он бы, может, и сам стал волшебником.

Но он не волшебник. Зато в его голове настоящая бездна технической информации. Этим можно воспользоваться.

Можно. Но не так просто, как кажется на первый взгляд. Например, большинство достижений двадцатого века построить в условиях средневековья просто нереально.

Вот взять простейшую лампочку. Вакуумированная стеклянная колба, в ней металлическая спираль. Замыкается электрическая цепь, спираль раскаляется – есть свет. Элементарно, как таблица умножения. Но попробуй-ка, смастери ее здесь. Да еще и током обеспечь.

Про более сложные приборы не стоит и говорить. Катоды, аноды, светодиоды… даже интеллект уровня Эйхгорна не справится с подобным в одиночку. Нужна развитая промышленность, специальные мастерские, ассистенты с техническим образованием.

Нет, искать нужно среди более ранних изобретений. Как та же лейденская банка, которая появилась еще в восемнадцатом веке. В те времена прикладная наука только развивалась, и ученые лепили свои творения из чего попало. Такое возможно применить и здесь.

И на ум, разумеется, сразу приходит самое разрушительное

изобретение средневековья. Порох. Своего Бертольда Шварца на Парифате так и не появилось, солдаты по сей день вооружены холодным оружием.

Да, это самое простое. Изобрести взрывающийся порошок и показать всем кузькину мать. Сделать порох без труда можно даже в глухом средневековье. У волшебников наверняка есть какие-то альтернативные решения – все эти их заклинания. Но это у волшебников. А если сделать порох доступным для всех без исключения?

И не только порох – динамит, тротил… с этим Эйхгорн справится даже в этих убогих условиях.

А еще можно сделать огнестрельное оружие. Пистолеты, ружья, пушки. Это будет посложнее, потребуется привлечь профессиональных кузнецов, разъяснить им, что такое затвор, магазин, ударно-спусковой механизм… Займет немало времени.

Но с пистолетом в руке Эйхгорн действительно сможет наколдовать аваду кедавру. А там и массовое производство. Несколько лет усердного труда – и королевство Парибул просто раздавит все эти соседние державки…

– Неприемлемо, – сделал краткую аудиозаметку Эйхгорн.

Меньше всего на свете ему хотелось остаться в истории Парифата человеком, чье изобретение убьет миллионы. Нобель всю жизнь раскаивался, что выпустил в мир такую штуку, как динамит. Оппенгеймер был в ужасе, когда увидел взрыв над Хиросимой.

Безусловно, подавляющее большинство людей – бесполезные идиоты, но они не сделали Эйхгорну ничего плохого.

К тому же неизвестно, как к подобной деятельности отнесутся настоящие волшебники. Судя по тому любителю борща, народ это суровый. Пришибут как козявку и имени не спросят.

Кстати, о том любителе борща. Эйхгорн решил вплотную заняться своим волшебным зеркалом. Он отослал Еонека, так и не нашедшего обещанный пирожок, достал из ящика колдовское устройство и воззрился на него снулым взглядом.

– Внешне объект ничем не отличается от обычного карманного зеркала, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Приступим к обследованию внутреннего механизма.

Он взял нож и принялся аккуратно разбирать вещицу. Многолезвийный инструмент справился без труда – не прошло и минуты, а на столе уже лежат деревянная рамка и овальный кусок стекла.

Совершенно обыкновенные.

Эйхгорн битый час искал, в чем заключен секрет. Провел несколько простых анализов дерева и стекла… и это оказались

просто дерево и стекло.

Никаких чипов, микрофонов, камер… впрочем, Эйхгорн и не ожидал их увидеть. Он вообще понятия не имел, что ожидает увидеть. Какие-нибудь признаки… волшебства?.. Магию?..

Как она выглядит, кто-нибудь знает?

Проработав до самого заката, Эйхгорн сдался. У него просто не было никаких зацепок, и он неохотно вернул стекло в рамку. Держалось оно теперь там плохо, так что пришлось добавить пару капель клея.

– Опыт завершен неудачно, принцип действия установить не удалось, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Проведем несколько экспериментов со связью.

Он задумался, кому позвонить… позеркалить, как тут говорят. Не считая своего собственного, он знал всего один номер – 11111, безымянный суровый волшебник. Ему зеркалить попросту опасно – кто знает, как он отреагирует на повторный вызов?

Подумав, Эйхгорн подышал на зеркало и написал номер своего сотового. Просто в качестве случайного набора цифр. В конце концов, даже в Парибуле имеется не менее пяти дальнозеркал – так что далеко не все они принадлежат волшебникам. Да и среди волшебников уж наверняка есть и более адекватные.

Только вот… что-то на этот раз никто не отвечает. Стекло остается тусклым, отражается в нем по-прежнему только Эйхгорн.

Возможно, именно этот номер никому не принадлежит, или хозяин сейчас недоступен? Эйхгорн набрал еще несколько случайных наборов цифр, перепробовав по очереди все телефоны из своего списка контактов.

И все с тем же результатом. Зеркало не работало.

Отчаявшись, Эйхгорн таки набрал 11111 – точно рабочий номер. И снова ничего.

Похоже, разобрав дальнозеркало, Эйхгорн его испортил.

Интересно, где здесь ближайшая ремонтная мастерская для волшебных зеркал?

Глава 18

На следующее утро Эйхгорна поджидала еще одна неприятность. Приказал долго жить смартфон. Внешний аккумулятор отдал последние крупицы энергии, но и они подошли к концу. Прекрасный прибор, настоящая квинтэссенция технической мысли планеты Земля, превратился в бесполезный кусок металла. Теперь его можно использовать разве что как зеркало – мутное и очень темное зеркало.

Но Эйхгорн понимал, что это произойдет, так что не слишком расстроился. Все равно позвонить в этом мире он никому не мог, выйти в Интернет – тоже, карты и переводчик стали бесполезны, а музыку Эйхгорн никогда особенно не любил. Фотоаппарат разве что жаль, да еще калькулятор и программу-кульман – при сложных вычислениях они были не лишними даже Эйхгорну.

До обеда Эйхгорн сидел за чертежами. Он ведь пообещал эдилу представить королю некий грандиозный проект. И хотя в тот момент это было просто пустое обещание, за ночь в голове Эйхгорна все же выкристаллизовалась идея. Утром она воплотилась на бумаге.

Король принял Эйхгорна уже этим вечером. Собрался весь ближний совет – эдил, епископ, казначей, кравчий, камергер и коннетабль. Они выжидающе смотрели, как придворный волшебник разворачивает большие листы бумаги с нарисованными на них каракулями.

Эйхгорн не отличался художественными способностями.

– Железная дорога, – равнодушно произнес он. – Все очень просто – кладем шпалы, на них устанавливаем рельсы. Протягиваем пути из точки А в точку Б. На рельсы ставим паровоз – колесную машину, приводимую в действие силой пара. Если мне дадут материалы, помощников и денежные средства, я построю его примерно за год…

Понемногу Эйхгорн воодушевлялся. Проект на глазах обрастал подробностями. Пришелец с Земли приводил графики, расчеты, цифры, разъяснял каждую мелочь, рассказывал, как действует железнодорожный транспорт, как устроен, с какой скоростью движется…

Король и сановники слушали внимательно, с интересом разглядывали изрисованные листы. И вот спустя двадцать минут, когда Эйхгорн уже выдохся и не знал, о чем еще говорить, король кашлянул и сказал:

– Ну мы вроде как поняли твой замысел, мэтр. Давайте обсуждать, что ли? Что скажете, мессиры?

Сановники обменялись задумчивыми взглядами. Эйхгорн с надеждой ожидал их решения.

– Идея интересная, – взял слово эдил. – Но непродуманная. По-моему, даже ребенку очевидно, что железные колеса будут соскальзывать с этих твоих «рельс». Каким образом они там удержатся-то? Разгонится твой «паровоз» – и полетит вверх тормашками, как бегун на льду.

– Но… – попытался возразить Эйхгорн.

– А если такой огромный кусок железа соскользнет и пойдет под откос, это же сотни людей погибнут! – возмутился коннетабль. – Даже если сам и не соскользнет, так агенты Зла же не дремлют, они такой возможности не упустят! И скот наверняка пугаться будет. Нет-нет, я против. Запретить.

– Ну, соскользнуть-то он, может, и не соскользнет, – задумчиво молвил епископ. – Мало ли, какая там магия. Ковролетчики, вон, с небес пока не шмякаются. Но вы представляете, как железный вагон будет нагреваться на солнце летом и промерзать зимой? Железо же! Вы детей своих повезете в такой жестяной коробке? Я вот не повезу.

– Ваше преосвященство, так у вас же нет детей, – хмыкнул эдил.

– У меня зато племянники есть, – одарил его убийственным взглядом епископ. – Четверо.

– Вы все не о том говорите, – проскрипел казначей, с трудом приоткрыв черепашьи очи. – Люди погибнут, дети поджарятся… кому какое дело?! Гораздо важнее стоимость этого… проекта. Вы представляете себе сумму, в которую выльется прокладывание дороги – дороги! – из железа? Вы еще из серебра ее строить начните! Не считая даже стоимости земли, сами земельные работы, производство рельс, доставка их до места укладки… Это же астрономические деньги, никто их вкладывать в эту авантюру не будет.

– Хорошее замечание, – согласился камергер. – А сколько руды понадобится для выплавки такого количества стали? Рельсы эти ваши, вагоны… На чем доставлять-то ее будем от шахт? На лошадях? Смешно. Тем более, что своих железных шахт у нас нет, везти придется через три границы – а это три таможни. Сколько они с нас сдерут?

– Да и кому вообще нужна вот эта вот непонятная железная чепуха, если есть нормальные, работающие лошадиные перевозки? – вбил последний гвоздь в гроб кравчий. – Ну в самом-то деле, вы что, совсем очумели?! Считаете себя умнее предков?! Мой дед на коне ездил, мой отец на коне ездил, я на коне езжу – и лучшего для себя не желаю!

Король покивал. Покровительственно взирая на Эйхгорна, он сказал:

– Ну что, мэтр, слышал, что говорят умные люди? Сущую глупость ты придумал. Стыдно должно быть, что впустую тратишь наше время.

Эйхгорн ничего не ответил. Он сидел, как оплеванный. Конечно, можно было возражать, приводить аргументы… но он их все привел еще во время презентации. Опровергнуть претензии сановников способны только зримые факты, чистая логика их не проймет.

– Ваше величество, я заверяю вас, что мой проект рабочий, – все же сделал попытку Эйхгорн. – Если вы дадите мне возможность доказать…

– Нет уж, мэтр, – хлопнул по подлокотнику король. – Давай-ка все вот эти железные дороги и паровые телеги оставим гремлинам, идет?

– Гремлинам?.. – переспросил Эйхгорн.

Про гремлинов он слышал. Кажется, впервые слухи о них пошли во Вторую мировую, среди фашистских летчиков – те утверждали, что в моторах их самолетов пакостят крохотные человечки. Немцы решили, что эту нечисть вывели в секретных лабораториях Кремля – поэтому их и прозвали «кремлингами». С течением времени название слегка видоизменилось, и кремлинги стали гремлинами, а их первоначальное происхождение забылось.

Однако вряд ли здешние гремлины имеют какое-то отношение к Кремлю.

– Ну да, гремлинам, – нетерпеливо повторил король. – Они в этом мастаки. А ты занимайся тем, в чем сам мастак – колдуй. У нас, кстати, твой эликсир закончился – когда еще наваришь?

– Уже наварил, – ровным голосом ответил Эйхгорн. – Сейчас принесу две бутыли.

– Вот это ты молодец, вот это я тебя хвалю! Так и впредь действуй, полностью тебя поддерживаю.

Эйхгорн окинул короля и сановников снулым взглядом. Собственно, ничего удивительного не произошло – он всего лишь еще раз убедился в людской недальновидности и косности мышления. Наполеон в свое время тоже послал Фултона куда подальше – и где теперь этот Наполеон?

Чего еще ждать от политиков?

– Могу я предложить взамен проект «Монгольфьер»? – без особой надежды спросил Эйхгорн. – Представьте огромный шар, наполненный горячим воздухом. Он может подниматься на большую высоту, неся в корзине пассажиров…

– И чем это лучше летающих ковров? – осведомился король.

– Ничем, – вынужден был признать Эйхгорн.

– Тогда зачем нам это нужно?

– Хотя бы затем, что у вас нет летающих ковров.

– Я могу купить один или два, если мне захочется, – пожал плечами король. – Конечно, страгулярцы ломят за них втридорога, но уж не настолько, чтобы я не мог позволить себе одну штуку. Или даже две. А во сколько мне обойдется твой летающий шар?

– Двести пятьдесят золотых регентеров, – неохотно признался Эйхгорн. Он уже произвел предварительные подсчеты.

– А летающий ковер можно купить за двести, – ласково сообщил король.

Крыть было нечем. Честно говоря, Эйхгорн и сам предпочел бы летающий ковер такой неудобной и ненадежной штуке, как монгольфьер. Проку-то с него, если вдуматься? Способен только на вертикальный полет, полностью зависим от ветра, для путешествий практически непригоден, подъемная сила крайне мала…

Вот вертолет вполне мог бы потягаться с летающим ковром. Не такой компактный, конечно, под мышкой его не потаскаешь, зато есть множество других преимуществ.

Но Эйхгорн трезво оценивал свои силы. Вертолет он сконструировать не сможет. Не в этих условиях. Аэростат – да. Аэроплан – да. А вертолет – нет.

Ну и черт с ним. Вся эта политика привела Эйхгорна в такое мрачное расположение духа, что он почувствовал острую потребность нажраться. Благо за дверью ожидали две двухлитровые бутылки яблочного шмурдяка.

Вообще, Эйхгорн мог довольно много выпить, сохраняя здравый рассудок. Со стороны он при этом производил впечатление полностью трезвого, да и ход мыслей практически не менялся. Однако в какой-то момент количество алкоголя в организме достигало критической массы, и Эйхгорн превращался в невменяемого идиота. Он хорошо знал об этой своей слабости и старался черту не переступать.

Увы, удавалось это не всегда.

Сегодня Эйхгорн пил на порядок больше всех остальных, и к закату был уже совершенно пьян. Он издавал невнятные звуки, время от времени подхихикивал и тыкал пальцем куда попало. Его смешило все, что он видел – дурацкие барельефы на стенах, чадящие факелы, стоящие навытяжку лакеи, королевский трон, королевские шлепанцы…

Потом наступил меланхолический период. Теперь все вокруг уже не смешило Эйхгорна, а выводило из себя. Он едва

сдерживался, чтоб не пнуть что-нибудь посильнее.

– Я кандидат наук, – зло бормотал Эйхгорн себе под нос. – Кандидат технических наук. Я инженер-конструктор. Я изобретатель. Я чертов сука гений. У меня IQ сто девяносто четыре. Память, близкая к эйдетической. Какого хера я тут делаю? Что не так с моей гребаной жизнью?

– Мэтр, ты что там скуксился в углу?! – окликнул его король. – Иди к нам, в башенку играть будем!

Игру в башенку его величество Флексиглас очень любил. Суть ее предельно проста – имеется множество плоских жетонов (король использовал серебряные регентеры), которые игроки по очереди кладут друг на друга. Тот, на чьем ходу башенка развалится – проиграл. Есть определенные хитрости (например, специально класть жетоны неровно, чтобы еле держались), но вообще игра до жути примитивна и популярна в основном у детворы и пьяных королей.

Эйхгорн проиграл самым первым.

– Дурацкая игра, – пробурчал он. – Меня окружают идиоты. Куда бы я ни попал, меня окружают идиоты. Идиоты, которые не могут назвать число пи хотя бы до тридцатого знака. Идиоты.

– Мэтр, прекрати сквернословить, – смерил его хмурым взглядом епископ. – Твой ход.

– Святой отец, а святой отец! – гневно повернулся к нему Эйхгорн. – А вот ты знаешь, что планета вертится?!

– А ты закусывай, когда пьешь – она и перестанет вертеться.

– И все-таки она вертится! – возмутился Эйхгорн.

– Да-да, мэтр, как пожелаешь. Иди спать.

Наутро Эйхгорн проснулся с ужасной головной болью и почему-то на полу. Оглядевшись, он со стыдом понял, что уснул в дворцовом коридоре. Рядом горничная смахивала с вазы пыль, не обращая внимания на похмельного волшебника.

Кутаясь в балахон и поправив колпак, Эйхгорн кое-как поднялся и поплелся к себе в башню. Ему жизненно необходима была таблетка аспирина.

Чтобы ее получить, предстояло подняться на двести восемнадцать ступеней.

Глава 19

Прошло еще двое суток. Эйхгорн более или менее свыкся с тем, что его знания тут никому особенно не нужны, а в техническом прогрессе местные не заинтересованы. Что ж, навязываться он не собирается.

Им же хуже.

Сегодня, в день Глиняного Ястреба, Эйхгорна пригласили на дружескую игру в карты. На сей раз не с королем – всего лишь с членами городской администрации. Присутствовали эдил, видам (помощник епископа), почтмейстер, старшина ремесленного квартала и Эйхгорн сам-пят.

Собрались в трактире – эдил частенько здесь посиживал. У него даже имелся собственный стол, отгороженный бумажной ширмой. В отсутствие эдила за ним тоже посиживали, но когда тот приходил – все прочие сразу разбегались. Тролль, которому принадлежал «У порядочной девицы», обслуживал эдила максимально предупредительно – разве что пылинки с него не сдувал.

Эйхгорн уже был знаком с местными картами. Стандартная колода состоит из четырех мастей – дворяне, воины, купцы и жрецы (загадочная спираль оказалась религиозным символом). В каждой масти одиннадцать карт – самые младшие и самые старшие носят собственные названия и обозначаются картинками, а остальные – это просто двойки, тройки и десятки. Кроме того, в колоде есть два джокера – Шут и Волшебник.

Но сегодня они играли в «Зодиак» – коммерческую игру, для которой использовалась не только стандартная колода с джокерами, но еще и четырнадцать дополнительных карт, обозначающих парифатские знаки зодиака. Вепрь, Скорпион, Осьминог, Ястреб, Медведь, Скарабей, Лебедь, Тигр, Волк, Крокодил, Ворон, Дельфин, Краб и Горностай.

Правила игры считались сложными, но Эйхгорн усвоил их мгновенно. Играют впятером, каждому раздается двенадцать карт, первым ходит сидящий слева от раздающего. Ходить можно с любой карты, кроме зодиаковых и джокеров – после этого остальные игроки должны положить карту той же масти. Самая старшая карта берет взятку. В случае, если карты той же масти на руках нет, нужно положить джокер или зодиак – при этом джокер всегда берет взятку, а зодиак никогда не берет. Принявший взятку делает следующий ход.

Если в полученной взятке была карта зодиака, игрок записывает ее себе в счет. Если у игрока, который должен ходить,

остались исключительно карты зодиака и/или джокеры, кон заканчивается и начинается следующий. Партия может длиться неограниченное количество конов и заканчивается тогда, когда один из игроков собирает весь зодиак. Он и становится победителем.

Перед эдилом стояли две кружки – одна пустая, другая наполовину полная. Беря очередную взятку с зодиаком – а эдилу сегодня везло! – он шумно отхлебывал, оставляя на лице пенные усы. Эйхгорн, который всегда любил коммерческие игры, пил только воду и жевал ножку брабулякра.

Почтмейстер был не в духе, бросал карты невпопад и проигрывал. Он то и дело жаловался на свою головную боль – судебный процесс с цехом горожан. В королевстве Парибул в обязанности почты входила не только и не столько доставка корреспонденции, сколько вывоз из домов мусора. Контора эта была частной, оплачивалась горожанами, по обновляемому ежегодно договору.

Но в этом году горожане потребовали пересмотра условий. Мол, мусорные тележки плохо закрыты, с них высыпаются отбросы, улицы все в грязи. Кому понравится? Так что пусть почта либо начнет не только вывозить, но и убирать мусор с улиц, либо снизит расценки.

Эдилу ситуация тоже не нравилась. За чистоту в городе отвечал он. Правда, его обязанности заключались только в штрафовании грязных улиц – и уж он штрафовал.

– Вам легко говорить, – шмыгнул носом почтмейстер. – А у меня в этом году один парень уехал, другой вообще помер. А еще двое уже такие старые, что себя-то еле волокут, а вы про тележки. С кем работать? Где людей взять? Жалованье и так крохотное, а они еще и снизить хотят. Да тогда вообще все разбегутся!

– Ничего не знаю, но проблему реши, – потребовал эдил. – Вон, мэтра попроси помочь.

– А чем я могу тут помочь? – не понял Эйхгорн.

– Ты ж волшебник, – пожал плечами эдил. – Наколдуй что-нибудь.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Похоже, тыжволшебники в этом мире страдают так же, как на Земле – тыжпрограммисты, тыжврачи и тыжюристы. Даже сильнее, пожалуй. В конце концов, тыжпрограммистов дергают только по компьютерным вопросам, тыжврачей – только медицинским, тыжюристов – юридическим. А тыжволшебников… наверное, вообще по любым.

Это же магия! Магия может все!

– Поставьте мусорные баки, – равнодушно предложил

Эйхгорн. – И пусть каждый сам таскает до них свой мусор. У вас из окон-то помои не выливают?

– При прежнем эдиле выливали. Но я за это штрафую.

– А что за баки? – заинтересовался почтмейстер. – Это как?

Эйхгорн описал. Слегка увлекшись, даже предложил систему сортировки мусора. Мол, пищевые отходы в один бак, бумагу в другой, стекло в третий, пластик… пластика здесь нет, так что для него необязательно.

Хотя можно на всякий случай.

Понимания его предложение не встретило. Выкидывать в мусор стекло и бумагу… вы не зажрались ли, мэтр? Может, сразу уж посуду начнем выкидывать? Одежду? Мебель?

Но сама система с баками почтмейстеру понравилась. В самом деле – поставить на каждой улице по тележке, и пусть горожане сами туда все сносят. А мусорщики по мере наполнения будут вывозить их в лес.

Да, мусор тут просто сваливали в ближайшем овраге. Благо производил его средневековый городок не слишком много – в основном кости, огрызки, тряпки, шелуха и содержимое ночных горшков. Ну и строительные отходы – старый известняк, гнилая солома, битые кирпичи.

Эйхгорн наметил себе наведаться к этому оврагу. Там вполне может оказаться неплохая селитряница.

– Ты уж шепни там королю, Муа, – попросил почтмейстер. – Пусть указ подпишет.

– Да-да, сегодня же, – рассеянно ответил эдил, глядя в свои карты. – А пока ходи.

– Дальше можно не играть, – бросил свои Эйхгорн. – Ты берешь крайний зодиак.

– Крайний?.. – не понял эдил.

– Последний.

– Э-эй!.. – возмутился видам. – Ну мэтр, ну мы же договаривались без колдовства!

Эйхгорн посмотрел на него снулым взглядом. Видаму сегодня тоже сказочно везло, но играл он из рук вон скверно. Кажется, ему даже не приходило в голову считать взятки и запоминать выбывшие карты.

– Да, дело очевидное, – хмыкнул эдил, открывая свои карты и демонстрируя Шута в окружении трех дворян. – У кого там Краб, подавайте его сюда!

Старшина ремесленного квартала с кислым лицом швырнул карту Краба в центр стола. Действительно, дворян ни у кого кроме эдила не осталось. С какой бы карты ни зашел почтмейстер, эдил брал взятку джокером, после чего забирал

остальное дворянами. Второй джокер вышел еще в начале кона.

Стали подсчитывать итог. Эдил победил, собрав все четырнадцать карт зодиака. Видам успел набрать тринадцать, старшина ремесленного квартала – девять, Эйхгорн – семь, а почтмейстер – только одну. Играли по маленькой, ту за карту, так что видам выплатил эдилу один ту, старшина ремесленного квартала – пять, Эйхгорн – семь, а почтмейстер – аж тринадцать.

– Я тебе еще с прошлого раза должен был, Муа… – промямлил он, протягивая сердик. – И ты уж не забудь, шепни там королю…

– Непременно, – спрятал монету эдил.

Обратно во дворец эдил с Эйхгорном шли вместе. Эдил – на работу, Эйхгорн – домой. Он уже начал привыкать, что живет в полуразвалившейся башне, в которую дует со всех концов света.

– Мэтр, ты не очень спешишь? – спросил эдил.

Эйхгорн пожал плечами. Спешить ему было особо некуда.

– Мне тут надо зайти в одно место… в два места, рассудить кое-кого. Ты в поэзии разбираешься?

– В поэзии?.. – переспросил Эйхгорн. – Неожиданный вопрос.

– Значит, не разбираешься, – сделал вывод эдил. – Плохо. Ведь и я не разбираюсь. А нужен кто-то, кто разбирается.

– Зачем?

– А вот сам глянь.

За разговором они прошли до конца узкого переулка и оказались в тупике, у самой крепостной стены. Здесь, на двух смотрящих друг на друга домах висели две вывески: «Старший дом поэзии» и «Большой дом поэзии».

– Не слышал еще о них? – хмыкнул эдил. – Наша, так сказать, парибульская достопримечательность. Очаги культуры, развлечение скучающих дворянчиков.

– Целых два? – удивился Эйхгорн. – Зачем целых два-то?

– Вот и его величество в конце концов решил, что целых два дома поэзии – это слишком много для такого маленького королевства. Лично я считаю, что даже один – это слишком много, но храк уж с ним, пусть один остается. Только надо решить, какой.

Эйхгорн медленно переводил взгляд с дома на дом. Он пока не видел критериев, способных повлиять на выбор. Здания одинаковые, типовые. Дома поэзии явно занимают в них лишь небольшую часть – дверей на улицу выходит несколько, вывески висят только над двумя. Левая вывеска побольше, но висит кривовато. Правая идеально ровная, но меньше размером.

– А чем они вообще тут занимаются? – спросил Эйхгорн.

– Стихи сочиняют, наверное, – ответил эдил.

– А это нельзя делать просто у себя дома? Непременно нужно специальное учреждение?

– Их спроси.

Не потрудившись постучать, эдил толкнул левую дверь и вошел в Старший дом поэзии. Эйхгорн, которому стало любопытно, последовал за ним.

Внутри оказалось небогато. Одна-единственная побеленная комната, окон нет, свет идет только от жаркого камина. В Парибуле камины редко топят в полную силу – при здешнем климате утеплять помещения не требуется. Огонь используют только для освещения и готовки.

Но здесь камин полыхал так, что пот лился по лицу. Эйхгорн стянул колпак с лысины и протер очки – в этой сауне те сразу запотели. Близоруко моргая, он совсем перестал видеть эдила и хозяев дома.

Потом очки вернулись на место, и Эйхгорн таки их рассмотрел. В комнате сидели два человека – маленький, толстенький, лысоватый человечек и очень высокая худая женщина. Во рту она держала нечто вроде сигареты с мундштуком… во всяком случае, эта штука дымилась.

Правда пахло от нее совсем не табаком, а чем-то вроде благовоний.

– Миир ваам, эдиил, – странно растягивая слова, произнесла женщина. – Выы наконеец-то решиились изгнаать нааших сосеедей, ээтих презреенных плебеев, смееющих именоваать себяя поээтами?..

– Я пока еще не решил, кого буду изгонять, – сумрачно ответил эдил. – И мы вообще не собираемся никого изгонять. Его величество еще раз просит вас разрешить ваши разногласия миром и объединиться в одно учреждение. Ну право, мессиры, это же смешно! В нашем королевстве всего два поэта – и они смертельно друг с другом враждуют!

– Вот ииименно, всего дваа! – растянула губы в улыбке женщина. – Я раада, что выы наконеец-то это признаали!

– Я не имею в виду вас, медам Луваусссон. Только вашего супруга и Демено Трудачи.

– Каак вы смеете, эдил?! – вскинулась женщина. – Я тооже поэтеесса!

– Какие стихи вы написали? – сжал губы в ниточку эдил. – Прочтите мне их.

– Не обязаательно писаать стихии, чтобы быыть поээтом! – выпучила глаза женщина. – Я поэтеесса в душее! Я стимулиирую твоорческий дуух моегоо муужа! Ваам не поняять!

Толстенький поэт за все это время не проронил ни слова,

виновато таращась в пол. Эйхгорн тоже стоял со снулым взглядом, перечисляя в уме элементы таблицы Менделеева. А вот эдил еще минут десять препирался с женой поэта, причем тона с обеих сторон только повышались.

– Все! – наконец рявкнул эдил. – Медам Луваусон, если бы вы были мужеского полу, я уже отправил бы вас к позорному столбу!

– Аах, я готоова пострадаать за праавое деело! – возопила поэтесса.

– Да какое еще правое дело?! Я просто говорю, что на вас соседи жалуются! Какого, скажите на милость, храка вы вчера вымазали дверь мессира Трудачи конскими фекалиями?!

– Непраавда! – возмутилась поэтесса. – Оон саам ее себее вымазаал, чтобыы ообвинить моегоо муужа!

– Надо же, – саркастично хмыкнул эдил. – Мессир Трудачи-то, оказывается, коварней самого Йокрида.

– Вот-воот! Этот коваарный, поодлый, гнуусный, негоодный…

– Довольно, медам Луваусон. Довольно. Я понял вашу точку зрения, – устало вздохнул эдил. – Теперь, с вашего позволения, я навещу вашего соседа, чтобы выслушать его точку зрения.

– Он лгуун!.. Поодлый, гнуусный лгуун, не веерьте ни едииному еего слоову!..

Эйхгорн покинул Старший дом поэзии с облегчением. Хотя бы потому, что на улице было не в пример прохладнее. К тому же в животе появилась неприятная резь – пока терпимая, но быстро усиливающаяся.

Наверное, брабулякром отравился. Микрофлора Эйхгорна еще не полностью притерпелась к местным бактериям, так что местная еда порой вызывала у него проблемы с кишечником.

По счастью, с каждым днем все реже и реже.

Большой дом поэзии занимал точно такую же площадь, что и Старший. Но обстановка отличалась полностью. Никакого камина, зато два распахнутых настежь окна. Стол заставлен разноцветными бутылочками и чашечками с каким-то желе, в углу статуя, изрядно смахивающая на «Мыслителя» Родена.

А у дальней стены на тахте возлежал молодой человек с буйной гривой зачесанных назад волос. К его плечам прижимались две совсем юные светловолосые девушки, почти что подростки. Они были так похожи, что Эйхгорн вначале принял их за близняшек, но потом все же заметил разницу. Видимо, просто сестры.

– Мессир Жевизео! – радостно выпалил поэт. – Как же я счастлив вас видеть! О, слов пошлите мне с небес, чтоб счастье выразить мое! Открылась дверь – трепещет грудь, ведь вижу друга

своего!

– Я вам не друг, мессир Трудачи, – ровным тоном ответил эдил. – Не паясничайте, будьте так добры.

– Я читаю вам стихи, – зло произнес поэт. – Сочиненные экспромтом. В вашу честь. Но если вы неспособны это оценить… выйдите и закройте за собой дверь.

Эйхгорн прислонился к стене, готовясь к новой порции препирательств. Прижавшиеся к поэту девчонки стрельнули в него глазками, но тут же отвернулись.

– Кто эти особы? – кстати спросил эдил. – Тоже поэтессы?

– Нет, это мои поклонницы, – тряхнул шевелюрой поэт. – Мия, Далея, поздоровайтесь с мессиром Жевизео.

– Мир вам, мессир! – хором прощебетали девчонки.

– Горожанки? – осведомился эдил.

– О нет, они с хутора… с какого вы хутора, пташки?

– Милаоки!

Эдил задумался, явно вспоминая, где такой хутор находится. Эйхгорн же смахнул со лба пот. Ему становилось все хуже. Температура явно повышалась, резь в животе усиливалась. К тому же начало подташнивать.

Скверно. Чертовски скверно. Похоже, наконец случилось то, чего он опасался – подхватил какую-то местную болезнь. У него же нет к ним иммунитета – любая бактерия может просто забраться внутрь и спокойно там хозяйничать.

Даже странно, что он продержался так долго.

А эдил продолжал ругаться с поэтом. Тот, как оказалось, приходился мессиру и медам Луваусcон каким-то дальним родственником и всего пару лет назад состоял в их доме поэзии, который тогда еще не назывался Старшим. А потом рассорился, ушел и основал на другой стороне улицы собственный, который гордо назвал Большим.

Вот с тех пор они и враждуют. Да как враждуют!

Причиной ссоры, как оказалось, была медам Луваусcон. Мессир Трудачи настаивал, что именоваться поэтом и быть полноправным членом дома поэзии имеет право только тот, кто сочиняет стихи. Хотя бы изредка, хотя бы плохие, но сочиняет. А медам Луваусcон и поддакивающий ей супруг настаивали, что достаточно чувствовать призвание к поэзии. Что-то там еще и сочинять – это уже так, необязательный бонус.

Хотя Жосекр Луваусcон, насколько понял Эйхгорн, действительно считался настоящим большим поэтом. Известным далеко не только в задрипанном Парибуле, но и во всей западной Сурении. До определенного момента Демено Трудачи гордился тем, что учится у такого человека.

– Позвольте, я прочту вам из последнего, – любезно предложил поэт. – Мэтр, мэтр, что же вы там застыли у дверей – присаживайтесь, угощайтесь! Девочки, подайте нашим гостям волшебного напитка!

– Что еще за волшебный напиток? – насторожился эдил.

– Чудесный, привезенный из заморских земель! Мы купили его за огромные деньги у одного благородного купца – он рисковал жизнью, чтобы доставить его в наше занюханное королевство!

Эйхгорн без особого интереса глянул, как поэт заливает кипятком молотый кофе. В огромные бокалы он сыпал крохотные щепотки, так что напиток получился бледный, водянистый.

– Благодарю, я не хочу… – выдавил из себя Эйхгорн, держась за живот. – Мне бы… в Чертоги Разума…

– Не совсем понял вас, мэтр…

– В уборную!..

Поэт растерянно захлопал глазами. Уборной здесь явно не было… как и в любом доме Парибула. Туземцы все еще не додумались до отдельных комнат для уединения – так, стоят ночные горшки под кроватями, вот и вся гигиена.

– Мэтр, ты потерпеть не можешь? – недовольно осведомился эдил.

Эйхгорн всем видом показал, что не может. Его уже сильно мутило, а живот резало, точно ножом. Хотелось просто свалиться куда-нибудь, свернуться калачиком и тихо сдохнуть.

– Ладно, завтра мы продолжим этот разговор, – пригрозил эдил поэту. – Пошли, мэтр, пошли! Двигай ногами!

Глава 20

Эйхгорн плохо запомнил, как поднимался в свою башню. Это было что-то невыносимое. Все круги Дантова ада меркли рядом с пыткой двумястами восемнадцатью ступеньками.

Эйхгорну даже предлагали прилечь пока в какой-нибудь пустующей комнате – во дворце их хватало. Но ему требовалось непременно попасть в башню – ибо там хранилась аптечка. На местную медицину Эйхгорн не надеялся.

Можно было послать за аптечкой пажа, но это ему как-то не пришло в голову.

Оказавшись у себя, Эйхгорн закутался в шкуры и скорчился рядом с камином. Его знобило и мутило одновременно. Он выпил активированный уголь и принялся, превозмогая боль, анализировать свое состояние.

– Главный симптом – боль в животе, – с трудом сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Постоянная непрекращающаяся боль. При ходьбе и вообще любом движении усиливается, при полном покое слегка стихает.

Кроме того, пропал аппетит. Полностью. Стынущий на столе ужин вызывает искреннее отвращение.

Мутит. Тошнит. Временами рвет. Эйхгорн уже дважды опорожнял желудок в туалетный люк.

Температура повысилась, и серьезно. На градуснике тридцать восемь и два. В то же время сильно знобит.

– Стул… – снова включил диктофон Эйхгорн, – …жидкий. Измерить давление не представляется возможным за отсутствием тонометра.

Симптомы складывались в очень неутешительную картину. А проведя пальпацию, Эйхгорн убедился окончательно – боль концентрируется в правой подвздошной области. При нажатии усиливается, мышцы напряжены. И даже полный невежда знает, что именно расположено в этом месте.

Аппендикс.

Когда Эйхгорн понял, чем захворал, ему стало плохо. Конечно, плохо ему было и до этого – очень плохо! – но он думал, что это просто несварение, которое вот-вот пройдет.

А теперь…

Значит, от местных он пока ничем не заразился. Это утешает… хотя нет, не утешает. Аппендицит ничем не лучше. Собственно, он даже хуже – ибо его здесь вряд ли кто сумеет вылечить.

Сам Эйхгорн в медицине был полным профаном. Знал ровно

столько, сколько знает любой нормальный человек. Этого хватило, чтобы поставить диагноз – тут кто угодно бы справился, – но вылечить себя Эйхгорн не мог. У него имелась только походная аптечка. Бинты, йод, несколько простых лекарств… а нужен хирург!

Эйхгорн слышал о врачах, что в критической ситуации вырезали себе аппендикс сами – но то врачи. Сам он имел о хирургии чисто теоретическое представление… да и инструментов у него нет…

При королевском дворе есть лекарь и костоправ – но первый врачует в основном изжогу у короля и мигрень у королевы, а второй вправляет вывихи и переломы. Никаких операций. Вряд ли кто-то вообще в этом средневековом мире умеет лечить аппендицит.

Разве что волшебством… да, конечно, волшебством! Надо срочно найти настоящего волшебника!

И тут Эйхгорн вспомнил о настойках, оставшихся в шкафу от прежнего хозяина башни. Там совершенно точно была микстура от боли в животе!

Извлекши ее на свет, Эйхгорн минут пять изучал темную жидкость. Он понятия не имел, что это за бурда, из чего сварена. Химического состава на этикетке нет, да и сама этикетка совсем потускнела, некоторые буквы почти не читаются. Срок годности почти наверняка давно закончился.

Какой вообще срок годности положен по ГОСТу волшебным зельям?

У Эйхгорна не было никакой гарантии, что эта сомнительная бурда поможет. Даже если это действительно что-то волшебное, а не просто вода с глиной, она называется «Микстура от боли в животе». Вовсе не «Микстура от аппендицита». Может, она лечит расстройство желудка? Или пищевое отравление? Или вообще грыжу? В животе очень много всякого может болеть.

Но хуже Эйхгорну от нее точно не станет. Решив так, он вынул пробку и залпом опорожнил пузырек.

Стало хуже.

Боль в животе не только не исчезла – она усилилась в разы! Эйхгорн едва сдержался, чтобы не закричать в голос, настолько плохо ему стало. Перед глазами все поплыло…

– Мэтр, вы все еще болеете? – донесся откуда-то звонкий голосок.

Эйхгорн не без труда понял, что провалился в бессознательное состояние и пребывал там… неизвестно сколько. Возможно, несколько часов. Его по-прежнему мутило, во рту было

сухо, как в пустыне. Рядом валялся все еще включенный диктофон – интересно, что он там записал?

– Да… болею… – с трудом выдавил он.

– И волшебство не помогает? – посочувствовал Еонек.

– Нет… Я выпил микстуру… от боли в животе… но меня только сильнее скрючило!.. – пожаловался Эйхгорн.

– Что за микстура? Вы сами приготовили?

– Нет… от прежнего волшебника осталась… испортилась, наверное… Вон пузырек…

Еонек поднял пустой флакончик, пригляделся к этикетке, поковырял ее ногтем и укоризненно сказал:

– Мэтр, вы невнимательно прочли! Смотрите, тут же написано – это микстура ДЛЯ боли в животе!

Эйхгорн выхватил у него пузырек. И в самом деле. Между словами стоял предлог «I0», который читался как «аб» – «от». Однако на самом деле то оказалось не «0», а «θ», просто поперечная черта от времени стерлась! И читалось это уже как «ап» – «для»!

Чертовы каламбуры. Эйхгорн всегда их ненавидел.

– Но вы не волнуйтесь, мэтр, я нашел вам лекаря! – заверил Еонек. – Он уже поднимается, сейчас будет!

– Волшебника?.. – с надеждой прошептал Эйхгорн. – Пожалуйста, скажи, что это волшебник!

– Лучше, мэтр! Гораздо лучше!

В люк тем временем пролез мужчина лет сорока. Был он бледен, худ, со впалыми щеками. За спиной большой берестяной ранец, а одет… одет он оказался в рясу. Белую рясу с вышитым на груди зеленым листом.

– Здравствуйте, мэтр, – произнес гость. – Меня зовут брат Рокабриан, я прибыл врачевать вас.

Эйхгорн тихо застонал. Только этого не хватало. Его будет лечить монах. Ужас. Хорошо, если дело ограничится молитвами – от них, по крайней мере, хуже не станет.

А если этот тип сторонник кровопускания?

В любой другой ситуации Эйхгорн послал бы такого «врача» куда подальше. Но сейчас у него не было сил даже чтобы шевелиться. Он лишь мог слабо смотреть, как монах ставит ранец на пол и моет руки в миске с водой.

Что ж, он хотя бы моет руки… Уже что-то…

Несколько следующих минут брат Рокабриан осматривал страдающего землянина. Приложил ко лбу холодную ладонь, заставил открыть рот, тщательно прощупал живот и задал несколько вопросов о самочувствии, особенно интересуясь стулом. Эйхгорн покорно отвечал, хотя не видел в этом никакого

смысла.

– У меня аппендицит! – наконец не сдержался он.

– Да, я уже понял, – невозмутимо кивнул монах.

– А, так вы знаете такую болезнь? – ядовито хмыкнул Эйхгорн. – Ну тогда вы должны и знать, что она не лечится!

– Зато оперируется, – сказал монах к великому удивлению Эйхгорна. – И если будет на то воля Бога Исцеляющего, сейчас я избавлю вас от этой хвори, мэтр.

Эйхгорн понял, что сбывается его худший кошмар. Монах собирается его оперировать. Врагу своему такого не пожелаешь.

– Может, не надо? – слабо запротестовал Эйхгорн.

– Если операцию не сделать в ближайшие часы, вы умрете, мэтр, – спокойно ответил монах. – Я не могу этого допустить.

– А анестезия-то хоть будет? – тоскливо спросил Эйхгорн.

– Будет, но местная, – ответил брат Рокабриан.

Эйхгорн недоверчиво моргнул. Монах понял слово «анестезия». Более того – он в курсе, что она бывает местная.

А потом брат Рокабриан раскрыл свой ранец, и глаза Эйхгорна полезли на лоб. Там лежали десятки разноцветных пузырьков и кулечков с порошками, но кроме того – там был полный хирургический набор! Тончайшие скальпели, ланцеты, иглы, пинцеты, зеркальца, пила, молоточек, долото, кусачки, плоскогубцы, расширители, отвертки…

Монах совершил странное движение – словно бы перекрестился, только лба коснулся дважды, в области бровей. Прошептав несколько слов, он извлек нож и нечто вроде шприца без иглы. Молниеносное движение – и нож рассекает Эйхгорну мышцу на бедре. В следующий миг брат Рокабриан вставил туда этот странный «шприц» и капнул какого-то раствора из пузырька.

После этого он просто уселся напротив и принялся выжидать, продолжая что-то бормотать. Эйхгорн полагал, что монах молится, но прислушавшись, обнаружил, что тот просто размеренно считает.

Досчитав до тридцати, монах встал и надавил Эйхгорну на живот.

– Чувствуете что-нибудь? – спросил он.

– Нет… – растерянно ответил Эйхгорн.

Он и в самом деле ничего не чувствовал. Боль исчезла полностью – вместе со всеми прочими ощущениями. Низ живота и верхнюю часть ног словно заморозили.

Монах кивнул, поставил рядом с собой ранец, смазал чем-то живот Эйхгорна и сделал первый надрез.

Выглядело это… невероятно. Худые руки мелькали с умопомрачительной быстротой, хватая то одно лезвие, то другое,

рассекая, перетягивая и зажимая окровавленные кусочки. Инструменты так и порхали в тонких пальцах, скальпель вибрировал, точно живой.

На лице монаха ничего не отражалось. Полностью отрешенное, оно выглядело гипсовой маской. Молча и сосредоточенно он резал Эйхгорна, и тот видел это, понимал – но ничего не чувствовал.

Действительно, прекрасная анестезия.

Вот пинцет извлек наружу окровавленный отросток. Аппендикс. Эйхгорн смотрел на него затуманенным взглядом – и не верил.

Брат Рокабриан же прижал к разрезу гладкий темно-красный камень и попросил Эйхгорна:

– Подержите так, мэтр.

– Что это… за камень?..

– Эстетль. Его еще называют кровяным камнем.

– И что он… делает?

– Останавливает кровотечение.

Кровило действительно уже меньше. Монах вооружился иглой-крючком и произнес:

– Именем божьим, зашиваем разрез.

Через пару минут брат Рокабриан уже снова мыл руки, а Эйхгорн лежал на кровати, озадаченно глядя на живот. Онемение еще не прошло, но какие-то ощущения уже появились. Снова понемногу начинало побаливать, но теперь это была совсем другая боль. От операции, а не от воспаленного аппендикса.

– Швы можно будет снять через десять дней, – произнес монах, ставя на стол баночку с мазью. – Просто разрежьте нитки тонким стерильным лезвием, аккуратно вытяните и перебинтуйте – полагаю, с этим вы легко справитесь и сами, мэтр. Чтобы не было заражения, дважды в день смазывайте вот этим. Если будет сильно болеть, глотните отвара из мандрагоровых яблок – но не больше одного глотка за раз. В больших дозах он смертелен. Пищу первые три дня употребляйте только жидкую, потом можете переходить на кашу, яйца и рубленое мясо. Только много не ешьте, блюдите диету. Вставать можно с завтрашнего дня. Не поднимайте тяжелого, не пейте вина, не курите, не познавайте женщин. Я пробуду в этом городе еще шесть дней – если возникнут осложнения, посылайте за мной пажа.

– Спасибо вам… святой отец… – с трудом выговорил Эйхгорн. – Сколько я вам должен?..

– Это мой священный долг, мэтр, – покачал головой брат Рокабриан. – Да хранит вас Бог Исцеляющий.

Чуть позже, лежа в постели и прихлебывая бульон из

брабулякра, Эйхгорн спросил у Еонека:

– Что это был за монах, где ты его нашел?

– Просто какой-то чернец из ордена Подорожника, – пожал плечами паж. – Кто-нибудь из них все время околачивается в городе.

– Так их таких что, много?..

– Конечно, мэтр. Целый орден. Говорят, у них даже собственная страна есть на каком-то острове.

– И все умеют… лечить?

– Ну а как же, мэтр? – удивился Еонек. – Они же служат Медеору, Богу Исцеляющему. Если вас не смогут вылечить в ордене Подорожника – вас не смогут вылечить нигде.

– И они лечат бесплатно?

– Конечно, бесплатно. Им так их бог велит. Но если хотите, вы можете сделать их ордену пожертвование. Многие делают.

Эйхгорн откинулся на подушку и издал слабый смешок. Дрожащей рукой он поднес к губам диктофон и сделал аудиозаметку:

– Информация к размышлению – монахи бывают полезными. Кто бы знал…

Глава 21

В постели Эйхгорн пролежал семь дней, периодически прохаживаясь лишь для того, чтобы не образовались спайки в кишечнике. Скрупулезно исполнял предписания монаха-врачевателя, соблюдал диету, воздерживался от спиртного. В первые дни пару раз пил упомянутый отвар из мандрагоровых яблок – тот нашелся у дворцового лекаря. Это действительно оказалось очень мощное обезболивающее – неудивительно, что монах предостерегал от больших доз.

Большую часть времени Эйхгорн читал художественную литературу. Проглотил все тома «Рыцаря Парифата», пролистал со скабрезной усмешкой «Брата Кюлота», а в конце концов дошел даже до Ктавы. Первый ее раздел, Севигиада, читался даже с интересом – это оказался сборник мифов, изложенных в стихах. Продолжительная эпическая поэма, причем написанная на редкость талантливо.

Остальные разделы были не так увлекательны. Второй являлся по сути религиозным кодексом – там подробно излагались правила и установления, перечислялись заповеди, приводились образцы молитв и описания обрядов. Скучноватое чтиво, но Эйхгорн изучил его самым внимательным образом – он явно в этом мире надолго, если не навсегда, так что нужно знать, чем тут живут люди.

Третий раздел по структуре напоминал «Божественную комедию». Там описывался тот свет – в виде своеобразного путеводителя. Практического значения это не имело, так что Эйхгорн читал по диагонали, задерживаясь лишь на незнакомых терминах.

Ну а четвертый раздел был чем-то вроде приложения. Своего рода авторский дневник наблюдений и размышлений – многочисленные афоризмы, притчи, философствования. Единым сюжетом это связано не было, практического значения тоже не имело.

А после четвертого раздела располагалось уже настоящее приложение. Биографическая справка, пара страниц об авторе. В отличие от Библии, у Ктавы имелся один конкретный автор – живший в глубокой древности мудрец, Сакор Дзидоша.

Правда, Эйхгорн усомнился, что это реальное историческое лицо – скорее уж собирательный образ, которому авторство только приписывается. Ведь этот Дзидоша, если верить биографической справке, был величайшим мудрецом в истории Парифата. Непревзойденный богослов, философ, поэт, математик

и врачеватель. С богословием и философией все понятно – профессии смежные. С поэзией тоже – Севигиада говорит сама за себя.

Но вот математика и медицина… это уже перебор.

Хотя с другой стороны, земная история тоже знает разносторонних гениев. Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим изобретателем. Исаак Ньютон кроме огромного вклада в физику оставил и немало богословских трудов. Омар Хайям прославился не только своими рубаи, но и алгебраическими трактатами. Ричард Фейнман был не только великим физиком, но и незаурядным художником. Михайло Ломоносов вообще брался за все подряд – и во всем был неподражаем.

Подлинно великий ум велик во всем – это Эйхгорн знал по себе.

На восьмой день Эйхгорн начал вставать. Он и раньше вставал, конечно, но в основном только на горшок. А теперь рана затянулась, послезавтра Эйхгорн планировал снять швы, но самое худшее – книги закончились. Он прочел все, что имелось в башне, сделал кучу аудиозаметок и хотел заняться чем-нибудь практическим.

За время болезни Эйхгорн о многом передумал. Ему на ум пришло немало того, что он мог бы усовершенствовать во дворце – всякие мелочи, ерунду.

Начать он решил с самого тривиального, низменного дела – уборной. После аппендицита Эйхгорну было ужасно трудно справлять нужду местными способами. В этом мире явно еще не появилась фирма «Унитас».

И теперь, слегка оправившись, Эйхгорн решил восполнить пробел. Благо эта… технология предельно проста, ее можно осуществить даже в условиях античности.

В Альбруине оказалось достаточно умелых ремесленников. Еонек доставлял им чертежи Эйхгорна, расплачивался и приволакивал в башню результат – иногда с помощью лакеев. Каменотес сделал бак для воды и сиденье, взяв за работу шесть серебряных регентеров и восемь ту. Кузнец за серебряный регентер, два сердика и восемь ту сковал две трубы – сливную и заливную. Через первую вода и фекалии будут уходить наружу, а через вторую в бак будет попадать вода.

Дороже всего обошелся водовод, соединяющий бак и сиденье. Слишком тонкая и непривычная работа. Еонек не без труда разыскал в городе медника, согласившегося изготовить подобное за семь серебряных регентеров.

Сливной механизм Эйхгорн сделал уже сам – из пробки,

цепочки, гвоздя и пары кусков проволоки.

Конечно, без водопровода и канализации настоящий унитаз не получится. Отходы по-прежнему будут отправляться просто наружу и падать в ров. А воду для смыва придется таскать вручную или ждать дождя.

Крайне неэффективная и малополезная конструкция, если вдуматься.

Но Эйхгорну ужасно хотелось приложить руки и интеллект хоть куда-нибудь. А теперь у него по крайней мере есть нормальный унитаз – больше не придется раскорячиваться над люком. Можно посидеть в комфорте, почитать книжку… хотя книжки закончились. Перечитывать Эйхгорн ничего не перечитывал – слишком уж прочно запоминал все с первого же раза.

Однако мозг настойчиво требовал какой-нибудь работы. Любой, неважно. Эйхгорн еще не дошел до того, чтобы начать пересчитывать буквы в Ктаве, но был к этому уже близок.

День сегодня удивительно ясный. Ни облачка на небе. Сидя на унитазе, Эйхгорн в задумчивости глядел вдаль, рассматривал горизонт… и все яснее понимал, что Парифат больше Земли. Чересчур далеко видно. На планете размером с Землю горизонт должен быть ближе.

Собственно, Эйхгорн и раньше об этом догадывался – просто как-то не до того было. А теперь вот выпало много времени для раздумий. И ему стало интересно – а на сколько именно Парифат больше? Разница не должна быть слишком уж велика – сила тяжести ведь такая же.

Начать Эйхгорн решил с нахождения высоты точки обзора. То есть своей башни. Приблизительную ее высоту он прикинул в первый же день, но теперь ему хотелось выяснить точно.

Всегда полезно знать, на какой высоте ты находишься.

Чтобы измерить башню, Эйхгорн прибег к старому как мир способу. Вначале измерил длину ее тени, а потом установил на край прямую палку. Измерил уже ее тень. После этого осталось только решить простенькую задачку – найти соотношение длин теней, разделить длину палки на это соотношение… и вот она, высота башни!

В ней оказалось тридцать девять метров и сорок пять сантиметров. Плюс-минус немного на погрешность измерения. В рулетке Эхйгорна было всего пять метров, так что он натянул по длине тени башни веревку.

– Мэтр, а ты чего это тут возишься? – раздался рядом голос короля.

– Измеряю высоту башни, – ответил Эйхгорн.

– А чего здесь-то, в саду? – удивился король. – Башня-то вона где.

– На башню лезть неудобно. Проще так. Видите, я меряю тени, а уже по ним рассчитываю высоту.

– Ишь ты, – подивился король, когда Эйхгорн объяснил ему подробнее. – Хитро, хитро. Как, говоришь, называется эта магия?

– Геометрия. Только это не магия.

– А что тогда?

– Познание всего сущего.

– Мэтр, ты мне тут не мудри, – поморщился король. – Я человек простой, этих ваших финтифлесов не понимаю. И какой же высоты наша башня?

– Тридца… сто тридцать девять локтей и четыре ногтя, – перевел в парифатские единицы Эйхгорн.

– Точно? – усомнился король. – Должно быть сто сорок. Мне еще дедушка говорил, что ровно сто сорок.

– Возможно, осела от времени, – предположил Эйхгорн. – Башня-то древняя.

– Да, лет ей немало… – согласился король. – Она ж куда постарше дворца… да и всего города, если на то пошло. Дедушка рассказывал, что ее еще при короле Мешамиэле выстроили – как обзорную. Тогда по всему королевству штук сто таких башен понатыкали.

– По всему Парибулу?.. – усомнился Эйхгорн. – А зачем так много?

– Да не Парибулу! Не было тогда еще никакого Парибула, а было королевство Межания! Ты, мэтр, все-таки темный какой-то – чему вас только в ваших волшебных школах учат…

– Наверное, я болел, когда это проходили, – сухо ответил Эйхгорн.

– Ишь, болезный какой. Тоже вот – семь дней с лишком болел, а я тебе за каждый день по золотому плачу, – проворчал король. – А проку от тебя что-то не видно пока. Что от тебя проку, ты мне скажи? Ходишь тут, башни измеряешь зачем-то… О!.. А измерь-ка, кстати, мой дворец. А то высоту башни-то я и без тебя знаю, а дворца нет. А мне теперь что-то любопытно стало.

Эйхгорн окинул дворец взглядом. Навскидку тот был вдвое ниже башни. Основное строение, вероятно, достигало в высочайшей точке двадцати двух-двадцати трех метров, флигели были на несколько метров ниже.

– Только везде измерь, – потребовал король. – Чтоб до каждого шпиля. А еще в длину и в ширину. И стену… как это называется, когда общая длина по кругу?..

– Периметр.

– Периметр мне измерь.

Эйхгорн выслушал короля со снулым взглядом. Однако протестовать не стал. Спору нет, измерить огромный дворец – задача нетривиальная, но он как раз хотел получить какое-нибудь упражнение для ума.

– Помню, при моем дедушке дворец уже пытались измерить, – поделился король. – Канаты с крыш спускали. Но стены тут, сам видишь, немножко скошенные, да еще и шпиль этот, будь он неладен, так что… неточно получилось, в общем. А ты мне точно измерь. Раз уж ты этот… арифмомант.

– Арифмоман, – поправил Эйхгорн. – И это не профессия – я просто люблю все считать.

– Вот и считай тогда. Раз любишь.

И Эйхгорн принялся считать.

Начал он с измерения высот дворца. Предыдущий метод здесь уже не подходил, поскольку тень дворца падала на крепостную стену, и ее конец терялся среди городских зданий. Дожидаться, пока та передвинется в более удобное место, Эйхгорну не хотелось.

Так что он сделал элементарный прибор из плоской дощечки и трех игл. Воткнул их в дощечку так, чтобы получился равнобедренный прямоугольный треугольник, привязал к вершине с прямым углом ниточку с грузиком… и на этом все.

После этого Эйхгорн просто отошел от дворца, держа дощечку так, чтобы один из катетов треугольника был направлен отвесно. Он отступал и отступал, пока не нашел такую точку, в которой гипотенуза треугольника лежала на одной прямой с кончиком дворцового шпиля. Таким образом получился новый прямоугольный равнобедренный треугольник.

Теперь Эйхгорну осталось лишь измерить доступный катет – расстояние от себя до дворцовой стены. Ну и прибавить сто семьдесят сантиметров – возвышение своих глаз над землей.

В итоге получилось двадцать три метра тридцать сантиметров – или восемьдесят два локтя и пять ногтей.

После этого Эйхгорн тем же способом измерил флигели – 17, 16.1, 13.7, 13, 12, 11.5, 10.9, 10.4, 8 и 6 метров. Самой высокой оказалась часовня, самой низкой – псарня.

С периметром внешних стен пришлось повозиться. Измерение рулеткой заняло бы слишком много времени, поэтому Эйхгорн использовал размеченную веревку. В итоге получилось, что стена окружает территорию в форме прямоугольной трапеции со сторонами 213, 184, 157 и 118 метров. Два с половиной гектара полезной площади.

Судя по некоторым признакам, когда-то это был нормальный

прямоугольник. Но потом, видимо, очередному королю показалось тесновато, и он перестроил одну из стен, отхватив у города еще семьдесят соток.

Дворец со всеми флигелями занимал примерно тридцать процентов территории. Еще около двадцати брали на себя внутренний двор, тренировочный плац и башня Эйхгорна. Ну а оставшаяся половина приходилась на сад – зеленые насаждения, фонтаны, дорожки, беседки, скамейки, площадки для игр на открытом воздухе.

Собрав все необходимые измерения, Эйхгорн доложился королю. Тот как раз был в саду – на небольшом огороженном участке в дальнем конце. Там его величество Флексиглас предавался своему маленькому хобби – огородничеству. На двух с половиной сотках владыка Парибула любовно выращивал сладкий горох, щавель и некое неизвестное на Земле растение под название «схутрилия».

Доклад король выслушал с важным видом, покивал, поковырял в ухе и спросил:

– А ты что угодно вот так вот можешь измерить?

– Не все, но многое, ваше величество, – скромно ответил Эйхгорн.

– Угу, угу… А вон тот вяз можешь измерить?

– Высоту? – достал свою дощечку с гвоздями Эйхгорн.

– Не, высоту-то ты можешь, я уже понял… А объем и вес сможешь? – хитро прищурился король. – Только не срубая!

Эйхгорн только усмехнулся. Вот если б король задал измерить объем и вес дворца – пришлось бы повозиться. А с деревом – раз плюнуть.

И это действительно заняло совсем немного времени. Эйхгорн просто измерил обычным способом высоту вяза (9.2 м), потом с помощью простой бечевки узнал длину его окружности на высоте своей груди и разделил ее на 3.1416, найдя диаметр (62 см). Дальнейшее было уже делом техники.

Конечно, Эйхгорн при всем желании не мог узнать объем дерева точно. И даже приблизительное значение он мог узнать только с очень большой погрешностью, не зная видового числа вяза. Однако король совершенно точно не сможет его проверить, так что Эйхгорн решил закрыть глаза на точность.

– Объем дерева на корню равен половине объема цилиндра той же высоты с диаметром, равным поперечнику дерева на высоте груди, – известил он, добавив вполголоса: – Приблизительно.

– И сколько же это будет-то? – переспросил король, не расслышав последнего слова.

– Две бочки, пятнадцать ведер и восемь ковшей, – сразу перевел в парифатские единицы объема Эйхгорн.

– Ого… – с явным уважением посмотрел на вяз король. – Какой… объемный. А весит он тогда сколько?

Эйхгорн не знал вес древесины вяза. Он мог сходить в столярную мастерскую, найти там образец, взвесить и рассчитать все точно, но это испортило бы эффект. Поэтому он решил использовать значение для сосны – ему помнилось, что один кубометр сосновой древесины весит шестьсот килограмм.

Поскольку в данном случае он всего лишь удовлетворяет пустое любопытство скучающего короля, ошибка не играет роли.

– Одна корова, четыре овцы и кошка, – опять сразу же перевел в парифатские единицы Эйхгорн.

Он немного округлил. Сверху оставалось еще девятьсот с чем-то граммов. Но ответ в любом случае получался невероятно приблизительным, и это ужасно Эйхгорна расстраивало.

Увы, мы не всегда получаем то, чего хотим.

– Одна коровы, четыре овцы… – повторил король, поглаживая гладкую, еще не начавшую грубеть кору. – Знаешь, ты все-таки довольно странный волшебник. Такое впечатление, что ты властвуешь только над числами.

– Разве это плохо?

– Числа – это просто… числа, – повертел пальцами король. – Что с них проку?

– Может быть, числа и не управляют миром, зато они показывают, как управляется мир. Разве этого мало?

Король неопределенно мотнул головой. Логика Эйхгорна его явно не убедила.

– Ладно, мэтр, а можешь взвесить меня? – ехидно прищурился монарх. – Только без весов чтоб. Можешь точно сказать, сколько я вешу?

– Два сарика и восемнадцать куриков, – ответил Эйхгорн без раздумий.

Глава 22

Следующее утро Эйхгорн встретил, закопавшись в гору шкур. Заполучивший новую забаву король до поздней ночи заставлял его измерять все, что попадалось на глаза. И когда это было возможно, Эйхгорн честно вычислял длину и ширину, объем и вес, плотность и количество листьев.

Но если это было невозможно – называл ответ на глазок. Благо быть уличенным он не боялся – без специальных приборов король не мог его проверить.

А где ему тут взять такие приборы?

Просыпаться Эйхгорну не очень хотелось. День вчера выдался напряженный, и у него снова стал побаливать шов. После аппендицита вообще-то нельзя поднимать тяжести и делать физические упражнения.

Но тут кто-то тряхнул его за плечо. Наверное, паж явился с завтраком. Все еще сонный, Эйхгорн пробурчал:

– Вали отсюда к хренам собачьим, дай поспать…

– Если ты сейчас же не проснешься, я тебя самого отсюда вывалю! – последовал недовольный ответ.

– Ваше величество?! – изумленно заморгал Эйхгорн, натягивая очки. – А… а что вы тут делаете?

– Это мой дворец, если не забыл. Я тут живу.

Крайне неохотно Эйхгорн стряхнул себя с кровати и натянул балахон. Король окинул его брезгливым взором и произнес:

– У меня для тебя новое задание.

– Я весь внимание, – зевнул Эйхгорн, ополаскивая лицо водой из тазика.

– Ну и вид же у тебя, мэтр, – укоризненно сказал король. – Ты либо побрейся, либо нормальную бороду отпусти, а то ходишь с щетиной, как лесной вепрь.

– Это и есть ваше задание? – осведомился Эйхгорн.

– Нет, задание другое. Но с бородой все-таки что-то сделай. Несолидно же.

Эйхгорн пожал плечами, выдавливая на щетку зубную пасту. Отпускать бороду ему не хотелось, но бриться каждый день было лень. Поэтому он брился временами – раз в две-три недели, под настроение.

Надо сказать, местные бритвенные принадлежности оставляли желать лучшего. Большинство парибульцев пользовалось услугами брадобреев – а те орудовали устрашающего вида ножами, походя больше на мясников, чем на парикмахеров.

– Так вот тут ты, значит, обитаешь? – провел пальцем по подоконнику король. – Экий свинарник. И высоко… пониже-то не мог поселиться? Я себе все ноги сбил.

– Ваше величество, так это же вы меня сюда поселили, – напомнил Эйхгорн.

– А ты волшебник или нет? Наколдуй что-нибудь, чтоб не ходить так долго. Волшебные ворота какие-нибудь наколдуй. Или подъемник воздушный. Я тебе за что деньги плачу?

– Расположение звезд пока что неблагоприятное.

Король насмешливо хмыкнул. Не спрашивая разрешения, он раскрывал дверцы шкафа, с любопытством рассматривал приборы и химикаты, листал книги. Высунувшись по пояс из окна, смачно плюнул и проследил падающий плевок заинтригованным взглядом.

Эйхгорн медленно водил щеткой по зубам, ожидая продолжения.

– Я тут ночью подумал и решил тебе поручить опись составить, – важно заявил король. – Для этого-то расположение звезд благоприятное, надеюсь?

– Факую ифо опыфь? – с зубной пастой во рту пробубнил Эйхгорн.

– Королевского имущества. Все сочтешь – подушки, дворню, деревья в саду, монеты в казне. Если казначей лаять начнет, скажешь, что я повелел.

– А что же, ваше величество, вы своему казначею не доверяете? – саркастично осведомился Эйхгорн, закончив полоскать рот.

– Доверяю всецело. Но он уже старый – мало ли, ошибся где? Вдруг его уже заменять пора? И камергер тоже – кто его там знает? А то людишек у меня по дворцу много шастает, и всем я деньги плачу – может, лишку плачу? Ты с числами мастак, вот и проверь мне все.

Эйхгорн задумчиво вытер лицо полотенцем. В общем-то, подобная работа была как раз по нему. Если бы в его голове не роилось столько идей, если бы он не был изобретателем от бога – точно пошел бы в бухгалтеры. Его всегда завораживали графики, формулы, стройные колонки цифр…

Но провести полную инвентаризацию огромного дворца – дело трудоемкое. Эйхгорн вытребовал в дворцовой канцелярии гроссбух потолще и принялся скрупулезно заполнять его страницы.

Проще всего было с недвижимостью. Что здания, что деревья все время оставались на одном месте, никуда не прятались и быть пересчитанными не возражали. С мебелью тоже трудностей не

возникло, хотя стулья, тумбочки и небольшие столы Эйхгорн на всякий случай помечал инвентарными номерами.

А вот с чем оказалось непросто, так это с челядью. Слуги постоянно перемещались, отлучались из дворца и почему-то ужасно не хотели, чтобы их считали. То ли они подозревали в этом недоброе колдовство, то ли некоторые работали нелегально, но Эйхгорна многие стали избегать, как черт ладана.

Особенно отличились пажи. Эти восприняли происходящее как забавную игру и затеяли всячески разыгрывать Эйхгорна. Сначала просто попадались на каждом шагу и сбивали со счета, потом начали создавать очередь. Незаметно выстраивались за Эйхгорном и шли за ним гуськом, вытягивая кверху головы. Прочая челядь при виде этой процессии фыркала от смеха, Эйхгорн поворачивался, смотрел на пажей снулым взглядом – и те прыскали в разные стороны.

А через несколько минут снова постепенно собирались.

В очередной раз пажи столпились за Эйхгорном, когда тот пересчитывал розовые кусты. Это увидел садовник, прибежал с огромными ножницами и принялся вопить. Пажи с хохотом разбежались.

– Маленькие поганцы! – возмущенно выпалил садовник. – Мэтр, превратите их в карпов, я их в фонтан запущу! Все больше пользы!

– Расположение звезд сегодня неблагоприятное, – заученно ответил Эйхгорн.

– А когда будет благоприятное? – въедливо осведомился садовник. – Мэтр, мне бы правда сделать что-нибудь с этой мелюзгой! Целыми днями бегают туда-сюда, носятся по саду, газоны топчут! Смотрите, специально для них плиткой проложены дорожки – а они все равно бегают по траве!

– Так дорожки-то у вас неправильно выложены, – заметил Эйхгорн. – Людям удобнее ходить другими путями.

– Так откуда же мне было знать-то, как это дурачье будет ходить?!

– Элементарно. Сначала просто вырастить один сплошной газон, подождать, пока люди сами протопчут себе тропинки – а уж по ним класть плитку.

– О!.. – хлопнул кулаком по ладони садовник. – Как просто, мэтр!.. Как это я сам не додумался?!

– Гениальность в том и состоит, чтобы суметь увидеть простую идею, которую до этого никто не замечал, – равнодушно ответил Эйхгорн.

Конечно, Эйхгорн придумал этот метод не сам, а позаимствовал у Эйнштейна и Курчатова… но они оба были

гениальны, без дураков.

– Может, вы мне тогда и еще кое-что посоветуете, мэтр? – искательно заглянул ему в глаза садовник. – Мне тут, понимаете, гальку привезли особую, радужную, с берегов Теплого моря… слышали небось? Хочу искусственный пруд вырыть и галькой той его огородить – ну вроде как пляж, да?.. Какой мне его формы делать?

– Да любой, – пожал плечами Эйхгорн. – Какая разница?

– Разница такая, что гальки мало. Я прикинул – можно пляж насыпать где-то в сотню локтей длиной. А пруд при этом хочется чтоб побольше был, понимаете? Какой лучше формы копать, чтобы пруд был побольше, а гальки ушло поменьше?

– Ясно, – понял Эйхгорн. – Нужно найти фигуру, которая при заданном периметре имеет наибольшую площадь.

– Ну да… как вы сказали… – неуверенно кивнул садовник.

– Это круг. Самая большая площадь всегда у круга. Если периметр в сто локтей, то диаметр – тридцать один локоть, два пальца и четыре ногтя.

– Но я не уверен, что там ровно сто… – промямлил садовник.

– Гальку я считать не буду, – отрезал Эйхгорн.

И на всякий случай отвернулся – знал, что если увидит кучу однотипных предметов, то против своей воли начнет их пересчитывать.

Королю Эйхгорн доложился двое суток спустя. Его величество снова возился на грядке, полол сорняки, и придворного волшебника встретил приветливо. Даже угостил горохом, посоветовав есть не только бобы, но и стручки – мол, сладкие-пресладкие.

Не обманул.

– Давай, мэтр, что там у тебя вышло? – любезно спросил король.

Эйхгорн протянул длинный перечень, содержащий полный список движимого и недвижимого дворцового имущества. Все более-менее крупное и более-менее ценное, кроме расходуемых припасов вроде факелов и провизии.

– Да не суй ты мне свою писульку, вслух прочти, – поморщился король. – Рот у тебя не только же, чтобы горох мой жрать?

– Список длинный, ваше величество, – предупредил Эйхгорн.

– А я не тороплюсь.

– Как прикажете. Начнем с вашего персонала…

– С кого?..

– С челяди. Всего к вашему дворцу приписано и получает регулярное жалованье девяносто восемь человек. Из них:

– пажей – 11;
– горничных – 10;
– лакеев – 8;
– камердинеров и камеристок – 6;
– кухарок – 5;
– музыкантов – 4;
– кузнецов – 3;
– кучеров – 3;
– поварят – 3;
– прачек – 3;
– секретарей – 3;
– банщиков и банщиц – 2;
– гувернеров и гувернанток – 2;
– конюхов – 2;
– певцов – 2;
– поваров – 2;
– погонщиков мулов – 2;
– портних – 2;
– фрейлин – 2;
– фурьеров – 2;
– балетмейстеров – 1;
– брадобреев – 1;
– виночерпиев – 1;
– глашатаев – 1;
– дворецких – 1;
– дегустаторов – 1;
– домашних учителей – 1;
– дровоколов – 1;
– зеленщиков – 1;
– ключников – 1;
– кондитеров – 1;
– костоправов – 1;
– лекарей – 1;
– мясников – 1;
– пекарей – 1;
– псарей – 1;
– садовников – 1;
– сокольничьих – 1;
– стольников – 1;
– хлебодаров – 1;
– шорников – 1.

– Паргороново пламя, и вот всей этой ораве я плачу?! –

возмутился король. – Развелось же нахлебников! Сколько я им всем плачу, ты подсчитал?

– Об этом вы меня не просили, ваше величество, – сухо ответил Эйхгорн. – Но я уверен, что у казначея все записано, можно посмотреть.

– Обязательно посмотрю, обязательно, – вырвал очередной сорняк король. – А что там у меня в садике? Деревья ты счел?

– Конечно, ваше величество. В вашем саду наличествует следующее имущество:

– яблонь – 135;
– вязов – 50;
– ив – 37;
– розовых кустов – 30;
– слив – 29;
– вишен – 11;
– скамеек – 7;
– беседок – 3;
– качелей – 1;
– площадок для танцев и подвижных игр – 1;
– фонтанов – 1.

– У меня так много яблонь?! – поразился король. – Ты точно сосчитал?

– Можете сами проверить, ваше величество.

– Да верю, верю… Но что-то однообразно как-то получается, согласен со мной? Зачем мне столько?.. хотя да, мы же из них сидр варим… Они там все плодоносящие?

– Нет, четыре сухие.

– Ну вот их тогда и выкорчую, – решил король. – А на их месте… придумаю потом. Молодец, мэтр, хвалю. А что там у меня с живностью?

Эйхгорн перевернул страницу и без выражения произнес:

– На дворцовой конюшне, псарне и птичнике у вас имеется следующее:

– лошадей – 22;
– мулов – 14;
– охотничьих собак – 14;
– декоративных собак – 12;
– охотничьих птиц – 10;
– декоративных птиц – 8.

– Многовато у меня декоративных собак, – задумчиво молвил

король. – Многовато. Всех кормить ведь нужно, а пользы никакой. Хотя за ними королева ходит, так что пусть их. Мне и охотничьи-то собаки, честно говоря, не нужны – я на охоту раза два в год выбираюсь. Так, жирок растрясти. Ты, мэтр, к охоте как относишься?

– Не увлекаюсь.

– А жалко. Так бы я тебе борзого щенка подарил, да еще и соколов пару. Тебе соколы не нужны там в твоей башне? Может, зелье из них сваришь какое?

– Я рыбалку люблю, – сказал Эйхгорн.

– С рыбалкой это ты королевством промахнулся, – хмыкнул король. – У нас в речке ни храка не водится. Это в Скильдруне она пошире, там рыбалка хорошая – караси вот такие жирные ходят! У них всю рыбу берем. Окажешься в Скильдруне – порыбачь обязательно, я тебе даже удочку подарю.

Эйхгорн пожал плечами. С его рыбацким счастьем он и в Скильдруне ничего не поймает.

– Ладно, мэтр, что еще там у тебя? – отряхнул землю с рук король. – Давай, дочитывай, да пойдем ужинать. Мне повар сегодня обещался севрюгу приготовить в томатах.

– Тут много еще, – предупредил Эйхгорн.

– Чего там еще много-то? Все ж важное уже перечислил.

– Ну вот картины, например. Всего у вас во дворце их сорок пять, причем все без исключения – портреты. Из них:

– изображений богов – 8;
– изображений Сакора Дзидоши – 2;
– изображений других святых – 7;
– изображений Рыцаря Парифата – 1;
– портретов членов королевской семьи – 26;
– портретов какого-то нераспознанного типа с дебильным выражением лица – 1.

– Это зачем у меня во дворце какие-то нераспознанные типы с дебильным выражением лица висят? – возмутился король. – Не иначе, со стороны королевы какая-то родня. И вообще, ты зачем картины считал? Я тебе что велел пересчитать? Ценное имущество.

– Там есть и ценные картины… наверное, – неуверенно сказал Эйхгорн.

В живописи и вообще искусстве он разбирался очень плохо. Но все картины были в богато украшенных рамах, и некоторые из них Эйхгорну понравились чисто эстетически.

– Э, да что в них ценного – краски и холст, – махнул рукой

король. – У моего папы был придворный живописец, так я его выгнал. Только зря хлеб ел. Помню, меня намалевал – какой-то свинтус в тапках получился.

– Вашего портрета я нигде не видел, – нахмурился Эйхгорн.

– Так я его живописцу-то на голову надел, – пожал плечами король. – Осерчал тогда сильно. Но ты не думай, со мной это не часто бывает, обычно я благодушен, как Медеор. Чего у тебя там еще интересного? Окна-то пересчитал?

– Если вместе с флигелями – двести одиннадцать, – ответил Эйхгорн.

– Что, правда пересчитал?.. – заморгал король. – Я ж пошутил.

Эйхгорн посмотрел снулым взглядом. Он потратил трое суток на эту инвентаризацию, хотя прекрасно понимал, что это просто блажь венценосного самодура. И теперь собирался предоставить полный отчет.

– Общее количество книг в вашей библиотеке – сто восемь, – зачитал он. – Из них:

– религиозного и душеспасительного содержания – 67;
– философских трактатов – 18;
– любовных романов – 11;
– сборников стихов – 9;
– научных трудов – 3.

– У меня есть библиотека?! – поразился король.

– Э-э…

– Ладно-ладно, шучу. Есть, конечно. Я же просвещенный монарх, понимаю. Книжки там всякие, культура, образование. Детям своим, вон, учителя нанял из самой Озирии – не жалко. Самого лучшего.

С этим Эйхгорн был не согласен. Он как раз сегодня познакомился и пообщался с домашним учителем дофина и инфанты – и посчитал выбор короля неудачным. Да, это действительно оказался какой-то заслуженный ученый, с кучей регалий, из известной озирской академии – а Озирия, как уже проведал Эйхгорн, слыла в этом мире оплотом знаний.

Но возраст почтенного старца приближался к девяноста годам. Он почти оглох и туговато соображал. На уроках он в основном дремал, а принц с принцессой валяли дурака.

Церковно-приходская школа и то была бы им полезней.

– Ладно, мэтр, молодец, хвалю, – подытожил король, принимая гроссбух. – Хорошо поработал. Чего б тебя еще такое заставить пересчитать?..

– Может, сразу уже все королевство? – саркастично осведомился Эйхгорн.

– Отличная мысль! – расплылся в улыбке король. – Повелеваю тебе измерить протяженность всего моего королевства и счесть всех моих подданных поголовно!

Эйхгорн хотел ответить, но слова на ум приходили все какие-то невежливые. А король улыбался так весело и довольно, что портить ему настроение не хотелось.

Поэтому Эйхгорн только молча кивнул.

Глава 23

Небольшая палатка на случай дождя. Теплая одежда на случай холодных дней. Одеяло. Кожаные сапоги с высоким голенищем. Котелок и термос. Столовые приборы. Табуретка. Дорожный фонарь и к нему две запасные свечи. Дальнозеркало (сломанное). Компас (на всякий случай). Лопата. Топор. Аптечка. Гигиенические принадлежности (зубная паста почти кончилась). Удочка (король подарил). Инструменты. Книга «Сто Маленьких Королевств: 701-1495». Продукты питания – три здоровых ломтя вяленого мяса, мешок картошки, мешок сухарей, пара караваев свежего хлеба, бутыль самогона, соль, сахар, брусок масла.

Также Эйхгорн прихватил кулек макарон, кетчуп и упаковку картофельного пюре. Все, что осталось от земных продуктов.

Король не торопил своего придворного волшебника, позволил собраться с толком, с расстановкой. Все-таки на этот раз предстояло произвести уже не инвентаризацию, а самую настоящую перепись населения. В сколько-нибудь крупной стране одному человеку такое не под силу, но Парибул совсем крохотный, и жителей в нем всего тысяч сорок.

Не за день, конечно, и даже не за месяц, но Эйхгорн управится. А заодно сделает то, что давно хочется сделать – измерит весь этот новый мир. Надо только отыскать достаточно обширную равнину.

В распоряжение Эйхгорна поступила ременная бричка с двумя лошадьми и кучером. В помощники он получил все того же пажа Еонека, а для безопасности к нему приставили одного из дворцовых стражников. Тримейского наемника – к счастью, не того, что когда-то плюнул в Эйхгорна.

Хотя этот тоже шуток не понимает – по роже видно.

Выехал Эйхгорн в день Железного Медведя, перед самым рассветом, когда город еще крепко спал. Кучер сгорбился на козлах, Еонек вытянулся на запятках. Стражник трюхал рядом на своих двоих – кони шли шагом, и бричка развивала едва шесть километров в час.

Впервые за долгое время Эйхгорн покинул город. По сторонам он оглядывался с любопытством, ежеминутно делая аудиозаметки. Карета тащилась по большому южному тракту, меж окружающих Альбруин полей. С восточной стороны темнела стена заболоченного леса, с западной белели меловые отложения.

Этот край называется Белодольем – здесь на поверхность выходят залежи писчего мела. Чуть ли не единственное полезное ископаемое, которым богат Парибул. Почвы тут известковые,

холмы невысокие, пронизанные пустотами, что оставили текучие воды.

Когда-то на месте города был серебряный рудник. Согласно легенде, тысячу лет назад некий дворянин привязал свою лошадь Альбу к кусту на склоне холма, та копытами била землю, и в разные стороны разлеталась порода, среди которой были и обломки серебряных руд. Дворянин обогатился на добыче серебра, но рудник оказался хиленьким и уже через полвека полностью истощился. Однако к этому времени возле него уже стоял городок Альбруин, который спустя еще триста лет стал столицей крошечного королевства Парибул.

Через пару часов потянулись балки и овраги. Здесь брала начало единственная река Парибула – Малая Кинелька. Один из многочисленных притоков великой Средиземной реки.

Близ реки местность была в основном равнинная. Небольшие перелески, рощицы и заливные луга, отданные под пастбища. Периодически попадались хутора, реже – деревеньки. Крестьяне при виде королевского герба останавливались, почтительно снимали шапки.

Бричка неспешно катилась вдоль берега. Дорога извивалась параллельно руслу – повторяла каждый изгиб, каждую дугу. На воде виднелась тяжело груженая лодка – без паруса, без весел, но каким-то загадочным образом идущая против течения. Приглядевшись, Эйхгорн заметил туго натянутый канат – лодку тащил кто-то невидимый, прячущийся под волнами.

– Мэтр, а почему реки всегда извиваются? – спросил Еонек.

– А?.. – переспросил Эйхгорн, ломающий голову над загадкой лодки.

– Почему реки всегда извиваются? – повторил паж. – Вот равнина же – чего ей прямо-то не течь?

– Реки начинают течь по прямой, но со временем накапливают все больше искривлений, – ответил Эйхгорн.

– Но почему?

– Потому что если течение где-то по какой-то причине хоть чуть-чуть искривилось, искривление уже не исправится, а будет только расти.

– Но почему?

– Потому что в месте искривления вода из-за центробежного эффекта будет подмывать вогнутый берег и отступать от выпуклого. Таким образом кривизна возрастает. По этой же причине один берег у реки всегда крутой, а другой – пологий.

– А-а, вот оно как…

– Да, и ты бы это знал, если бы лучше учился в школе. Меня вот больше интересует, каким образом та лодка движется против

течения.

– Так ее же бурлак тащит, – пожал плечами Еонек.

– Какой еще бурлак, где?..

– Так под водой же. Голем-бурлак. Тут же мелко – голем идет по дну и тащит баржу.

– Голем, – ровным голосом повторил Эйхгорн. – Это такой… глиняный человек?

– Или каменный, – без интереса ответил Еонек. – А может, железный. Хотя железный вряд ли – они шибко дорогие.

– И сколько такой голем стоит?

– Ой, дорого! – покачал головой Еонек. – Самый дешевый – как десять лошадей! У нас тут их и не бывает – это какой-то заграничный купец плывет. Богатый, наверное.

Эйхгорн долго еще провожал удаляющуюся баржу снулым взглядом. Голем-бурлак. Надо же.

Потом он снова углубился в книгу по истории. Хотя Парибулу там уделялось всего несколько страниц – это королевство оказалось незначительным даже по меркам Ста Маленьких Королевств.

Выяснилось, что восемьсот лет назад на месте этой россыпи державок было только одно королевство – Межания. Обширное, процветающее и очень богатое. И таким бы оно и оставалось, если бы король Мешамиэль Добрый однажды не проявил удивительную щедрость – дал в приданое своей дочери полкоролевства. Так страна разделилась на две.

Но на этом дело не кончилось – как сын, так и зять короля спустя поколение последовали примеру Мешамиэля, превратив таким образом два своих королевства в четыре. Так появилась новая традиция – и продержалась она целых двести лет, в течение которых королевства все больше дробились и мельчали, пока их количество не достигло полутора сотен. Первым этот дурацкий обычай упразднило королевство Жриволней, вторым – Кайлан. Только они и сумели не превратиться в неразличимые крапинки, как остальные.

За минувшие шестьсот лет около пятидесяти этих игрушечных королевств были поглощены сильными соседями – Нбойлехом, Тримеей, Малькароне, Мурмуром, Новым Акриллом. Но еще сотня по-прежнему сохраняет независимость – просто потому, что эта шушера никому не интересна. Возможно, когда-нибудь здесь и появится свой Бисмарк, который соберет их в единую державу, но пока что к этому никаких предпосылок.

К полудню Эйхгорн въехал в деревню Пизмосто. В переводе на русский – Голодаевка. Название деревне явно дали очень давно, и оно успело порядком устареть – сейчас ее обитатели

выглядели какими угодно, но только не голодающими. Мужики сплошь сытые, щекастые, лоснящиеся. А баб вовсе хоть на самовар сажай – такие все круглые, да румяные.

Вообще, с питанием в Парибуле перебоев не было. Страна насквозь аграрная и очень зажиточная. Сельское хозяйство на подъеме – коровьи стада многочисленны, скотина отличается завидной тучностью. Колосятся нивы – пшеница, рожь, овес, картошка.

Особенно картошка. Столько картошки Эйхгорн не видел даже в Белоруссии. Парибул не знал о таком зле, как колорадский жук, так что урожаи собирал отменные. Единственным опасным вредителем на полях был хомяк, но он предпочитал злаковые.

Во дворах Пизмосто Эйхгорн впервые увидел живых брабулякров. Действительно, одна нога огромная, а вторая крохотная, почти рудимент. Причем у одних правая больше левой, а у других наоборот. Передвигались они прыжками, помогая крыльями.

Какой-то дикий эволюционный вывих. Или магия. Теперь Эйхгорн уже и этому бы не удивился.

Именно с Пизмосто он начал свою перепись. Вначале отобедал в доме старосты – тот уж расстарался для придворного волшебника! – а затем принялся скрупулезно пересчитывать дворы, избы, жителей и крупный скот.

Типичный деревенский дом в Парибуле оказался двухэтажным, хотя второй этаж больше напоминал просторный чердак. На первом кухня с очагом, большая жилая комната, кладовая и хлев, а на втором – домашняя мельница и сеновал. Перед домом – двор, позади – садик или хотя бы огород. Дверей толком не запирали – калитки закрывались обычными деревянными задвижками, которые легко было повернуть, просунув руку меж заборных просветов.

Жили вилланы семьями по пять-шесть человек – обычно муж с женой, от одного до трех детей и престарелые родители кого-то из супругов. В том же Пизмосто Эйхгорн насчитал сто восемьдесят два двора и тысячу сорок одного жителя. Спали в одной комнате, вповалку, без кроватей. Если все не умещались – кто-то ночевал в кладовой или на сеновале. Относительно зажиточные хозяева держали одного или двух батраков – эти обычно ютились в хлеву.

Социальное расслоение в деревнях оказалось незначительным. Были крестьяне побогаче, были победнее, но разница между ними просматривалась слабо. На среднестатистическом дворе имелась упряжка рабочих лошадей

или волов, плуг, повозка, две-три коровы и десяток-другой брабулякров. Некоторые держали пчельники или виноградники.

За околицей простирались поля. Формально принадлежали они местному лендлорду (Пизмосто располагалось на землях баронессы Суанни, вдовы), но распоряжались всем сами крестьяне. На каждый двор приходился участок площадью в одну пашню (больше тринадцати гектаров), каждый виллан возделывал его по своему разумению, а за пользование землей отделял лендлорду двадцать процентов урожая. Еще десять процентов забирала королевская казна, и четыре – церковь.

Точнее, не четыре, а три целых и восемьдесят пять сотых. Называлось это севигиной – жертвованием на храм одной двадцать шестой части своего дохода. Севигина, в свою очередь, делилась на три равных доли – первая (руга) оставалась у деревенского жреца, вторая (пребенда) доставалась епископу, а третья (божья дань) отсылалась в Астучию – местный аналог Ватикана.

Севигина считалась добровольным пожертвованием – теоретически ее можно было игнорировать. Но тогда церковь исключала тебя из числа прихожан – а в местном обществе это означало уйму проблем. Нельзя будет, например, жениться. Если есть дети – они не смогут ходить в церковно-приходскую школу (а других нет). Похоронить нормально тоже не получится. По праздникам придется сидеть дома – они тут в основном религиозные. И много прочих мелочей, которые в совокупности складывались в серьезный геморрой.

Неудивительно, что все предпочитали платить.

Кроме того, около пяти процентов дохода крестьяне передавали общине. Технически здесь тоже можно было ничего не сдавать, но с таким жадобой переставали здороваться. Из этих запасов подкармливали вдов и сирот, покупали что-то для общественных нужд, а также пользовались, если вдруг случался недород.

Однако почвы в Парибуле были тучные, климат роскошный, в год собирали по два урожая, так что вилланы и после выплаты всех податей оставались с прибылью. По законам Парибула, согнать их с земли лендлорд не мог, увеличить размер оброка – тоже.

Но и крестьяне не имели права продать эту землю или сдать ее в субаренду. Одна пашня – одно хозяйство. Если кто-то не мог или не хотел возделывать свой участок, он мог только отказаться от него безо всякой компенсации, и деревенская община выбирала нового арендатора. После смерти виллана его участок чаще всего доставался старшему сыну или другому прямому

наследнику, но община могла передать его и кому-то другому. Решат, скажем, что младший сын – куда более дельный мужик, чем старший, ну и назначат наследником его.

Правда, совсем уж посторонним людям отдавать участок было нельзя – он прилагался к дому.

На хуторах жили по-другому. Парибульские хуторяне оказались настоящими кулаками – очень зажиточными, с десятками батраков. Лендлордов над ними не было – землей они владели сами и платили только пошлину в казну. Правда, не десять процентов, как сельские вилланы, а все двадцать пять.

Объехав несколько деревень, Эйхгорн убедился, что все они устроены по общему лекалу. Так, в каждой деревне непременно есть три заведения – лавка, трактир и храм. Последний служит также церковно-приходской школой и медпунктом. Деревенский жрец по совместительству исполняет обязанности учителя и фельдшера, а в качестве жалованья получает ругу (треть севигины, 1.28 % общего деревенского дохода).

Читать и писать в здешних селах умеют все. Связано это с религией – севигизм считает невежественность тяжким грехом, поэтому хотя бы минимальное образование должен получить каждый.

Правда, предметов в храмовой школе всего четыре – арифметика, грамматика, естествознание и философия. На первом детей учат считать, на втором – читать и писать, на третьем дают зачатки естественных наук, вроде химии, биологии и географии, а на четвертом обучают гуманитарным наукам типа истории, культурологии и, разумеется, богословия.

Классов пять – с шести до десяти лет. Поскольку жрец-учитель в большинстве храмовых школ всего один, дети ходят на уроки по очереди. Сегодня учится первый класс, завтра второй, послезавтра третий, послепослезавтра четвертый, послепослепослезавтра пятый… а потом все заново, пропуская праздники. Учебный день начинается на рассвете, сразу после завтрака, и длится шесть часов – по полтора часа на каждый предмет. Каникул нет, но с таким графиком учебы они и не нужны.

Обучение в храмовой школе заканчивается в одиннадцать лет. После этого дети начинают работать на полях наравне со взрослыми. Особенно старшие сыновья – их готовят унаследовать отцовскую пашню, стать полноправными вилланами. Младшие же, немного повзрослев, идут в солдаты, батраки, слуги или ученики к какому-нибудь ремесленнику – эти со временем становятся подмастерьями, а там и мастерами. Самые способные (и зажиточные) отправляются в высшее учебное заведение –

университет, семинарию, военное училище. В Парибуле, правда, ничего подобного нет, так что приходится ехать за границу.

Старосты деревень и хозяева хуторов каждый раз удивлялись, когда Эйхгорн говорил, зачем приехал. До этого никому и в голову не приходило такое чудачество – пересчитывать жителей королевства. Сборщиков налогов интересовало не число людей, но размеры земли и урожая – именно с них взимается пошлина. А кто этот урожай растит, сколько их – какая разница?

Вообще, ВВП Парибула был в основном сельскохозяйственным. Если не считать меловых отложений, полезные ископаемые в королевстве отсутствовали. Зато лес покрывал более трети территории – и дичи в нем было хоть отбавляй. Хватало и желающих ее добывать – но делать это имели право не все. Только дворянам разрешалось свободно охотиться в любое время года – остальные должны были приобретать лицензию. Стоила она недешево, добыча едва-едва окупала расходы, так что многие предпочитали браконьерствовать. Тех, кто попадался, били палками, но они отлеживались и вновь выходили на промысел.

Такое лесное изобилие нарушало планы Эйхгорна. Он искал равнину – большую протяженную равнину, чтобы до самого горизонта не было никаких препятствий. И долгое время не мог найти. Там, где не было лесов, вид застили холмы, а где не было холмов, протекала река.

Но в конце концов Эйхгорн отыскал нужную равнину. На самом юге Парибула простиралась большая проплешина. До самого горизонта – травянистая гладь, не омраченная деревьями, холмами или людским присутствием.

– Это маркиза Форенца земли, – сказал кучер. – Он свои земли распахивать не велит, селиться тоже не разрешает. Грит – неча всякому холопью мою травушку топтать-та. Во-она там, видите, замок евонный на отшибе. Живет там один, как барсук.

– На обратном пути заедем, проведем перепись, – сказал Эйхгорн. – А пока разводите костер.

– Ужинать будем, мэтр? – оживился Еонек.

– И ужинать тоже, конечно. Но главное – измерим кое-что. Так что костер разводите как можно больше, чтоб издалека виден был.

Костер был разведен на славу. Перекусив вяленым мясом и сухарями, Эйхгорн дождался заката, оставил пажа со стражником поддерживать огонь, а сам уселся в бричку и велел кучеру ехать.

– Куда ехать-то, мэтр? – степенно осведомился тот.

– Вперед. Я скажу, когда хватит.

На сей раз лошади бежали бодрой рысью, и совсем скоро

огромный костер превратился в светящуюся искорку, а там и скрылся за горизонтом. После этого Эйхгорн велел развернуться и двигаться назад – очень-очень медленно, пока вдали снова не засветилась искорка.

Ее было отчетливо видно. Ночь выдалась лунная, светлая, но на земле пылал один-единственный огонек. В замке маркиза Форенца свет не горел, а больше в округе жилья не было. Так что Эйхгорн мог спокойно измерить то, что хотел – расстояние до горизонта.

Для этого дела он приспособил саму бричку. Нанес на колесо отметку белым фосфором, убедился, что та отчетливо видна в темноте, и велел кучеру медленно ехать прямо к костру.

Сам же Эйхгорн пошел рядом, исполняя роль живого счетчика оборотов. Он мог сделать механический, соорудив настоящий дорожный курвиметр, но это заняло бы слишком много времени. Так что Эйхгорн предпочел в кои-то веки приспособить свою арифмоманию к чему-то полезному.

Диаметр колеса составлял восемьсот шестьдесят три миллиметра. Периметр – две тысячи семьсот одиннадцать. Более двух часов Эйхгорн монотонно шагал, считая обороты, и когда бричка наконец подъехала к костру, он произнес в диктофон:

– Три тысячи шестьсот двенадцать.

Три тысячи шестьсот двенадцать оборотов сделало колесо. Следовательно, Эйхгорн прошел девять тысяч семьсот девяносто три метра.

Такова в этом мире дальность горизонта на ровной поверхности.

Правда, это число еще не годится для вычислений. Следует принять во внимание, что воздушная оболочка искривляет путь лучей, и горизонт отодвигается примерно на шесть процентов дальше, чем он лежит в реальности. Соответственно, дальность горизонта надо вначале разделить на одну целую и шесть сотых.

Если, конечно, состав атмосферы Парифата такой же, как на Земле… надо бы, кстати, это тоже выяснить при случае.

Разделив, Эйхгорн получил девять тысяч двести тридцать девять метров. И теперь у него были уже все данные. Дальность горизонта вычисляется по элементарной формуле – $N = \sqrt{2Rh}$, где R – радиус планеты, а h – возвышение глаза наблюдателя над поверхностью. Соответственно, $R = (N/\sqrt{2h})^2$.

$N = 9{,}239$ км.

$h = 0{,}0017$ км.

Таким образом, $R = 25106$ км.

Получив конечный результат, Эйхгорн дважды его перепроверил. Очень уж сомнительным он вышел. Но

перепроверки дали все то же самое.

Конечно, следует учитывать неизбежные погрешности наблюдения и измерения. Реальный радиус планеты может отличаться от вычисленного на десятки, а то и сотни километров. Но даже приблизительного результата достаточно, чтобы поразиться.

Радиус вчетверо больше земного!

Теперь карта Парифата предстала перед Эйхгорном в другом свете. Он недооценил масштаб – и сильно недооценил. То, что он принимал за крупные острова – самые настоящие континенты.

Но как же так? Планета размером с Нептун, причем не газовый гигант, а сверхземля. И при этом сила тяжести, если верить ощущениям, ничуть не больше земной. Возможно, даже чуточку меньше. Как такое возможно?

На самом Нептуне сила тяжести отличается от земной незначительно – всего-то 1.14 *g*. Но это из-за относительно малой массы Нептуна – все-таки он газовый гигант. А здесь твердотельная планета – но с вчетверо большим, чем у Земли, радиусом. Если ее средняя плотность соответствует земной, то масса должна быть больше в шестьдесят четыре раза.

Ускорение свободного падения, которое еще называют силой тяжести, рассчитывается по элементарной формуле: $g = G(M/R^2)$, где G – гравитационная постоянная, M – масса планеты, а R – ее радиус. Если масса планеты превосходит земную в шестьдесят четыре раза, а радиус – вчетверо, то местное *g* должно быть равно около 40 м/с^2, или четыре стандартных земных *g*.

Но этого явно не наблюдается.

Пока что Эйхгорну пришло на ум только одно возможное объяснение. Масса Парифата превышает земную не в шестьдесят четыре раза, а всего в шестнадцать плюс-минус немного.

Надо это проверить.

Глава 24

День шел за днем, неделя за неделей. Эйхгорн колесил на своей бричке по Парибулу, скрупулезно проводя замеры и переписывая жителей.

Ему нравилась такая жизнь. Можно никуда не торопиться, все время на свежем воздухе и много-много расчетов. Со спутниками тоже повезло – кучер оказался степенным мужичком, склонным к созерцательной философии, а стражник вообще практически не раскрывал рта. Спустя неделю Эйхгорн все еще не знал их имен – и его это полностью устраивало.

Вот еще бы пажа отослать домой – и совсем ладно. Еонек постоянно докучал со всякой ерундой, отвлекал по пустякам, задавал глупые вопросы.

Эйхгорн не любил, когда его дергали без дела.

А дело спорилось. Карта Парибула становилась все подробнее, население было переписано уже на две трети. Остался в основном Альбруин – в нем Эйхгорн решил закончить перепись.

Но он не спешил возвращаться. Работая в конструкторском бюро, Эйхгорн усвоил нехитрую истину – выполнив задание, ты будешь вознагражден новым. И неизвестно, что в следующий раз придет в голову королю Флексигласу. Хорошо, если снова что-то пересчитать – а ну как потребует настоящего волшебства?

И вообще Эйхгорн стал подумывать о том, чтобы покинуть Парибул. Здесь, конечно, тепло, светло и мухи не кусают, но его терзал исследовательский зуд. Вокруг целый громадный неизвестный мир – причем действительно громадный, во много раз больше Земли! – а он прозябает в крохотном провинциальном королевстве. Единственная достопримечательность Парибула – злополучные дома поэзии… интересно, как в конце концов с ними поступили?

Надо будет разузнать на досуге.

Но это еще успеется. Вначале нужно определиться с направлением, с транспортом, подкопить деньжат. В Парибуле над Эйхгорном не каплет, а остальная география для него пока что темный лес. По возвращении стоит наведаться в книжную лавку и купить Озирскую энциклопедию – день Малахитового Медведя давно прошел, и у казначея ждет месячная зарплата.

Двадцать шесть золотых регентеров, не хухры-мухры.

Сегодня Эйхгорн проснулся раньше всех. Обычно он старался встать на ночлег в какой-нибудь деревне или на хуторе – придворного волшебника везде принимали охотно. Детвора, правда, неизменно досаждала – требовала чудес или хотя бы

сказок. Роль массовика-затейника Эйхгорну удавалась плохо, бенгальских огней и других спецэффектов он в дорогу не взял, а математические фокусы крестьянских детей не впечатляли.

Но вчера вечером до жилья не доехали – на западе Парибула крестьянских хозяйств мало. Когда-то тут были серебряные рудники, но они давно истощились. Самый последний закрылся больше века назад, и с тех пор никто не пытался здесь поселиться.

Благо места в Парибуле хватает – королевство действительно оказалось маленьким, но не таким маленьким, как раньше казалось Эйхгорну. Он еще не закончил расчеты, но по предварительным измерениям площадь Парибула – тридцать тысяч пашен. Это около четырехсот тысяч гектаров или четырех тысяч квадратных километров. Вполне себе страна – раза в полтора больше Люксембурга.

И всего сорок тысяч жителей.

Кучер спал под бричкой, стражник – рядом с ней, а Еонек свернулся калачиком внутри. Эйхгорн единственный ночевал в палатке… впрочем, это был скорее просто навес из ткани. Такая простыня, натянутая меж двумя шестами. В Парибуле такие используют охотники и королевские егеря.

Эйхгорн мог просто растолкать остальных и приказать ехать дальше. Но он провел в роли придворного волшебника не слишком долго и еще не успел заразиться феодальными замашками. Так что он терпеливо дожидался, пока слуги проснутся сами.

А дожидаясь этого, Эйхгорн гулял по округе. Его внимание привлекла необычная растительность – белые цветы с очень узенькими листочками. Он уже видел подобные по всему Парибулу, но здесь они вымахали особенно крупными. И росли в таких количествах, что лощина казалась снежным полем.

Известно, что если в каком-то месте растительность не такая, как в окрестностях, это означает отличия в почве. Иной ее состав или иное количество воды. Но если почва такая же, и воды столько же – причина может таиться под землей. То есть это может быть месторождение полезных ископаемых.

Эйхгорна это заинтересовало. Ведь раньше тут были серебряные рудники. Возможно, не все они истощились? Или, может быть, какая-то жила осталась ненайденной?

Если так, Эйхгорн совершил важное открытие.

Конечно, у него не было бурового оборудования. Нормальную геологоразведку он провести не мог. Но зато у него была лопата – ею он и принялся орудовать.

Без особой надежды на что-либо, разумеется. Руды редко

залегают у самой поверхности. А когда все-таки залегают – их обычно обнаруживают гораздо раньше. Как то альбруинское серебро, которое нашла чья-то там лошадь.

Хотя это наверняка просто байка.

И однако Эйхгорну повезло. Он углубился едва на полметра, когда лопата звякнула о твердое. Эйхгорн окопал вокруг, поддел снизу, и вытащил большой ком земли… в котором что-то блеснуло.

Неужели правда серебро?!

Увы. Под слоем грязи действительно оказался металлический самородок, но не серебряный. Хотя по цвету и похож, весит гораздо меньше.

Алюминий. Несомненно, алюминий.

Такая находка удивила Эйхгорна гораздо сильнее, чем могло бы серебро. Ведь алюминий очень активен химически и в самородном состоянии встречается только в специфических условиях, в микроскопических количествах. На Земле отыскать его можно разве что в жерлах вулканов, и то собирать придется пинцетом.

Но в этом мире дело явно обстоит иначе. То ли свойства здешнего алюминия чем-то отличаются от земного, то ли… других объяснений у Эйхгорна пока не нашлось.

Однако если здесь есть самородный алюминий… это открывает некоторые интересные перспективы. Очень уж полезный металл – легкий и плавкий, стойкий к коррозии, а главное – способный стать дюралюминием. Если находка Эйхгорна – не случайная аномалия, если алюминий на Парифате действительно можно добывать без применения высоких технологий, просто киркой и лопатой… возможно, Эйхгорн сможет создать себе транспортное средство.

Его уже посещали мысли на этот счет, но теперь они стали оформляться в воображаемый чертеж.

Еще несколько минут Эйхгорн копал в том же месте, понемногу сдвигаясь к западу. Нашел несколько серебристых блямбочек – крохотных, едва с ноготь. Попался ему и крупный каменный желвак, в котором виднелись алюминиевые вкрапления.

Действительно, богатое месторождение. Жила выходит к самой поверхности.

Интересно, сколько в этом мире стоит алюминий? Эйхгорн пока что не видел изделий из него – хотя при такой доступности они просто обязаны быть. Алюминий не может не найти применения, при его-то малом весе и легкости обработки.

Эйхгорн уже стал размышлять, где и как его лучше

использовать… но тут его кое-что отвлекло. Краем глаза он заметил движение – и не где-нибудь, а у себя же на запястье.

Вормолеграф. Обнаружитель червоточин впервые с момента перемещения дал о себе знать. Стрелка ходила из стороны в сторону, точно метроном.

Эйхгорн тут же позабыл про все полезные ископаемые. Точно почуявший добычу пес, он отбросил лопату и зашагал, жадно следя за вормолеграфом.

Направление выяснилось быстро. Запад. Чем дальше Эйхгорн уходил на запад, тем активнее дергалась стрелка. Постепенно он все ускорялся, прыгал как конь через кочки и ямки. Толком не заметив, перемахнул странный поребрик из белого кирпича.

И вот оно. Впереди, в небольшой прогалине Эйхгорн увидел… собственно, ничего он не увидел. На сей раз не было никакого кольца дыма, никакого облачного тора, вообще ничего зримого. Просто некий отблеск, едва заметное сверкание в воздухе. Словно стоящее боком тончайшее стекло.

А возле этого «стекла»… яма. Небольшая, неглубокая, ничем не примечательная. Только вот возле ямы на траве валялись листья. Несколько свежих и засохших листьев, которым неоткуда было взяться, кроме как упасть с дерева.

Но до ближайшего дерева не меньше двадцати метров. В то же время яма выглядит точно так, как если б кто-то из нее дерево вырвал. Осыпавшаяся почва, большие комья земли… словно ураган неистовой мощи выдернул ствол и унес в неизвестном направлении.

Эйхгорн уселся на краю ямы и посмотрел на вормолеграф. Стрелка замедляла ход. Некоторое время еще были остаточные колебания, а потом затухли и они.

Сверкание в воздухе тоже исчезло.

– День Ледяного Медведя тысяча пятьсот четырнадцатого года, – произнес Эйхгорн в диктофон. – Местное время – второй рассветный час. Нахожусь в королевстве Парибул, ближайший крупный населенный пункт – Альбруин. Веду наблюдение с поверхности земли. Облачно, температура воздуха – плюс двадцать пять по Цельсию, ветер отсутствует. Только что наблюдал… частично наблюдал необычное явление. По всей видимости, здесь открылась еще одна кротовина.

Эйхгорн крепко задумался. На протяжении сорока двух прожитых им на Земле лет он ни разу не сталкивался с пространственными дырами. Во всяком случае, после изобретения вормолеграфа – до этого он мог что-то и не заметить.

Вот данную кротовину он точно бы не заметил – ну сверкнуло

что-то в воздухе, ну яма в земле. Подумаешь. Дерево мог вырвать и унести великан.

Эта мысль вызвала у Эйхгорна смешок. Еще недавно он бы даже не подумал всерьез рассматривать такое объяснение. Но несколько дней назад он действительно видел великана. Не просто очень высокого человека, а настоящего великана, почти девяти метров ростом.

И не только видел, но даже и отобедал с ним.

Поскольку к тому времени Эйхгорн уже встречал тролля, фелинов, а также симов и гарпий, великан не вызвал у него особенного удивления. Он вполне убедился, что на Парифате разумных видов больше одного – причем намного больше.

Вполне возможно, что виной тому именно пространственные дыры. Попал же сюда сам Эйхгорн. А вот, не прошло и двух месяцев, как он засек еще одну кротовину – правда, «обратной тяги». Вероятно, в этом мире они встречаются гораздо чаще, чем на Земле.

Именно это может быть причиной того, что здесь так много животных и растений, идентичных земным. Да, автохтонные флора и фауна тоже присутствуют, но земных видов как минимум не меньше. Как еще можно это объяснить, если не взаимопроникновением через червоточины?

Конечно, существует возможность того, что эволюция в разных мирах движется практически параллельно – но это крайне сомнительно. Нет, скорее всего, Эйхгорн – не первый и далеко не единственный пришелец из иного измерения. По всей видимости, подобные кротовины – явление здесь хотя и редкое, но не уникальное.

И, видимо, случалось так, что между мирами перемещались не отдельные люди или деревья, а целые экосистемы.

Интересно, может ли это означать, что и парифатская микрофлора во многом совпадает с земной? Если да, это очень хорошо. Сильно снижаются шансы подцепить заразу, к которой у Эйхгорна нет иммунитета.

Эйхгорн спустился в яму и принялся собирать образцы грунта. Вряд ли он что-то обнаружит в своей домашней лаборатории, но попытка не пытка.

Спустя несколько минут напряженного копания в грязи Эйхгорна прервали. Плеча коснулся наконечник пики – острый, но со следами ржавчины.

– Кто будешь, добрый человек? – послышался басовитый голос.

Эйхгорн медленно обернулся. На краю ямы стояли двое верховых. Одеты почти так же, как королевские егеря Парибула,

только камзолы и картузы не зеленые, а красные, с белыми околышами.

– О нет, только не снова… – устало произнес Эйхгорн.

– Это… того… звать тебя как, человек? – снова спросил обладатель баса.

– Чего тут делаешь – нору себе копаешь? – с хохотком добавил второй.

– Я мэтр Исидоряка, придворный волшебник Парибула, – снуло глядя на явных егерей, представился Эйхгорн. – Но тут, как я понимаю, уже не Парибул?..

– Прально понимаешь. Парибул – он вон где, – махнул рукой первый егерь. – За граничной чертой. А тут, того, Кинелия.

– Мы с Парибулом-то сейчас не дружим, – наклонился с седла второй егерь. – Ты что тут делаешь, волшебник? Шпионишь?

– Я натуралист, – терпеливо сказал Эйхгорн. – Изучаю природные явления.

– Что?.. Какие явления?.. Кому?..

– Просто явления. Природные. Дождь там, ветер. Как цветы растут, как птицы поют.

Егеря недоуменно переглянулись.

– А границу зачем пересек? – спросил первый. – К нам парибульцам сейчас нельзя – время немирное.

– А я не понял, что это граница, – попытался объяснить Эйхгорн. – Там же просто кирпичи на земле лежат.

– Не лежат! – возмутился егерь. – Не лежат, а вкопаны! И они белые, между прочим, а не просто так!

– Но там же не было никакой охраны. Ни с той стороны, ни с другой.

– Потому что мы доверяем людям. И в Парибуле доверяют. Мы не нарушаем, и они не нарушают. А вот ты нарушил. Не стыдно тебе, волшебник? Обманул наше доверие.

– Ну тогда просто отпустите меня, и я вернусь в Парибул, – предложил Эйхгорн.

– Э, нет. Мы тут не для того патрулируем, чтобы всяких шпионов просто так отпускать. С нами пойдешь.

– В тюрьму? – обреченно спросил Эйхгорн.

– А что, хотелось бы? – хохотнул второй егерь. – Знаешь, что делают с волшебниками в тюрьме?

– Не в тюрьму, не страшись, – грозно посмотрел на него первый. – Ты птица важная, наша королева-матушка таких сразу принимает, без церемоний. Противиться-то не будешь, нет? А то нехорошо выйти может…

Эйхгорн окинул егерей снулым взглядом. Какую-то секунду он раздумывал, не попробовать ли пригрозить страшным и

ужасным колдовством. Однако вспомнил, чем это закончилось в Парибуле, оценил остроту пик и неохотно сказал:

– Противиться не буду.

– Это хорошо, – с явным облегчением сказал егерь. – Только до замка отсель путь неблизкий. Ты летать умеешь?

– Сам по себе – нет, – развел руками Эйхгорн.

– Жалко. А еще как-нибудь умеешь, чтоб быстро?

– Не умею.

Егеря недовольно засопели. Им явно не хотелось сажать Эйхгорна на одну из своих лошадей, но и волочить за собой пешком тоже не хотелось. Даже если Кинелия так же мала, как Парибул, до столицы никак не меньше десяти километров. Это в прошлый раз Эйхгорну «повезло» – арестовали только что не у самых городских стен.

В конце концов второй егерь неохотно помог Эйхгорну усесться позади себя. В отличие от своего напарника, был он тощ и костляв, Эйхгорн тоже не отличался тучностью, так что лошадь выдержала.

– Держись там крепче, волшебник, – недовольно бросил егерь, берясь за поводья.

Трясясь на конском крупе, Эйхгорн подумал, что этот эпизод наглядно показывает общее отношение в этом мире к представителям чародейской братии. Да, профессия редкая, высокооплачиваемая и весьма почтенная, но не более того. В том, что Эйхгорн волшебник, егеря не усомнились (ну да, колпак и балахон), доказательств не потребовали, но это не повлияло на их к нему отношение. Нарушитель – значит, под арест его, волшебник он там или не волшебник.

Кинельские пейзажи ничем принципиальным не отличались от парибульских. Разве что дома здесь стояли в основном кирпичные, с белеными крышами. А когда проезжали мимо хутора, Эйхгорн увидел поле, засаженное неизвестной сельхозкультурой с мясистыми розовыми плодами.

Ехали долго. В полдень егеря остановились в трактире, освежились пивом и подкрепили силы тушеной картошкой. Эйхгорну тоже позволили взять обед, хотя платить за него отказались.

Впрочем, деньги у Эйхгорна были. При аресте его не обыскивали, забрать ничего не забрали. Волшебник же все-таки, уважаемый человек. А в Кинелии ходили все те же регентеры, сердики и ту. Цены тоже почти такие же – разве что говядина немного дороже.

К королевскому дворцу приехали уже под вечер. Точнее, к замку – в отличие от своего парибульского собрата, кинельская

королева проживала далеко за городом, в отдельной цитадели, окруженной массивными, высокими, но довольно ветхими стенами. Внутри замок напоминал большой хутор – стояли амбары с зерном, из сараев доносилось мычание коров, повсюду прыгали брабулякры.

Само жилище тоже оказалось скромным. Изрядную его часть составлял большой зал для приемов – и он же служил спальней для гостей. На ночь расставляли деревянные ширмы, поверх лавок и даже просто на полу клали набитые шерстью или соломой тюфяки, а утром все это убирали. В центре стояла огромная жаровня, полная раскаленных углей – вокруг сидели закованные в железо рыцари, какие-то мелкие дворянчики, трубадуры, пажи. Все оживленно болтали и жарили на углях что попало – куски мяса, картошку, лепешки.

Отдельные спальни предлагались только особо почетным гостям. Но Эйхгорна к их числу не отнесли. Егеря без лишних проволочек проводили его к самой королеве – та сидела на троне с таким надменным видом, точно окружали ее сплошь ничтожные букашки.

Эйхгорн уже знал, что кинельская королева – вдова. Король скончался пять лет назад, детей не оставил, а поскольку других претендентов на престол не нашлось, править стала его жена. Ей едва перевалило за тридцать, но повторно выходить замуж она не собирается.

Пока Эйхгорна вели к трону, на него таращились сотни глаз. Королевский приемный зал походил на какой-то табор – здесь собралась тьма народу, причем большая часть ничем толком не занималась. Такое впечатление, что для них это своего рода круглосуточный клуб.

Ведущая к трону ковровая дорожка оказалась довольно потертой. За несколько шагов до конца рядом с Эйхгорном вырос неприметный господинчик и чрезвычайно вежливо охлопал его с головы до пят.

– П’ошу вас, мэт’! – слащаво улыбнулся он, не найдя ничего крамольного. – Ее величество Нивейна Вто’ая, милостию богов п’еславного ко’олевства Кинелии, Южной Ма’иты, замка К’аль и иных своих те’ито’ий ко’олева, защитница х’амов и людей, пок’овительница наук и искусств, готова вас п’инять!

Егеря молча подтолкнули Эйхгорна вперед. Первый высунулся из-за его плеча и пробасил:

– Вот, ваше велиство, того, парибульский шпион! Волшебник! Был арестован в яме, которую выкопал с неизвестными, но явно недобрыми целями!

– Сказал, что он натурал! – добавил второй егерь.

– Натурал?.. – недоуменно переспросила королева.

– Не натурал, а натуралист, – недовольно поправил Эйхгорн.

– То есть, ты не натурал? – еще недоуменнее спросила королева.

– Нет, не натурал… хотя натурал, конечно, но это в данный момент к делу не относится.

Королева очень простонародным жестом почесала в затылке. Вообще, выглядела она даже менее по-королевски, чем Флексиглас с его тапками. Одета роскошно, но безвкусно, корона съехала набок, прическа неряшливая. Наряди такую в обычный ситец, дай горсть семечек – и никто не отличит от продавщицы из сельпо. На Эйхгорна она смотрела с сильным подозрением, обмахиваясь аляповатым веером.

– Что же, мэтр… эм-м?..

– Исидоряка, – неохотно сказал Эйхгорн.

– Какое глупое имя. Так что же ты делаешь в моем королевстве, можно узнать? Тебя послал этот… эм-м… как его?.. Фле-фле…

– Флексиглас.

– Да. Тоже ужасно глупое имя. Так что ты тут делаешь, я забыла? Хотя нет, ты же так и не сказал.

Эйхгорн вздохнул, набрался терпения и принялся рассказывать все по порядку. По приказу короля проводил перепись населения, почувствовал… э-э… сильное волшебство и пошел проверить. По незнанию пересек границу и оказался в Кинелии. Глубочайшие извинения, не хотел обидеть.

Королева мерно кивала, ковыряясь в ухе длинным ногтем. Судя по рассеянному взгляду, слушала она невнимательно, если вообще слушала.

– Ну хорошо, я все поняла, – наконец перебила она. – Мне только непонятно, что ты делал в той яме. Эй, вы!..

– Ваше велиство?.. – преданно заморгал первый егерь.

– Вы обыскали ту яму? Узнали, что он там зарыл?

– А-а… нет, ваше велиство…

– Идиоты, – вздохнула королева. – Меня окружают идиоты.

Эйхгорн почувствовал себя обокраденным. Он сам хотел произнести эту фразу.

– Ладно, я сейчас позеркалю этому дураку, парибульскому королю, спрошу его, зачем он меня вечно злит, – надула губы королева. – А ты пока иди отсюда, мэтр.

– Куда? – не понял Эйхгорн.

– Отец Богов, почему все вокруг такие тупые? – простонала королева. – Я же тебе парифатским языком сказала – от-сю-да! Куда хочешь иди, только недалеко, я потом позову!

Эйхгорн, уже настроившийся снова попасть за решетку, был приятно удивлен. Правда, он предпочел бы остаться и присутствовать при зеркальной беседе, но егеря уже подталкивали в спину. Он только и успел увидеть, как королева достает маленькое дальнозеркало в круглой оправе и старательно дышит на стекло.

Оказавшись во дворе, Эйхгорн остался предоставлен самому себе. Егеря ушли, стража в его сторону даже не глядела, а у челяди хватало своих дел. Любопытных пажей, как в Парибуле, здесь не нашлось – правда, вместо них оказался переизбыток фрейлин. Эти кумушки всех возрастов сразу начали дефилировать мимо Эйхгорна, бросая на него деланно небрежные взгляды, перешептываясь и периодически взрываясь хохотом.

Прошло около часа, и Эйхгорн решил, что о нем забыли. Он уже пересчитал всех людей во дворе, окна в стенах и прыгающих в пыли брабулякров. Этих последних – дважды, поскольку они постоянно перемешивались.

Хотя некоторые показались ему вялыми. На парибульских хуторах брабулякры были поэнергичнее, да и пожирнее. То ли другая порода, то ли тут их просто хуже кормят.

– Да что же это такое?! – раздался совсем рядом чей-то плачущий вопль. – Еще двое издохли! Нешто порчу кто навел?!

– Машта, а ты пойди пожалься волшебнику, – последовал ответ. – Во-он он, сарай подпирает. Пущай проведает.

Из-за угла тут же появилась кадушкообразной формы тетка. Окинув Эйхгорна скептическим взором, она осведомилась:

– Ты, что ль, волшебник-то?

Эйхгорн ничего не ответил. На нем балахон и колпак, которые более чем ясно характеризуют его профессию. Он уже успел узнать, что подобную одежду здесь носят только волшебники, так что вопрос очевидно не имеет смысла.

Конечно, на самом деле Эйхгорн просто самозванец, но это к делу не относится.

– Ты откуда тут, мэтр? – спросила тетка. – Нешто наша кралева удосужилась колдунца себе нанять? Я-то думала, она уж никогда не раскошелится! Жадоба, и-и!..

– Я придворный волшебник Парибула, – неохотно внес ясность Эйхгорн. – Здесь проездом.

– Вот упырство! – уперла руки в боки тетка. – А нам что ж, так брабулякров и хоронить почем зря?! А ну, раз стоишь тут без дела, так не стой, помоги! Поди, поди, разберись там!

Эйхгорну влезать непонятно во что не хотелось. Он бы предпочел просто покурить. Но тетка всем своим видом демонстрировала, что отказаться без скандала не получится. А

судя по тому, как торопливо шмыгали мимо челядины, авторитетом она при дворе пользовалась, и немалым.

– Показывай своих брабулякров, Машта, – хмуро велел Эйхгорн.

– Ишь! – выпучила глаза тетка. – Да ты ясновидец, что ли, мэтр?!

– Немножко.

– Э-э, ты смотри, если еще что про меня знаешь – не говори никому! – не на шутку испугалась Машта. – Про конюха особича не говори, я ж не со зла!

Эйхгорн пообещал никому ничего не говорить и вошел в курятник… брабулятник. Просторное темное помещение, заваленное сеном, овсом и экскрементами. Пахло там… как в курятнике.

И брабулякры действительно выглядели хворыми. Оказалось, что по двору бегают самые здоровые и крепкие, а большинство здесь – и они явно чем-то больны. Почти все сидят неподвижно, нахохлившись и согнув гигантскую ногу. Глаза у многих затянуты бледно-серой пленкой.

В ветеринарном деле Эйхгорн разбирался чуть более, чем никак. В детстве у него были кое-какие мелкие домашние животные, но он уже тогда гадал, зачем те вообще нужны. Пищевые и рабочие породы – понятно, сторожевые собаки и почтовые голуби – понятно, а вот для чего всякие кошки, канарейки и хомяки – логика молчит.

Соответственно, Эйхгорн не представлял, с чего начинать. Несколько минут он просто стоял неподвижно, пока глаза привыкали к слабому освещению, и машинально пересчитывал птиц.

– Тридцать один экземпляр, – сделал аудиозаметку Эйхгорн.

– А было-то больше ста! – горестно всплеснула руками тетка Машта. – Потравил кто-то. Или порчу навел. Не иначе, кто из ваших же, из парибульцев – вы там, известно, сволочи все, да злыдни. Я-то уж знаю! Так что ты давай, мэтр, исправляй все быстро, а там уж и катись хоть с горы!

Эйхгорн одарил тетку снулым взглядом и поймал ближайшего брабулякра. Обычно эти нелепые создания удивительно ловко отскакивали в сторону, но этот оказался совсем вялым. Он только плаксиво закудахтал и дернул рудиментарной ногой.

– Чем кормите? – спросил Эйхгорн.

– Известно, чем. Овсом, – сердито ответила Машта. – Потравили, ей-ей, потравили! Богов не боятся, звери!

– Овес где берете?

– Так известно где. Растим. Только в этом году урожай плохой был, так мы в Кушкетии немножко купили.

– Ага, – задумчиво произнес Эйхгорн. – То есть, брабулякры стали болеть после того, как вы сменили поставщика?

– Думаешь, это они потравили-то?.. – понизила голос Машта. – Ох, так и знала! Так и знала, что овес негодный! Яду подсыпали, злыдни!

– Яду не яду, а посмотреть надо… Вы этим овсом только брабулякров кормите?

– Чего это? – нахмурилась Машта. – Овсяна кашка-то вкусная. Сами тоже едим. Я вот сегодня наварила целый чан – ела, да мужа кормила, да дочек. Хочешь, и тебе наложу?

– Нет, я как-нибудь потерплю, – отказался Эйхгорн. – Можно этот овес посмотреть?

Тетка Машта молча указала на длинное корыто у стены. Там лежал… ну да, овес. По виду – совершенно непримечательные зерна.

Эйхгорн потер несколько между пальцев, принюхался. Вроде бы ничего особенного. Может быть, заражение спорыньей или чем-то наподобие? Увы, Эйхгорн понятия не имел, как узнать точно.

– А старый овес у вас есть? – спросил он. – Тот, которым раньше кормили?

– А много надо? – нахмурилась Машта.

– Да нет, хотя бы горсточку.

– Ну столько-то найдется, пожалуй… Пошли на поварню, поищем…

Эйхгорн сунул в карман балахона горсть предположительно испорченного овса и двинул за… интересно, а кем эта тетка тут служит? Какая-то птичница, что ли? В Парибуле при королевском дворе съедобного скота не держали, и таких должностей там не было. Только два конюха, псарь и сокольничий.

Получив образец овса из старой партии, Эйхгорн принялся сравнивать зерна. Однако невооруженный глаз никаких аномалий не выявил – почти одинаковые, разве что одни чуть крупнее других.

Нужен микроскоп. Но взять его тут, конечно, негде. Не исключено, что имеются какие-то волшебные аналоги, как у многих других вещей, но вряд ли они найдутся здесь.

Теоретически Эйхгорн мог сделать микроскоп сам. Простейшую модель, какими пользовались Галилей и Левенгук. Он имел представление о том, как оплавить стеклянную нить и отшлифовать ее так, чтобы получилась линза. Выковать металлическую оправу тоже не слишком трудно.

Но это займет время. Очень много времени. Даже самый грубый микроскоп не сделать на коленке. Нужно вернуться в лабораторию, достать материалы, заказать кузнецам некоторые детали…

Тетка Машта стояла у самого локтя Эйхгорна, таращилась на овес в его руках и оглушительно сопела. Размышлениям это совершенно не помогало.

– Ну что, потравили, да?.. – нетерпеливо спросила она. – Потравили же овес, злыдни?

Эйхгорн только неопределенно пожал плечами. Без микроскопа он не мог сказать ничего конкретного. Да и с микроскопом тоже, наверное. Тут нужен ботаник, микробиолог, агроном… ну или профессиональный детектив.

А у Эйхгорна все-таки несколько иные увлечения.

– Мне нужно погадать по звездам, – заявил Эйхгорн, ссыпая образцы овса в карманы. – Приходи в Альбруин через пол-луны – тогда все буду знать.

– Да какие пол-луны?! – аж покраснела от гнева тетка. – Да за пол-луны у меня все остатние брабулякры передохнут! Ты что, совсем того, колдунец?!

Неизвестно, во что бы вылился этот скандал, но тут на поварню вбежала совсем юная фрейлина, извещая, что мэтра желает видеть ее величество. Эйхгорн воспринял эту новость с огромным облегчением.

Королева Кинелии и всяких прилегающих кочек по-прежнему восседала на троне. Эйхгорна она встретила со скучным выражением лица, велела подойти и сообщила, что отпускает его. Судить волшебника по всем правилам – жуткая морока, а ей-де недосуг. Так что пусть Эйхгорн просто заплатит штраф за незаконное пересечение границы и выметается.

Платить штраф Эйхгорну не очень хотелось, но это было лучше, чем тюремное заключение или телесное наказание. Правда, оказалось, что размер штрафа четко не определен, так что у Эйхгорна просто конфисковали содержимое карманов. К счастью, только деньги – на диктофон, компас, фонарик, зажигалку, вормолеграф и сломанное дальнозеркало королева не позарилась.

По крайней мере, ему позволили переночевать в замке. На общих условиях, конечно – в зале для приемов, вповалку. С соседкой справа Эйхгорну повезло – ею оказалась довольно миловидная, легко одетая барышня. Зато слева на двух тюфяках сразу развалился небывалой толщины рыцарь, который перед этим плотно покушал и всю ночь маялся животом.

Эйхгорну почему-то вспомнился пионерский лагерь.

Глава 25

Кинелия – страна крохотная, но пешком Эйхгорн возвращался бы пару дней, не меньше. По счастью, удалось поймать попутку – крестьянскую телегу, едущую в ту же сторону. Ее владелец позавчера привез в город урожай брюквы, сдал перекупщику, накупил на базаре гостинцев, хорошо погулял в трактире, а сегодня отправился домой. Его родная деревня располагалась всего в паре километров от парибульской границы.

С вилланом ехали двое детей – сын-подросток и дочь-дошкольница. Эта последняя всю дорогу упрашивала Эйхгорна заколдовать ее куклу – девочке ужасно хотелось, чтобы та ожила и заговорила. Эйхгорн снуло смотрел на нелепое создание из соломы и тряпок и думал, что не стал бы оживлять его, даже если б мог.

Вслух он этого, конечно, не сказал. Отделался всегдашней своей отговоркой про неподходящее расположение звезд – и пятилетняя девочка оказалась единственной, кто в нее поверил. В утешение Эйхгорн показал фокус с зажигалкой – малышка зачарованно уставилась на огонек из ладони, а потом восторженно взвизгнула и подожгла свою куклу.

Та сгорела очень быстро.

Эйхгорна высадили неподалеку от деревни. Заночевать у него крестьянин не предложил, хотя солнце уже клонилось к закату. Эйхгорн поразмышлял, не напроситься ли на постой к кому-нибудь еще, но потом решил побыстрее вернуться в Парибул.

Скоро он об этом пожалел. Границу-то он пересек без труда, но оказался в каких-то совершенно незнакомых краях. Крестьянин привез его семью, если не восемью километрами севернее той точки, где Эйхгорн оставил бричку и слуг. К тому же прошло почти двое суток, и неизвестно, дожидаются ли они в том же месте.

Чертовски жаль, что дальнозеркало сломано. Правда, Эйхгорн по-прежнему не знал никаких полезных номеров, но это все-таки связь. Почти что мобильный телефон, а в чем-то даже лучше.

Интересно, везде ли эти зеркала работают? Насколько велика зона покрытия? Есть ли у них «аккумуляторы», нужно ли их подзаряжать? Связь бесплатная, или нужно периодически засылать маго-провайдеру? Нельзя ли с их помощью делать что-либо еще, кроме как зеркалить другим людям?

Одни вопросы, и никаких ответов.

А тут еще и совсем стемнело. У Эйхгорна не было ни карты,

ни компаса… вернее, компас был, но он по-прежнему уверенно указывал на юго-восток. Эйхгорн мог найти север по луне и часам – луна светила очень ярко, – но часов у него тоже не было. Полярная звезда на этом небе отсутствовала. Мох на деревьях не рос. Муравейников Эйхгорн здесь еще ни разу не видел.

Однако рассудив логически, Эйхгорн пришел к выводу, что юго-восток сам по себе ничем не хуже севера. Не так уж важно, куда именно указывает компас – главное, что в одном и том же направлении.

Около часа Эйхгорн терпеливо шагал по лесу, светя фонариком. Чтобы не заплутать, он выбирал определенное дерево и двигался конкретно к нему. Ну и с компасом периодически сверялся, разумеется. Покрытая фосфором стрелка чуть заметно мерцала в темноте.

По счастью, парибульские леса не тянули на чащобы. Довольно светлые, легко проходимые. Опасных животных почти нет. Вроде бы раньше здесь водились волки, но они были излюбленной добычей парибульских дворян, и за века хищнической охоты их полностью истребили. Теперь из крупной дичи остались только олени – на них дворяне тоже охотятся рьяно, но при отсутствии других природных врагов олени худо-бедно восполняют численность.

Еще минут через сорок лес благополучно закончился. Эйхгорн вышел на берег речки – совсем крохотной, почти что ручья. При лунном свете было не очень хорошо видно, но Эйхгорн оценил ее ширину приблизительно в восемь метров.

Скорее всего, он смог бы перейти вброд – вряд ли тут глубже, чем по грудь. Плавал Эйхгорн тоже очень хорошо. Но в какой-то сотне метров к югу темнело что-то, очень похожее на мост, и он, разумеется, направился туда.

Это действительно оказался мост. И на удивление качественный – из струганного дерева, с перилами, выкрашенный в темно-желтый цвет. Его либо соорудили совсем недавно, либо бережно ухаживали – в отличном состоянии, нигде ни трещинки, идеально чистый. Немного не то, что ожидаешь увидеть вдали от населенных пунктов и туристических объектов.

С обоих концов моста тянулись тропинки – одна уходила в лес, другая вела к заброшенным рудникам. В отличие от моста, они заросли травой и явно давно не видали ничьих ног.

Что делало наличие здесь такого моста еще более странным.

Пару минут Эйхгорн просто стоял и снулым взглядом смотрел на эту аномалию. Мост оставался мостом. В нем не было ничего экстраординарного, кроме хорошей сохранности. И поскольку он был наиболее логичным способом пересечь реку,

Эйхгорн ступил на него.

В следующий миг из-под моста выпрыгнуло… существо. Мокрое, растрепанное, голое и грязное. В первый момент Эйхгорну показалось, что это бомж, но существо выпрямилось, и сделалось очевидным, что к людскому роду оно не принадлежит.

В нем было без малого три метра. Телосложением похожий на огородное пугало, длиннорукий и коротконогий, с темно-зеленой кожей и остроконечными ушами. Лицо карикатурное, сильно вытянуто вперед, нос удивительно длинный. Всего пару секунд постояв выпрямившись, урод согнулся и оперся на костяшки рук, приняв типичную позу гориллы.

– Ага, испугался?! – торжествующе рявкнул он, любуясь оторопью на лице Эйхгорна.

– Ты кто еще такой, черт возьми? – медленно спросил тот.

– Я тролль, – расплылся в улыбке урод. – А что такое «черт»?

– Злое сказочное существо. Тебе что-то нужно?

– Я охраняю мост. Это мой мост, и я его охраняю. Я его сам построил. И чиню тоже сам. Хочешь пройти, гони монету.

– Нету денег. Все у кинельцев остались.

– Тогда я тебя убью и съем.

– А если я не буду переходить через мост?

– Тогда… – задумался тролль, – …не убью и не съем. Не, так не пойдет. Ты лучше перейди. Я жрать хочу… знаешь, как редко тут ходят?!

– Догадываюсь. А почему ты построил мост именно здесь? Лучше б поближе к городу, через большую реку.

– Там егерей слишком много и стражи, – мрачно ответил тролль. – Совершенно невозможно работать. Ну так что, будешь платить за проход?

Эйхгорн ничего не ответил. У этого существа по-настоящему большие уши, и оно явно не глухое. Должно было и в первый раз услышать, что Эйхгорну нечем заплатить.

– Тебя зовут как? – поинтересовался он.

– Швипочинак, – показал два ряда зубов тролль. – А тебя?

– Исидор Яковлевич. И я волшебник.

– Да я уже понял. Только мне все равно. Деньги есть – плати и проходи. Денег нет – я тебя съем.

По-прежнему опираясь на руки, тролль подошел к Эйхгорну вплотную и потянул носом. Тот стоял неподвижно, прекрасно понимая, что удрать не получится. Да, тролль не выглядит хорошим бегуном, но Эйхгорн в этом и вовсе плох. У него имелся достойный опыт в пешем туризме, и походным шагом он мог идти часами, но бегать… Эйхгорн никогда не увлекался беготней.

А о том, чтобы вырубить тролля хуком справа, можно и не

мечтать. Даже если бы Эйхгорн умел боксировать. Да, Швипочинак тощ и костляв, но при этом так огромен, что вряд ли спасует и перед Мухаммедом Али.

– Я думаю, что король не обрадуется, если его придворного волшебника съест тролль, – медленно произнес Эйхгорн. – Во дворце знают, где меня искать. И если я вскоре не вернусь, здесь будет очень много егерей и стражи. Хочешь встретиться с тримейскими наемниками?

Швипочинак издал утробный звук. Похоже, встречаться с тримейскими наемниками он не хотел.

– Бесплатно через мост не пропущу, – мрачно сказал тролль. – Это мой мост. Я его сам построил. Бесплатно нельзя.

– А как насчет бартера? – сунул руку в карман Эйхгорн. – Могу я заплатить за проход дальнозеркалом?

– Не, – отказался тролль. – Мне и зеркалить-то некому. Деньги давай.

– А деньги-то тебе зачем? Что ты с ними будешь делать здесь?

– Ты глупый, да? – расплылся в улыбке Швипочинак. – Совсем глупый? На деньги можно купить еды. Мяса. Пива. Я люблю пиво.

– Я тоже люблю.

– Значит, ты все-таки не совсем глупый. Но без денег я тебя все равно не пропущу.

– Ладно. А как насчет игры? Сыграем на бесплатный проход?

– Это можно, – немного подумав, ответил тролль. – Ты выиграешь – пройдешь по мосту бесплатно. Я выиграю – я тебя съем. Идет?

– Идет, – без раздумий ответил Эйхгорн. – Но только при условии, что игру выбираю я.

– Да выбирай, – снова чуть подумав, ответил тролль. – Давай хоть силой мериться, хоть вперегонки бегать, хоть камни кидать…

– Это скучно, – пренебрежительно отверг все предложения Эйхгорн. – Давай играть в спи… веточки.

– Палками драться?.. – нахмурился тролль. – Ну давай…

– Не драться. Смотри, сейчас покажу.

Эйхгорн быстро собрал под деревьями несколько упавших веток и наломал из них пятнадцать примерно одинаковых палочек. Разложив их на земле рядком, он сказал троллю:

– Правила очень простые. Мы по очереди берем одну, две или три ветки. Кому достанется крайняя, тот проиграл.

– Крайняя?.. – не понял тролль.

– Последняя.

– А, ну это просто! – обрадовался тролль. – Только я беру первым!

Эйхгорн некоторое время колебался. Стопроцентный выигрыш в этой игре обеспечен только первому игроку. Второй, даже зная алгоритм, сильно рискует. Если этот тролль хоть чуть-чуть разбирается в математике…

– Мой ход! – рявкнул Швипочинак, хватая одну веточку. – Ага! Думал, я дурак, да?! Думал, сразу три возьму, чтоб тебе мало осталось?! А вот и нет!

Эйхгорн успокоился и тоже взял одну веточку. Все, теперь о исходе игры можно не волноваться. Третья досталась противнику – значит, Эйхгорн уже выиграл.

Так оно и вышло. Тролль, горделиво похохатывая, брал каждый раз по одной ветке. Он взял третью, а Эйхгорн – сразу четвертую, пятую и шестую. Тролль взял седьмую, а Эйхгорн – восьмую, девятую и десятую. Тролль взял одиннадцатую, а Эйхгорн – двенадцатую, тринадцатую и четырнадцатую… после чего тролль обнаружил, что ему досталась последняя.

– Это как так?.. – растерялся он. – Я же… Не, так нечестно! Давай еще раз!

– А зачем? – пожал плечами Эйхгорн. – Переход через мост я уже выиграл.

– Погоди-погоди! – запротестовал тролль. – Я… я что-нибудь другое поставлю! Вот, погоди минутку!

Он нырнул под мост, и через полминуты вернулся с потемневшей от воды, но очень красивой шкатулкой. Из нее тролль извлек несколько золотых монет, жемчужные бусы, клешню какого-то ракообразного и крохотный пузырек с чем-то белым.

– Вот! Давай дальше играть! – потребовал Швипочинак.

Эйхгорн задумчиво уставился на предложенные сокровища. Тролль ему попался азартный, а у Эйхгорна – алгоритм стопроцентной победы. Есть, конечно, риск, что после множества проигрышей тролль рассвирепеет, но… если бы Эйхгорн боялся риска, то никогда бы не стал искателем червоточин.

– Играем, – сказал он, снова раскладывая веточки.

Во второй раз тролль избрал кардинально иную стратегию и стал хватать по три ветки. Но ему это не помогло – Эйхгорн все равно без труда оставил ему седьмую, одиннадцатую, а там и пятнадцатую веточки.

Заколотив себя ручищами по голове, тролль швырнул лже-волшебнику золотой регентер и теперь уже сам разложил ветки в стартовую позицию.

В конечном счете они сыграли девятнадцать раз. Чтобы не слишком злить тролля, Эйхгорн дважды специально проиграл – и оба раза тот едва не плясал от счастья. Но в конце концов к

Эйхгорну перешли и девять золотых (из них регентерами оказались только пять, остальные – какие-то другие монеты), и бусы, и клешня, и пузырек и даже сама шкатулка.

Шкатулку Эйхгорн тут же вернул – очень уж тоскливым взглядом провожал ее тролль. Но все остальное распихал по карманам и, уже никем не останавливаемый, перешел через мост.

– Кстати, а ты точно тролль? – спросил Эйхгорн уже на другой стороне речки. – Я тут уже встречал одного типа, который называл себя троллем – и вы с ним ничуточки не похожи.

– Где встречал? – угрюмо спросил Швипочинак.

– Он хозяин трактира в Альбруине.

– А, так это Зирмо. Конечно, мы с ним не похожи – он же равнинный тролль, а я речной.

– У троллей тоже есть свои расы? – удивился Эйхгорн.

– А мы что, чем-то хуже людей? Конечно, есть.

– А вас тут вообще много в королевстве? Троллей?

– Двое – я да он. А тебе зачем?

– Для статистики.

Игра продолжалась дольше, чем могло показаться. Если поначалу тролль хапал ветки без раздумий, уверенный, что все очень просто, то потом стал думать над каждым ходом по несколько минут, тщетно пытаясь нащупать выигрышную стратегию. Пожалуй, если бы Эйхгорн не позволил ему дважды выиграть, он бы заподозрил колдовство.

Так или иначе, время перевалило далеко за полночь. Эйхгорн шагал по залитой лунным светом тропке, и в этом свете минут через двадцать увидел свою бричку. Та стояла ровно на том же месте, где он оставил ее двое суток назад.

На месте оказались и все слуги. Кажется, они вовсе и не встревожились долгим отсутствием начальства. Кучер и паж дрыхли без задних ног, стражник сидел у костерка и мирно жарил что-то приятно пахнущее.

– Угостишь? – спросил Эйхгорн, садясь рядом.

Глава 26

Четыре дня спустя Эйхгорн с ассистентами вернулся в Альбруин. Точнее, пока что в его предместья. Этот участок королевства еще не охвачен статистическим исследованием, но с ним можно работать уже на своих двоих, без брички. Эйхгорн собирался вернуть ее на каретный двор, забросить одежду в стирку, принять ванну, переодеться в чистое, поесть горячей пищи, а там уже приступить к заключительному этапу соцопроса.

Вероятно, он займет еще недели две.

Но доехать до дворца Эйхгорн не успел. Собственно, он только въехал в городские ворота, как город… содрогнулся. Лошади истошно заржали, бричку едва не опрокинуло, а по стене ближайшего дома побежала трещина.

Землетрясение. Эйхгорн никогда раньше не бывал его свидетелем, но это могло быть только оно. Он поспешно вылез из брички и приказал кучеру распрягать лошадей. Насмерть перепуганный Еонек спрыгнул с запяток и невнятно что-то заверещал.

За первым толчком последовал второй, почти такой же сильный. Шесть, а то и семь баллов. Здания ощутимо тряхнуло, захлопали двери и ставни на окнах. Люди гурьбой выбегали на улицы.

Потом были еще афтершоки – правда, гораздо слабее. Эйхгорн едва ощущал колебания сквозь подошвы сандалий.

Он даже не подозревал, что Парибул находится в зоне сейсмической активности. Об этом никто раньше не упоминал. Хотя судя по ошалевшим лицам горожан, для них это тоже стало сюрпризом.

Землетрясение оказалось и впрямь нешуточным. Не настолько, чтобы разрушить город, но многие дома потрескались, везде попадала черепица, рухнуло несколько балконов, кое-где даже обвалились стены. У одной двери лежал явный труп с пробитой головой, а возле него голосили две женщины.

Вроде бы толчки закончились, но Эйхгорн все равно поспешил выбраться на открытую местность, подальше от зданий. Ближе всего из таковых оказалась базарная площадь – и народ там уже бурлил. Успела собраться добрая половина жителей – а уж голосили они так, что сами себя не слышали.

Центром внимания был какой-то юродивый. Взобравшись на помост, он истошно орал, что это небесная кара. Боги всколыхнули землю, чтобы наказать людей за грехи. Надо срочно раскаяться, принести жертвы, устроить массовый молебен и все

такое.

Понемногу его вопли заглушали все остальное, прочий люд стихал, с тревогой слушая идиота. Многие прижимали к переносице указательный и средний палец – Эйхгорн уже знал, что у севигистов это такой ритуальный жест.

Обычно Эйхгорн относился к подобному с глубоким пренебрежением. Если кому-то нравится нести ахинею – это его личная беда. Эйхгорн давно убедился на практике, что нет более сложной задачи, чем доказать идиоту, что он идиот. Ибо чем глупее человек, тем менее он воспринимает логические аргументы.

Но этот конкретный идиот еще и распространяет панику. А это не дело. Так что Эйхгорн тоже влез на помост и поднял руку, пытаясь привлечь внимание.

– Волшебник!.. – зашушукались в толпе. – Господин волшебник!.. Мэтр Исидоряка!

От этой прилипшей к нему клички Эйхгорна в очередной раз перекосило. Но он взял себя в руки и принялся читать лекцию по геологии. Что такое землетрясение, отчего и как они происходят. Постарался как можно внятнее донести до горожан, что это просто стихийное бедствие, боги тут абсолютно ни при чем, паниковать не надо, молебнов не надо… ну то есть можно, если нету более интересных занятий, но это ничем не поможет.

О том, что никаких богов вообще не существует, Эйхгорн благоразумно умолчал. До этого парифатцы еще просто не доросли.

– Мэтр Исидоряка, а больше-то трясти не будет? – с тревогой спросила какая-то женщина. На руках у нее громко орал младенец.

– Нет, больше нет, – авторитетно заявил Эйхгорн. – Землетрясение выплеснуло всю энергию, и больше не повторится.

И в этот момент земля снова вздрогнула – да еще как! Деревянный помост пошел ходуном, Эйхгорн и юродивый полетели кубарем, многие в толпе тоже рухнули друг на друга.

– Смотрите, смотрите, как волшебник осрамился!.. – заверещал какой-то мальчишка. – Давайте над ним потешаться!

Эйхгорн глухо застонал. С помоста он упал не очень удачно, больно ударился плечом и лодыжкой, да вдобавок потерял очки. Без них он практически ослеп, так что первым делом принялся шарить по земле… и тут же услышал противный хруст.

Проклятый юродивый. Вскочив на ноги, он словно нарочно наступил именно на очки Эйхгорна. Даже не взглянув на дело своих ног, мерзавец тут же полез обратно на помост и принялся разоряться пуще прежнего.

Теперь он обвинял в землетрясении уже не только богов, но и Эйхгорна. Мол, это все волшебник, это на него гневаются небеса! Надо срочно принести его в жертву – тогда боги уж верно смилостивятся.

А даже если не смилостивятся – хуже-то все равно не будет.

Эйхгорн толком и не пытался возражать. Его сильно сконфузил этот новый толчок, да вдобавок он почти ослеп. Если твое зрение – минус девять, потеря очков становится катастрофой. Все вокруг словно поглотил туман, предметы и люди расплылись до полной неразличимости.

Хорошо еще, что юродивый раздавил только половину очков. Оправа сильно помялась, обе линзы из нее выпали, но левая все же уцелела, только чуточку раскрошилась с одного краю.

А вот правая раскололась надвое, да еще и сильно потрескалась.

Народ вокруг шумел уже совсем угрожающе. Никто пока не пытался схватить Эйхгорна и сжечь во славу бога землетрясений, но посматривали многие недобро. Насколько уж Эйхгорн мог судить – его собственное-то зрение без очков упало очень резко.

Он бережно собрал обломки и приставил к глазу уцелевшую линзу – такой импровизированный лорнет позволял хоть как-то различать происходящее. Прислонившись к помосту, Эйхгорн напряженно размышлял, как ему избежать вил, факелов и прочих атрибутов народного гнева. Кто-то уже кинул в него комком грязи – кажется, тот самый противный мальчишка.

Интересно, что бы в такой ситуации сделал настоящий волшебник?

По счастью, к активному бунту горожане так и не перешли. На площади появились городские стражники, а за ними подтянулись и солдаты. Парибульская армия, мягко скажем, не отличалась численностью, но для усмирения черни ее хватало.

Появились и представители властей. Эдил, коннетабль и даже епископ. При виде него народ особенно оживился, многие снова взялись прилагать персты к переносице, а юродивый завопил совсем уж дурным голосом.

– Епископ, епископ здесь!.. – громко шептались в толпе. – Его преосвященство!.. Отец Далион!..

– Тишина, – поднял сухонькую ладошку епископ. – О чем говорит этот человек?

– Боги послали нам эту кару за грехи наши! – брызгая слюной, воскликнул юродивый. – Боги карают нас за…

– Тишина! – повысил голос епископ. – Боги?.. Ты утверждаешь, что все это устроили боги?..

– Разумеется! Они требуют…

– Эй, служивый! – подозвал епископ ближайшего стражника. – Известно ли уже, сколько погибло людей?

– Шестнадцать душ пока насчитали, ваше преосвященство, – устало ответил тот. – И еще человек двадцать ранены.

– Боги покарали этих грешников!..

– А дети? – перебил епископ. – Есть ли среди погибших дети?

– Четверо.

Епископ взял юродивого за воротник и зло прошипел:

– Ты что же, обвиняешь богов в детоубийстве, смерд?..

– Я… – опешил тот.

– Стра-ажа, ко мне! – завопил епископ. – Взять этого богохульника! В темницу его!

Юродивого уволокли, и Эйхгорн не мог это не приветствовать. Глядя на епископа почти приветливо, он дружелюбно сказал:

– Ненавижу тебя, Чака.

– Да, мэтр, вы мне тоже глубоко неприятны, – сухо кивнул епископ. – Но вы вернулись как нельзя более вовремя. С чем связана эта неподобающая тряска, можете сказать?

– Просто явление природы, – пожал плечами Эйхгорн. – Стихийное бедствие.

– Никакой черной магии, демонской порчи, козней Бельзедора?.. – с подозрением уточнил епископ.

– Нет, просто движение тектонических плит.

– Вы полностью уверены?

Эйхгорн на миг заколебался. Ему вспомнился тащивший баржу голем-бурлак. В этом мире он уже немало повидал аномалий, существования которых ранее не признавал.

Тем не менее, не стоит плодить сущности. Если что-то может быть объяснено рационально – в первую очередь его следует объяснять именно так. Приплетать сверхъестественное без необходимости – глупость.

– Уверен, – кивнул Эйхгорн. – Самое обыкновенное землетрясение. У вас раньше таких не случалось?

– Говорят, при дедушке нынешнего короля было что-то подобное, – пробормотал епископ. – Но я тогда еще не родился. А вы, мэтр, как я вижу, тоже пострадали от этого… события?

– Отделался легким испугом, – промямлил Эйхгорн, глядя на епископа сквозь линзу. – Вы не знаете, где тут можно приобрести новые очки, святой отец?

– В Парибуле – нигде, – уверенно ответил епископ. – В окрестных королевствах тоже. Надо заказывать ковролетчиком или ехать в большой город.

Эйхгорн мрачно уставился на обломки своих очков. Починить

оправу возможно и в здешних условиях, но линза… линзы здесь шлифовать не умеют. Сам Эйхгорн тоже имеет об этом лишь теоретическое представление.

Наверное, проще будет ковролетчиком. Интересно, сколько они берут за доставку? Судя по тому, что здесь этими услугами пользуется только король – недешево. Оно и понятно – сколько там можно увезти на ковре-самолете? Грузоподъемностью явно не «боинг». И лететь явно не близко.

С другой стороны – Эйхгорн и без того уже подумывал отправляться в путь. Не вечно же ему сидеть в этом захолустном королевстве, потакать капризам провинциального царька.

Надо только решить что-то с транспортом…

– Кстати, мэтр, вы исполнили приказ нашего доброго короля? – поинтересовался епископ.

– А то, – угрюмо ответил Эйхгорн, демонстрируя толстый гроссбух. – Сто сорок шесть погонных метров никому не нужной белиберды. Надеюсь, его величество обосрется от счастья.

– Вы проявляете неуважение к королевскому величию, мэтр, – поджал губы епископ. – Вы знаете, какое наказание за это следует?

– Не знаю. Какое?

– Я тоже не знаю, – честно признался епископ. – Надо справиться у законников.

Вернувшись домой, Эйхгорн окончательно утвердился в мысли покинуть Парибул. Из-за землетрясения его башня покосилась еще сильнее и находиться в ней стало попросту страшно. Теперь она качалась даже на самом слабом ветру и в каждую секунду угрожала рухнуть.

– Нет, так жить нельзя, – бормотал себе под нос Эйхгорн, чиня очки.

Он склеил расколотую линзу и скрепил оправу проволокой и лейкопластырем. Лучше бы, конечно, изолентой или скотчем, да где их тут взять. Пришлось обходиться подручными средствами.

В починенном виде очки стало возможно носить, но вид они приобрели до ужаса неказистый. Эйхгорн с отвращением уставился на свое отражение.

В таких очках ходят бомжи, а он все ж таки кандидат наук!

Да еще и придворный волшебник впридачу. Надо, кстати, зайти к казначею, получить жалованье. Потом закончить перепись населения. Потом представить итоги королю. А потом…

– Слушай, малой, а какие у вас тут поблизости есть большие города? – спросил Эйхгорн у Еонека. – Не такие, как вот этот ваш Альбруин, а действительно большие.

– Поблизости-то?.. – призадумался паж. – Да никаких.

– Ну а какой вообще самый ближайший?

– М-м… Ибудун, наверное. Столица Нбойлеха. Говорят, там народу тьма!.. Поди, целый миллион!..

– Ибудун, значит… – задумчиво повторил Эйхгорн.

– Есть еще Златоград, но до него дальше. До самого Теплого моря ехать надо…

– Хорошо, тогда Ибудун, – принял решение Эйхгорн.

Глава 27

Окончательно Эйхгорн завершил перепись населения спустя одиннадцать дней. И теперь он стоял перед королем и его ближним советом, излагая ее результаты. Король развалился на троне в своих стоптанных тапках и с аппетитом хрупал спелым яблоком.

– Общее население Парибула – сорок одна тысяча шестьсот жителей, – монотонно читал Эйхгорн. – Из них одиннадцать тысяч семьсот живут в единственном городе, Альбруине, двадцать четыре тысячи пятьсот – в деревнях, коих в королевстве тридцать две, а оставшиеся пять тысяч четыреста – на хуторах, коих в королевстве сто пятнадцать.

– Эвона сколько у меня подданных-то, – важно покивал король. – Аж больше сорока тыщ. Хотя я примерно так и думал.

– Две трети населения – крестьяне, – продолжал докладывать Эйхгорн. – Основные пищевые культуры Парибула – пшеница, рожь, овес, картофель. Общая площадь пахотных полей и пастбищ для крупного рогатого скота – двенадцать тысяч триста пашен, около сорока процентов от общей площади Парибула. Еще десять тысяч пятьсот приходится на лесные массивы. Остальное – людские поселения, река Малая Кинелька и неиспользуемые территории, включая земли маркиза Форенца.

– Вот с маркизом однозначно надо что-то делать, – заметил кравчий. – Ваше величество, я вам не раз уже говорил, что это пустая трата пашен. На его полях можно посадить вилланов-арендаторов или, еще лучше, раздать хуторянам.

– Согласен! – подал голос казначей.

– Ну я же не могу просто так взять и отобрать у маркиза владения, – проворчал король. – Меня тогда тираном назовут. Понимаю, что он дундук и вредит казне, но – паргороново пламя! – он в своем праве! Его земля – как хочет, так и распоряжается!

– А сколько маркизу лет, и кто у него наследник? – поинтересовался эдил.

– Сорок два года, – тут же ответил Эйхгорн. – Холост, бездетен, прямых наследников нет. Ближайший родственник – шевалье Нангини, двоюродный племянник. Состоит в королевской гвардии.

– Не старый еще, – прокомментировал эдил. – А со здоровьем у него как?

– Насчет здоровья не справлялся, – сухо ответил Эйхгорн.

Все задумались. О маркизе Форенце вообще мало кто что

знал – тот был законченным нелюдимом, своего замка практически не покидал, и никто здесь даже не помнил, как он выглядит. Живет себе на отшибе такой чудак – ну и нет до него никому дела.

При этом он оставался одним из богатейших людей королевства. Его земельные владения уступали только собственно королевским. Более тысячи пашен плодородной почвы, почти четырнадцать тысяч гектаров! Для крошечной страны вроде Парибула – совсем не пустяк.

– Ладно, с маркизом мы разберемся позднее, – подытожил король. – Бухти дальше, мэтр, чего ты там еще насчитал.

– Трактиров в королевстве – пятьдесят шесть… – продолжил Эйхгорн.

– Ого! – поразился король. – Вот это ж горазды у меня подданные пожрать-то!

– Из них четырнадцать – в Альбруине, тридцать шесть – в деревнях, и еще шесть – просто возле дорог. Трактиры подразделяются на кабаки, в которых подают только выпивку, корчмы, в которых подают не только выпивку, но и еду, и собственно трактиры, в которых можно и выпить, и поесть, и снять комнату. Эти в основном придорожные.

– А сколько чего? – с интересом заерзал король. – Ты ж и это сосчитал, мэтр?

– Разумеется, – пожал плечами Эйхгорн. – Кабаков – восемнадцать, корчем – двадцать восемь, трактиров гостиничного типа – десять.

Дальше Эйхгорн привел данные переписи населения. Сколько, кто, где. Кучу самых разных цифр и данных.

Например, в административном аппарате Парибула оказалось сто два человека. Тридцать городских стражников, исполняющих полицейские функции, двадцать шесть егерей, делающих то же самое, но уже за пределами города, восемнадцать писарей, шестнадцать сборщиков налогов, восемь таможенников, двое экзекуторов, судья и палач.

А численность армии – двести человек. Все – профессиональные солдаты, получающие жалованье. Из них сто шестьдесят – пехота и сорок – кавалерия. Большинство служит уже долгие годы, многие имеют семьи.

Кроме того, есть гвардия из двенадцати шпаг и двадцать человек дворцовой стражи. В страже служат тримейские наемники, а гвардию набирают из младших дворянских сыновей.

Голубая кровь Парибула насчитывает двести пятнадцать человек, из них сто восемьдесят четыре – нетитулованные шевалье и дамы. Также имеется семь баронов и столько же

баронесс, шесть виконтов, четыре виконтессы, три графа, две графини и два маркиза.

Духовенство насчитывает сто тринадцать человек. Из них пятьдесят три – жрецы и жрицы, тридцать семь – причетники разных типов (от звонарей до продавцов индульгенций), двадцать – монахи (все странствующие или отшельники, монастырей в Парибуле нет), а кроме того – епископ и два видама.

Храмов в стране тридцать пять, из них три – в Альбруине, остальные – деревенские. Среди храмов двадцать четыре – общего типа, посвященные всему местному пантеону, и одиннадцать – персонализированные, посвященные одному конкретному богу. Среди них три посвящены Космодану, два – Гильфаллерии, один – Алемиру, один – Елегиасту, один – Лилейне, один – Медеору, один – Соларе, и один – Юмпле.

Общее же количество населения, если приводить точное число – сорок одна тысяча шестьсот пять человек. Хотя Эйхгорн был уверен, что оно уже изменилось – людям свойственно периодически рождаться, умирать и переезжать из страны в страну. Но он насчитал сорок одну тысячу шестьсот пять человек.

Девяносто девять и восемь десятых процентов населения Парибула – люди европеоидного типа. Тем не менее, Эйхгорну удалось отыскать аж восемьдесят три представителя иных рас и биологических видов. Из них:

– людей негроидного типа, называющих себя ямстоками, – 15;
– людей монголоидного типа, называющих себя чинами, – 3;
– зеленокожих карликов, называющих себя гоблинами, – 16;
– крокодилоподобных созданий, называющих себя акрилианами, – 12;
– обезьяноподобных созданий, называющих себя симами, – 10;
– крысоподобных созданий, называющих себя крысолюдами, – 8;
– птицеподобных созданий, называющих себя гарпиями, – 7;
– кошкоподобных созданий, называющих себя фелинами, – 6;
– насекомоподобных созданий, называющих себя лесшами, – 3;
– здоровенных уродов, называющих себя троллями, – 2;
– лысого великана в рясе, называющего себя братом Чилиндроном, – 1.

Еще три месяца назад Эйхгорн не поверил бы, скажи ему, что подобные существа могут водиться на свете. А теперь – ничего

особенного. Он преспокойно отобедал в акрилианской корчме, ничуть не пугаясь клыкастого, покрытого чешуйчатой броней повара. Он прекрасно расслабился в салоне тетушки Сромм, нисколько не удивляясь тому, что массажистка покрыта шерстью и мелодично мурлычет во время работы. Он почти сутки бродил по альбруинским свалкам, пересчитывая гоблинов, крысолюдов и лесшей – и сильно сомневался, что сосчитал всех. Он имел занятнейшую беседу с монахом-отшельником, живущим в лесной избушке – и его не смущало то, что этот монах ростом с трехэтажный дом.

Все это Эйхгорн скрупулезно изложил королю. Тот поначалу слушал внимательно и с интересом, но постепенно заскучал. Когда дело дошло до переписи занятости, король устало махнул платком – аудиенция окончена. Эйхгорн по инерции еще некоторое время зачитывал данные, но король издал недовольный звук, и его придворный волшебник неохотно замолк.

Жаль, что не удалось досказать – Эйхгорн как раз подступил к самому интересному. Большинство деревенских парибульцев назвались крестьянами – вилланами, батраками или свободными хуторянами. Но вот в городе нашлось множество довольно экзотических профессий.

Особенно таковыми оказался богат базар. Там был специалист по красивому раскладыванию продуктов на прилавке. Был смотритель, просматривающий яйца на свет и выявляющий несвежие. Был умелец, расплющивающий у брабулякров грудную кость, чтобы те казались жирнее. Был мясник, изготавливающий искусственные окорока из старых костей и мясных обрезков. Был создатель глазков на бульоне – он набирал в рот ложку рыбьего жира и распылял его над котелком, отчего водянистый супчик приобретал наваристый вид.

– Ну, я вижу, ты проделал немалую работу, мэтр, – промямлил король, рассматривая толстый гроссбух. – Уверен, все это нам пригодится… где-нибудь.

– О, ваше величество, мне это очень пригодится, – проскрипел казначей. – Это поможет переосмыслить нашу систему налогообложения, проект реформы которой я подавал вам уже шесть раз, а в ближайшие несколько дней подам в седьмой.

– Налоги, налоги… – проворчал король. – Ты только и знаешь, что налоги… Дай тебе волю, ты и меня налогами обложишь…

– Хорошо, что вы сами об этом заговорили. Седьмая редакция моей реформы предусматривает небольшое, но – я уверен, вы

согласитесь – справедливое налогообложение королевской семьи…

– Энтегу, а ты не умом ли тронулся? – заботливо спросил король. – Это ты чего хочешь – чтобы я сам себе налоги платил?

– Государственная казна не является вашей личной собственностью, ваше величество, – заметил казначей.

– А чьей собственностью она является – твоей, что ли?! – поразился король. – Не, ну ты иногда как скажешь что-нибудь…

Эйхгорн прочистил горло, напоминая о своем присутствии. Король окинул его рассеянным взглядом, словно недоумевая, отчего этот человек по-прежнему стоит перед троном, а потом оживленно щелкнул пальцами.

– Кстати! – заявил он. – Совсем забыл же! Ты, мэтр, для какой такой надобности в Кинелию забрел? Ты понимаешь, что у нас с ними… э-э… а-а… ну не то чтобы война, конечно, мы тут все за мир, но… ты мне всю международную политику портишь, ты понимаешь? Я тебя зачем посылал? Подданных моих считать! Моих, понимаешь? Ключевое слово – моих. Зачем ты в другую страну поперся?

– Это получилось случайно, ваше величество, – ровным голосом ответил Эйхгорн.

– Еще бы ты туда нарочно влез. Но я тебя все равно с трудом выцарапал, ты понимаешь? Ты мне теперь должен. Кинельская королева уже хотела тебя в магиозы записать и следствие начать. Я ее еле уговорил тебя отпустить.

Эйхгорн не понял значения слова «магиоз», но прозвучало оно как-то неприятно.

– Я еще раз приношу свои извинения, – сказал он.

– Извинения он приносит, – проворчал король. – Извинения он, понимаешь, приносит. А мне что – воду пить с твоих извинений? Их на хлеб не намажешь и в бокал не нальешь. Всю международную политику мне испортил, провокатор.

– И что, теперь война будет? – осведомился Эйхгорн.

– Да какая еще война… Просто очень долгие переговоры. А ты, мэтр, иди пока что. За проделанную работу хвалю, но за раздувание международных конфликтов будешь наказан.

– Как?

– А я еще не придумал, – честно признался король. – Но я придумаю.

Глава 28

Королевская угроза заставила Эйхгорна слегка встревожиться. Мысленно он перебирал принятые в Парибуле наказания, гадая – какое из них применимо к его ситуации? Король в свое время уже обещался дать сто пятьдесят палок – но это за обман, за попытку выдать себя за волшебника. Теперь же Эйхгорн считается настоящим волшебником… как тут принято наказывать волшебников?

Эйхгорн попытался выяснить это у пажа и эдила, но первый ничего не знал, а второй был не в настроении болтать. Зато неожиданно удалось разговорить епископа, когда тот сидел на скамейке возле фонтана. Эйхгорн заметил, что он частенько там посиживает – читает книгу, играет сам с собой в какую-то настольную игру или просто созерцает цветение яблонь.

Хотя сегодня яблони не цвели. Наоборот, на них уже созрели плоды, и в сад явились сборщики. Убирать королевский урожай считалось почетной работой, поэтому за нее не платили – проходило как «субботник». Зато каждый сборщик получал в награду большую кружку королевского сидра – его варили дважды в год, и расходился он моментально. То ли яблоки в дворцовом саду росли какого-то особого сорта, то ли просто действовал эффект плацебо, но все сходились, что королевский сидр – это вкуснейший напиток на белом свете.

Присев рядом с епископом, Эйхгорн осторожно поинтересовался, как дела у того юродивого, что сеял панику во время землетрясения. Епископ сухо ответил, что тот все еще в темнице. Впаяли ему аж целую луну позорного столба – так что теперь бедолагу ежедневно с утра привязывают на площади, а вечером возвращают в камеру.

– В Парибуле слишком мягкие законы в отношении богохульников, – поджал губы епископ. – Слишком мягкие. Я бы его еще и на ночь оставлял на площади, но судья проявил неуместное сострадание.

– То есть это не вы решение принимали? – уточнил Эйхгорн.

– В Парибуле действуют светские законы. Я властен судить только жрецов.

– А волшебников? – как бы невзначай спросил Эйхгорн.

– К моему сожалению – нет, – очень пристально посмотрел на него епископ. – А что, вас есть, за что судить, мэтр? Кроме вопиющего вольнодумства, разумеется.

– Нет, это я так, разговор поддержать.

Ведя расспросы обиняками, Эйхгорн выяснил еще немало

интересного. Оказалось, что само по себе волшебство в этом мире преступлением не считается – по крайней мере, в большинстве стран. Впрочем, это и так было понятно – раз уж существует официальная должность придворного мага. Однако если волшебник использует магию во вред окружающим, его провозглашают магиозом – волшебником вне закона. И дальше возможен один из трех вариантов.

Первый – суд самих волшебников. Так называемый Кустодиан. Это самое лучшее, поскольку смертной казни у волшебников нет. Они просто сажают в специальную тюрьму, на время лишая волшебной силы. Или навсегда – зависит от тяжести проступка. Поскольку у Эйхгорна оная сила и так отсутствует, его подобное наказание не испугало.

Второй – суд церковный. Инвизиторий. Они жестче волшебников, запросто могут и казнить, однако судят честно, справедливо и беспристрастно. Невинных никогда не карают. Впрочем, к этой информации Эйхгорн отнесся скептически, поскольку получил ее от лица явно необъективного.

Третье – антимаги. Эти хуже всего, поскольку они вообще не судят, а наказание применяют только одно – смерть. Их охотники рыщут по миру, выискивая волшебников, объявленных вне закона. Они бы с огромным удовольствием убивали всех волшебников подряд, поскольку ненавидят любую магию и ее носителей, но тогда вне закона объявят уже их самих. Так что законопослушных чародеев они все же не трогают… обычно.

Также в некоторых странах для магиозов возможен светский суд, но чаще всего они умывают руки, передавая преступника Кустодиану, церкви или антимагам.

Хотя Эйхгорну все это вряд ли грозит. Он ведь всего лишь незаконно пересек границу. Мистерии до такой ерунды нет дела, Церковь вообще не считает подобное преступлением, а антимаги… ну, эти-то охотно прикончат любого волшебника просто за то, что он волшебник, но вряд ли король станет их вызывать.

– Эй, мэтр, где ты там?! – окликнули Эйхгорна королевским голосом. – Иди сюда, придумал я тебе наказание!

Его величество тоже принимал участие в сборе яблок. Работал бок о бок со своими подданными, как Ленин на субботнике. Эйхгорн решил, что его наказанием будет общественно-полезный труд, и воспрял духом, но оказалось, что король задумал кое-что другое…

Облаченный в простую тунику и сандалии, король Флексиглас срывал с ветвей ярко-красные налитые плоды. Дело спорилось – возле его величества уже высился туго набитый

мешок, а рядом съежился другой, тоже постепенно заполнявшийся.

Но короля ужасно отвлекали дети. Гектак и Зиралла, принц и принцесса Парибула, носились вокруг папы, играя в салочки… так сначала показалось Эйхгорну. Потом он понял, что Гектак просто стащил у сестры куклу, и та пыталась поймать его и стукнуть тяпкой. При этом оба совершенно не царственно орали и визжали.

– Вот! – рявкнул король. – В качестве наказания препоручаю тебе моих отпрысков! Будешь их домашним учителем, пока не приедет новый!

Эйхгорн сначала посмотрел на маленьких принца и принцессу. Те перестали бегать и настороженно посмотрели в ответ. Принцесса робко ударила брата тяпкой.

К детям Эйхгорн всегда относился с опаской. Своих у него не было, и заводить их он не планировал. Дети – существа вопиюще алогичные и сложные в обращении, от них никогда не знаешь, чего ожидать. Эйхгорн подобного не любил.

Но спорить он не стал и к королевскому решению отнесся с пониманием. Оно как раз очень логично.

Простые дети в королевстве ходят в церковно-приходские школы. В деревнях таковые совмещены с храмами, в городе для этого есть специальные учреждения (хотя опять же при храмах, и учат там все те же клирики). Но у королевских детей, ясное дело, имелся домашний учитель.

Только вот две недели назад он скоропостижно скончался. Король, понятное дело, выпишет нового, но пока что с детьми кому-то надо заниматься – и он выбрал придворного волшебника. Как бы в наказание за то, что проштрафился.

Хотя на самом деле, конечно, просто потому, что он тут самый образованный.

Кому еще-то? Не стражникам же, не лакеям. У казначея, епископа или королевского секретаря своих дел хватает. А Эйхгорн после окончания переписи населения ничем не занят.

– Слушаюсь, ваше величество, – без особого воодушевления сказал он. – Пойдемте, ваши высочества, попытаюсь научить вас чему-нибудь полезному…

– Ты там построже с ними, – посоветовал король. – Будут шалить – наказывай. Только розгами бить не смей – королевская кровь все-таки. Просто превращай на время в лягушек или как там у вас, волшебников, принято.

Глаза маленьких принца и принцессы испуганно расширились. Кажется, они восприняли угрозу всерьез. И Эйхгорн не был до конца уверен, насколько серьезен сам король – просто

пугает или действительно не против получить пару жаб вместо детей?

Специальной классной комнаты во дворце не было. Прежний воспитатель занимался с детьми по методу перипатетиков – в саду, на свежем воздухе. Во время плохой погоды занятия просто отменяли.

Эйхгорн решил не нарушать традицию. В дальнем конце сада, где росли розовые кусты, нашлось укромное место, куда не забредали сборщики яблок. Там имелась просторная беседка, вполне годившаяся для занятий. Ее со всех сторон обвивал плющ, в центре стоял небольшой столик, а вокруг – три лавочки. Юный дофин немедленно вскарабкался на одну из них с ногами и принялся ковырять в носу.

А Эйхгорн раскрыл книгу. В качестве основного учебного пособия он взял пухлый талмуд под названием «Обучатель». Здесь по этой книжке занимаются все поголовно – и полистав ее, Эйхгорн вполне одобрил работу неизвестного автора. Довольно толковая вещь.

С поправкой на средневековое сознание, конечно.

В начале содержался букварь. Азбука, таблицы слогов, цифр и чисел, основы грамматики и арифметики. В середине задачник и книга для чтения, состоящая из отрывков Ктавы (в основном притчи) и классических литературных произведений. Довольно много стихов. А в конце – зачатки естественных наук и богословия. Впрочем, здесь эти вещи особо не разделяли – история плотно переплеталась с мифологией, биологию как будто писал Борхес, а физика считала основной движущей силой мироздания божественную волю.

У Эйхгорна не было опыта в преподавании. Пару лет назад ему предлагали место в одном университете, но он отказался. Там же придется постоянно общаться со множеством людей, в особенности студентов, а студенты по большей части идиоты. Эйхгорн не любил общаться с идиотами.

Уж лучше дети – они тоже чудовищно глупы, но их по крайней мере оправдывает незначительный возраст. Всегда остается шанс, что с годами они немного поумнеют.

Призрачный шанс, но все-таки.

– Когда у вас было крайнее занятие? – спросил Эйхгорн.

Дети недоуменно переглянулись. Зиралла наморщила лоб и спросила:

– А крайнее занятие – это что?

– Последнее, – поправился Эйхгорн. – Когда у вас было последнее занятие?

– В день Плюшевого Медведя! – радостно выдал Гектак.

Теперь уже Эйхгорн недоуменно нахмурился – он не помнил в местном календаре ничего плюшевого. Но Зиралла тут же хлопнула брата по макушке и заявила:

– Дурак! Не Плюшевого, а Бархатного! А потом мэтр Штобен заболел и… уже не выздоровел.

– Он помер, да? – дернул сестру за подол дофин.

– Ушел к Подземному Владыке, – наставительно сказала инфанта. – Мама велит так говорить.

– Про Подземного Владыку как-нибудь в другой раз, – прервал ее Эйхгорн. – Какая у вас была тема последнего занятия?

Дети снова недоуменно переглянулись.

– Что вы проходили… изучали? – терпеливо повторил Эйхгорн. – Про что вам рассказывал мэтр Штобен в последний раз?

– Про сотворение мира! – радостно заявила Зиралла.

– М-дэ?.. – слегка скис Эйхгорн. Он предпочел бы таблицу умножения. – Ну и как же его сотворили?

– Сам сотворился! – воскликнула Зиралла.

– Сам сотворился! – одновременно с ней воскликнул Гектак.

– Из Хаоса вылез!

– С кучей чудищ!

– А потом боги пришли и порядок навели!

Эйхгорн насмешливо хмыкнул. В общем и целом по учебнику, да. Здешняя космологическая модель немного похожа на древнегреческую – вначале был Хаос, потом из него зародился мир, на нем расплодились всякие гигантские монстры вроде гекатонхейров, а потом откуда-то извне явились боги и все разложили по полочкам.

– Ну, про всякую мифологию вам расскажет кто-нибудь другой и в другой раз, – сказал Эйхгорн. – А мы сегодня будем писать диктант. Берите писчие принадлежности.

Эйхгорн подготовился к уроку основательно. Сначала он хотел принести стандартные перья и чернильницы, но внезапно обнаружил, что у королевских детей имеются карандаши. Причем не привычные графитовые, а с серебряной иголкой вместо грифеля. Писали они бледновато, но вполне разборчиво.

Впрочем, к предложению написать диктант принц с принцессой отнеслись без энтузиазма. Прежний учитель не напрягал их заданиями. На уроках он либо ненавязчиво что-то бубнил, либо вообще тихо дремал, предоставляя ученикам полную свободу.

Но он хотя бы научил Зираллу и Гектака читать и писать. Уже что-то. Неизвестно, правда, насколько хорошо они это умеют, но Эйхгорн именно это и собирался выяснить.

– Берем карандаши, пишем, – распорядился он. – Скребницей чистил он коня, а сам ворчал, сердясь не в меру…

Благодаря почти фотографической памяти Эйхгорн помнил наизусть все стихи, что когда-либо прочел. Правда, прочел он их не так уж много, причем большую часть – еще в школьном возрасте.

Того же пушкинского «Гусара» он знал только до середины – именно до середины читал его вслух в четвертом классе. Потом учительница остановила его и велела продолжать Тане Пузенковой – это Эйхгорн тоже помнил.

Помнил он и то, что перестав читать, тут же принялся играть в «Жизнь» на последней странице тетрадки, совершенно не интересуясь окончанием стихотворения.

Принц с принцессой неохотно скрипели карандашами. Эйхгорн заметил, что пишут они во всю ширь страницы, как прозой, но не стал их поправлять. Все равно в переводе стихи утратили рифму и размер. Чем бы ни было загадочное явление, благодаря которому Эйхгорн овладел местным языком, поэтическими способностями оно не обладало.

– То ль дело Киев! Что за край! – с выражением читал Эйхгорн. – Валятся сами в рот галушки! Вином – хоть пару поддавай…

– Мэтр, а Киев – это где? – спросила Зиралла.

– И что такое галушки? – присоединился Гектак.

– Киев – это город, очень далеко отсюда. А галушки – это… – Эйхгорн на миг запнулся, поскольку сам не знал, – …это клецки такие.

Принц с принцессой продолжили писать, а Эйхгорн встал с лавки и заглянул им через плечи. Ему стало любопытно, как они написали встречавшееся ранее слово «турецкий» – оно явно тоже осталось непереведенным, но про него дети не спросили.

Оказалось, что Зиралла написала «как на стрелецкой перестрелке», а Гектак – «как на дурацкой перестрелке». Причем юный дофин еще и нарисовал на полях двух лучников в дурацких колпаках.

Довольно талантливо нарисовал, надо заметить.

– Ладно, достаточно, – сказал Эйхгорн, продиктовав еще две строфы. – Показывайте, что вы там написали.

– Не покажу, – почему-то заупрямилась Зиралла.

– Я тоже, – тут же собезьянничал ее братец.

Эйхгорн уставился на них снулым взглядом. Вот именно поэтому он и не любил детей. Иногда возникает ощущение, что в своих действиях они руководствуются генератором случайных чисел.

– Если я вам наколдую по конфете, покажете? – помолчав, спросил он.

– Да! – хором ответили маленькие мерзавцы.

Именно для такой ситуации Эйхгорн припас несколько леденцов. Здесь их делали из вареного сахара – обычно в форме каких-нибудь животных. Сейчас Эйхгорн просто взмахнул руками и прикинулся, что вытаскивает конфеты из ушей принца и принцессы. Фокус получился убедительным, и дети восторженно заверещали.

Пока они грызли сладости, Эйхгорн подумал, что совершил педагогическую ошибку. Нельзя было вот так сразу их подкупать – теперь они постоянно будут ожидать награды за любой пустяк.

Но сделанного назад не воротишь.

Впрочем, репутацию Эйхгорна этот простенький трюк повысил. Теперь дети стали слушаться чуть-чуть охотнее.

Чуть-чуть.

Спустя пару занятий Эйхгорн уже знал своих учеников немного лучше. Так, принцесса Зиралла оказалась весьма способной в грамматике и обладала на редкость красивым почерком. Но в свои восемь лет она уже была настоящей перфекционисткой, искренне считая себя посредственностью. Именно поэтому ужасно стеснялась своих работ, не желая никому их показывать. Эйхгорн пытался убедить девочку, что все намного лучше, чем ей кажется, но та скептически фыркала, уверенная, что тот ей льстит, потому что она королевская дочка.

В отличие от сестры, принц Гектак писал неряшливо и делал кучу ошибок, зато недурно рисовал. Делал он это все время, ухитряясь вплетать простенькие картинки даже между строчек. Учебный процесс как таковой навевал на мальчика скуку – он постоянно вертелся, отвлекался и порывался чем-нибудь кинуть в учителя. На уроке арифметики с ним было особенно трудно – сухие цифры казались ему до смерти тоскливыми, и он просто не умел решать отвлеченные примеры. Только задачи на конкретные темы, причем желательно поинтереснее.

– Значит, так, – задумчиво произнес Эйхгорн, постукивая по столу карандашиком. – Вот вам математическая задачка. Два землекопа вырыли траншею за четыре часа. А три землекопа – за пять. Ну, третий был вредитель. Требуется узнать, за какой срок эти три землекопа вырыли бы траншею, если бы за спиной у третьего стоял чекист.

– Мэтр, а кто такой чекист? – полюбопытствовала Зиралла.

– Дяденька такой с наганом.

– А что такое наган?

– Оружие такое, огнестрельное.

– А огнестрельное – это как?

– Лук с горящими стрелами, глупая, – с чувством собственного превосходства заявил Гектак.

– Примерно, – не стал вдаваться в подробности Эйхгорн. – Решаем задачу.

Гектак первым делом нарисовал иллюстрацию. Ров, рядом двух плечистых работяг с лопатами, потом третьего – ужасно похожего на тролля. Сзади – стражника с луком.

Пока он рисовал, Зиралла исписывала бумажку цифрами. Написав последнюю, она заявила:

– За шесть часов!

– Почему? – моргнул Эйхгорн.

– Ну вот же – двое роют за четыре, значит трое – за шесть!

Эйхгорн приоткрыл рот, чтобы объяснить ошибку, но потом вспомнил, что говорит с восьмилетней девочкой. Сам то Эйхгорн в этом возрасте подобные задачки уже щелкал, как орехи, но вообще-то он никогда не был типичным ребенком…

Наверное, стоит начать с чего-то попроще.

Глава 29

Прошло две недели, сбор яблок закончился, а Эйхгорн все больше тяготился своей новой ролью репетитора. Он просто не был создан для преподавания. Все чаще Эйхгорн спрашивал у короля, когда же прибудет настоящий учитель, но тот отделывался неопределенным хмыканьем и отводил взгляд.

Как раз его ситуация вполне устраивала – придворный волшебник наконец оказался пристроен к чему-то полезному, да и дети в кое-то веки занялись делом. Зачем приглашать еще кого-то? Казна не бездонная.

К тому же Эйхгорн хоть и ходил с постным лицом, справлялся вполне сносно. Он исходил из аксиомы, что дети тупые и вздорные существа, поэтому объяснять материал нужно предельно доходчиво и занимательно. С примерами из жизни, иллюстрациями и применением в быту. Идиотам неинтересна чистая наука – им интересно, как ее можно использовать.

Сегодня Эйхгорн с помощью двух лакеев и четырех пажей устроил в саду эксперимент Кавендиша. Под его руководством возле беседки установили столб с перекладиной, похожий на виселицу, и к ней подвесили двухметровое деревянное коромысло. Эйхгорн прикрепил к его концам маленькие свинцовые шары, отлитые дворцовым кузнецом, и стал раз за разом подносить к ним другие шары – в несколько раз больше и на порядки тяжелее.

Таким образом Эйхгорн надеялся вычислить гравитационную постоянную Парифата. Хотя погрешности измерения его ужасно расстраивали. Во дворце не нашлось достаточно больших помещений (использовать столовую король не позволил), а на конюшне или псарне было слишком много помех, так что пришлось делать это на открытом воздухе. Конечно, Эйхгорн дождался абсолютного штиля, да еще и сколотил вокруг установки ветрозащитный барьер, но погрешности все равно получались непростительные.

Чтобы свести их к минимуму, Эйхгорн повторил эксперимент бессчетное число раз. Долгие часы он заставлял коромысло закручиваться под воздействием гравитационных сил – едва заметно, разумеется. Угол поворота Эйхгорн определял лучом света, пущенным на прикрепленное к коромыслу зеркальце и отраженным в телескоп.

Телескоп Эйхгорну нежданно-негаданно презентовал король. Он еще несколько лет назад выписал его ковролетчиком, желая наблюдать за небесами. Однако те оказались далеко не такими

интересными, как королю представлялось – он не увидел ни Дельфина, ни Медведя, ни Ястреба, ни других созвездий. Не увидел он и божественных чертогов, о которых толкуют жрецы. Ему удалось найти какую-то другую планету, но даже в телескоп та осталась всего лишь маленьким кружочком – а король-то полагал развлечься, подглядывая за ее обитателями.

Так что поигравшись немножко, его величество забросил телескоп в кладовую – а теперь вот вспомнил и отдал Эйхгорну, чтобы тот учил детей астрономии. Именно после этого Эйхгорн и замыслил эксперимент Кавендиша – без мощного увеличительного прибора измерить угол отклонения коромысла было просто невозможно. Слишком уж незначительно влияли друг на друга свинцовые шары.

Снова и снова тщательно все измеряя, Эйхгорн наконец получил усредненные данные, которые счел достаточными. А проделав все необходимые вычисления, он получил значение гравитационной постоянной – 6.8×10^{-11} $м^3 \cdot с^{-2} \cdot кг^{-1}$. Поскольку эксперимент проводился в крайне грубых условиях, реальное число может отличаться на две или три десятых, но вряд ли больше.

Таким образом можно считать, что гравитационная постоянная здесь такая же или почти такая же, как дома. Следовательно, если ускорение свободного падения равно земному (а по ощущениям оно именно таково), средняя плотность этой планеты вчетверо меньше земной – всего лишь 1.38 $г/см^3$. Это означает, что ее масса равна всего лишь 9×10^{25} кг.

Эйхгорн поджал губы. Очень, очень сомнительно, что сверхземля такой величины может обладать столь малой массой. Более вероятно, что он чего-то не учел. Возможно, здешний воздух искривляет путь лучей намного сильнее. Возможно, в эксперимент Кавендиша вкралась грубая ошибка. Возможно… много чего возможно.

Нет, положительно необходимо перепроверить измерения иным способом. И Эйхгорн даже знал, как это сделать. Только для этого понадобится транспорт… и желательно, летательный.

К тому же Эйхгорн не мог выбросить из головы показания вормолеграфа и то исчезнувшее дерево. В этом мире наверняка есть и другие кротовины. И одна из них наверняка приведет его обратно на Землю.

Хотя если бы Эйхгорну предложили вернуться прямо сейчас, он бы отказался. Он еще ничего толком не открыл. Парибул измерил вдоль и поперек, верно, но Парибул – это всего лишь крошечное королевство где-то на задворках.

Альпинисты дома спросят – а на какие вершины ты, Сидор,

там поднимался? Какие вообще на Парифате есть горы? И ответить нечего.

Спелеологи дома спросят – а в какие пещеры ты, Сидор, там залезал? Какие вообще на Парифате есть подземелья? И ответить нечего.

Дайверы дома спросят – а в какие водоемы ты, Сидор, там нырял? Какие вообще на Парифате есть моря и океаны? И ответить нечего.

Про парашютистов и парапланеристов и говорить нечего. В лицо же плюнут, руки не подадут.

Кстати о парапланеристах. У Эйхгорна появилась идея насчет транспорта. Собственно, она зародилась еще месяц назад, когда он нашел в Парибуле самородный алюминий, но теперь Эйхгорн решил претворить ее в жизнь.

Самолет. Вот что он задумал построить. Не Ту-104, разумеется, а самый простой из тех, что способны поднять человека. Сверхлегкий одноместный моноплан. Теоретически его можно сделать даже в средневековых условиях. На практике, конечно, это не проверялось… ну вот Эйхгорн и проверит.

В своих способностях он не сомневался. Если в прочих областях знания он еще мог плавать, мог чего-то не знать или не уметь, то летательные аппараты были одним из коньков Эйхгорна. Еще в подростковом возрасте он построил свой первый аэроплан – самый настоящий, действующий. Тот по-настоящему поднялся в воздух и поднял своего пилота – хомяка по кличке Покрышкин.

Правда, приземлиться самодельный самолетик так и не сумел, и бесследно исчез где-то за домами… но хомяк благополучно катапультировался. Эйхгорн потом подобрал его в соседнем дворе, хотя и успел в последнюю минуту – на бесстрашного авиатора положила глаз бродячая кошка.

Теперь Эйхгорн просто повторит все то же самое в более крупном масштабе.

Конечно, о какой-либо авионике можно сразу забыть. Никаких навигационных приборов, никакой радиостанции… да и с кем здесь связываться? Только основная конструкция – фюзеляж, крыло, хвостовое оперение, пропеллер, шасси.

Все это можно сделать из простой фанеры – как делали на самой заре авиастроения. Но на таком самолете Эйхгорну лететь не хотелось. Нужен металл. Лучше всего дюралюминий. Некоторые используют пластик, но он на поверку оказывается менее эффективен. К тому же пластик в здешних условиях достать явно невозможно, а вот с металлом попроще.

Дюралюминий – это сплав алюминия, меди и магния с

добавками марганца. И с алюминием все неожиданно оказалось очень легко. Он в этих местах действительно встречается в самородном состоянии, стоит дешево и доступен любому желающему. Хотя в быту почему-то используется редко.

Не возникло проблем и с медью. Как и на Земле, здесь ее знали с самых древних времен и использовали буквально везде.

Без труда Эйхгорн добыл и магний. Магнезит в этих краях известен хорошо, даже применяется в кирпичном производстве. Обжегши его, Эйхгорн получил оксид магния, а уже из него, электролизом – чистый магний.

Эти свои эксперименты Эйхгорн выдавал за часть учебного процесса. Он подробно комментировал, что делает – и, надо заметить, маленьким королятам это ужасно нравилось. Дофин наблюдал за обжигом магнезита с разинутым ртом, явно уверенный, что перед ним волшебство.

Увидев, как им интересно, Эйхгорн повел детей (и себя) на экскурсию в кузницу. Та скромно притулилась между конюшней и казармами стражи, ужасно дымя и шумя.

Внутри трудился королевский кузнец – широкоплечий хромой старик, очень искусный мастер. Кажется, он мог выковать буквально все – недаром же его взяли на такую службу.

Когда к кузнице подошел Эйхгорн с детьми, ее хозяин как раз подковывал лошадь. Во дворе имелся станок, куда заводили коней, но кузнец никогда им не пользовался. Даже самых бешеных рысаков он легко усмирял, а подковы делал за два нагрева, едва бросив взгляд на копыто.

Одним движением старик хватал ногу лошади и зажимал меж колен. Мгновенно отгибал гвозди и сбивал старую подкову, чистил ножом стрелку и подрезал копыто. Примеривал еще горячую, шипящую подкову, чуть подправлял молотком, охлаждал в ведре с водой и в считаные секунды прибивал к копыту. Потом скусывал концы гвоздей клещами, слегка прохаживался рашпилем – и лошадь уже «переобута».

Кроме этого хромца в кузнице работали два подмастерья. Втроем они обслуживали всю королевскую армию и стражу – ковали латы, оружие, арбалетные болты. Старый мастер делал тончайшие шпаги и тяжелые алебарды, ажурные каминные решетки и невесомые на вид канделябры. И для Эйхгорна он тоже выполнил уже немало заказов – неизменно дивясь чудачествам придворного волшебника.

Сегодняшний заказ вызвал у него особенное удивление. Эйхгорн начертил целую кучу изделий – этакие нелепые огромные доспехи, которые непонятно для чего могут быть нужны. Кузнец рассматривал листы бумаги битый час, чесал в

затылке, то и дело уточняя какие-то мелочи.

А сильнее всего его удивило то, что и сплав нужен какой-то заковыристый. Обычное железо, никель или бронза не подойдут, нужна нержавеющая сталь и некая совсем уж странная смесь под названием «дюралюминий».

– Хотя нет, лучше кольчугалюминий, – тут же передумал Эйхгорн. – Для этого придется немножко изменить пропорции и добавить немного никеля.

– Еще и никеля? – почесал в затылке кузнец. – Это зачем же, мэтр?

– Чтобы повысить прочность. Будет очень легкий и крепкий металл.

– Мэтр, а вы уверены, что это не запрещенные знания? – усомнился кузнец.

– Запрещенные?.. Кем запрещенные?.. – забеспокоился Эйхгорн.

– Да почем я знаю ваши волшебнические правила? Вдруг почну я ковать, как вы мне тут объясняете, а назавтра явится сюда кто из вашей братии, да и обратит меня в жабу! Не будет такого?

– Не будет.

– Уверены? А то я ж человек маленький, свое ремесло знаю, а в чужие не лезу. Мне волшебства вашего даром не нужно – от него, почитай, неприятностей боле огребешь, чем выгоды…

– Здесь вообще нет никакого волшебства, – терпеливо сказал Эйхгорн. – Даю слово. Это самые обыкновенные легирующие добавки. Нержавеющую сталь вы же делать умеете? Здесь то же самое.

– Хорошо, коли так, – все еще с сомнением протянул кузнец, беря лист с подробной рецептурой. – Уж поверю вам, мэтр.

По крайней мере, в дворцовой кузнице имелись все условия. Армия у парибульских королей всегда была малюсенькой, но бравой, и на амуницию не скупились. Еще при деде нынешнего короля здесь положили превосходную плавильную печь – небольшую, уступающую земным домнам и мартенам, но отвечающую всем требованиям.

И однако дело обещало затянуться надолго. У кузнеца с подмастерьями хватало работы и без выкрутасов придворного волшебника. А металла даже для сверхлегкого самолета нужно очень немало.

Но это все-таки дело решаемое. Планер Эйхгорн сварганит. Гораздо важнее другой вопрос – как заставить эту конструкцию взлететь?

Двигатель. Двигатель – это чертовски большая проблема. Топливо для него Эйхгорн сделать сможет – он уже узнал, нефть

тут встречается, и ее даже используют в строительстве. Перегонный аппарат у Эйхгорна уже есть и отлично показал себя в деле – керосин из нефти он получит без труда.

Но куда его заливать? Эйхгорн не обманывал себя, считая, будто сможет сделать в этом средневековье хотя бы поршневой двигатель внутреннего сгорания.

О реактивном он даже не мечтал.

Хотя нет, он сможет, конечно. Не атомный реактор все-таки. Только уйдут на это многие месяцы. Многие месяцы кропотливого труда… и не то чтобы Эйхгорн возражал, но тогда уж быстрее пешком дойти.

Он прикинул расстояние по королевской карте – до вожделенного Ибудуна отсюда шестьсот-семьсот километров. Вполне преодолеваемое расстояние, особенно если обзавестись той же бричкой с парой лошадей. На это у Эйхгорна наличных средств уже хватает.

Правда, добрая половина пути идет через пустыню. Вообще, если верить карте и рассказам местных, Нбойлех большей частью расположен в песках.

Так или иначе, этот вариант Эйхгорн оставил про запас. Пока что он решил работать над самолетом и искать способ упростить производство двигателя. Его уже здорово выручил самородный алюминий – наверняка в этом мире найдется еще что-нибудь, способное оказаться полезным. То же волшебство… Эйхгорна аж передернуло при этой мысли. Раньше он и помыслить не мог, что будет всерьез обдумывать, как приспособить магию к авиастроению.

– Используй то, что под рукою, и не ищи себе другого, – сделал аудиозаметку Эйхгорн.

Теперь его жизнь вошла в рутинную колею. Утром он занимался с королевскими детьми, днем сам учился у кузнеца его ремеслу, а вечерами просиживал в лаборатории, пытаясь решить проблему с силовой установкой.

В поисках решения Эйхгорн опросил чуть ли не всех ремесленников Альбруина и перерыл кучу книг в городской лавке. К его огромному разочарованию, приобрести Озирскую энциклопедию так и не удалось – когда Эйхгорн наконец явился с деньгами, та оказалась уже продана. Ее купил какой-то заезжий купец – мол, жена у него книгочейка, будет ей подарочек.

И это, разумеется, был единственный экземпляр. Торговец только развел руками – мол, кто же знал? Это Луномеры, да «Домохозяйку» разбирают, как горячие пирожки, «Обучатель» тоже в каждом доме имеется, а энциклопедия… два года пылилась себе, кроме мэтра никто не интересовался. Больно уж

дорогая, стерва, простому человечку не укупить. И вот нате вам.

Конечно, Эйхгорн не рассчитывал найти в этой энциклопедии инструкцию по сборке двигателя. Но все равно досадно.

Зато он купил и проштудировал другую книжку – «Путешествие в Нбойлех» Жуаля Гетуорре. Написавший ее путешественник прожил четыре года на западном побережье Нбойлеха и оставил подробное описание его обычаев, а особенно – города Ибудун. И хотя географические, исторические и культурологические сведения то и дело перемежались размышлениями на отвлеченные темы и жалобами по поводу скверного климата, Эйхгорн почерпнул из книжицы немало полезного.

День шел за днем, неделя за неделей. Недели, правда, отсчитывал только Эйхгорн – по местному календарю заканчивалась луна Скарабея и начиналась луна Лебедя.

Все с нетерпением ждали десятое число – Фарфоровый Лебедь, или Сытый День. Если три луны назад, в день Фарфорового Ястреба, люд упивался спиртным, то теперь будет обжираться. На площадях выставят столы с угощением, а корчмари сделают тройную выручку. Страшно представить, сколько скота будет зарезано и сколько народу сляжет с несварением.

А позади кузницы продолжали копиться кольчугалюминиевые листы. Их становилось все больше. Эйхгорн по-прежнему искал альтернативное решение для двигателя, но все чаще задумывался о том, чтобы просто его сделать. В конце концов, технологию он знает назубок – вопрос лишь в том, как выточить с достаточной точностью детали, не имея даже элементарных станков.

Может, вначале сделать станок?..

А потом Эйхгорн неожиданно нашел решение. Причем там, где вовсе не надеялся его найти – на поварне. Та волшебная штука, которая заменяла местным холодильник – хладкамень. Во время беседы с поваром (тот интересовался самогонкой в качестве ингредиента), случайно было упомянуто, что существует и полная его противоположность – жаркамень. Эйхгорну даже такой показали – правда, совсем маленький, уже почти истощившийся и явно не пригодный для чего-то серьезного. Однако к середине луны в городе ожидали купца с такими камнями – и товар, несмотря на дороговизну, всегда пользовался спросом.

Вот теперь техническая мысль Эйхгорна заработала на полную катушку. Относительно небольшой предмет, постоянно выдающий очень высокую температуру. Без топлива, без какой-

либо внешней поддержки. При этом он постепенно уменьшается в размерах, фактически сжигая самое себя, но хватает его на довольно долгий срок.

Имея такую штуку, можно значительно упростить устройство ДВС. Не нужно подавать топливо извне. Не нужно его воспламенять. Можно убрать из конструкции карбюратор и множество других частей. Фактически, достаточно кривошипно-шатунного механизма… и некой дополнительной системы.

А какой бы шикарный на этих жаркамнях получился реактивный двигатель! Эйхгорн мысленно даже сделал зарубку в памяти.

Следующие двое суток он почти не вылезал с поварни. Неустанно экспериментировал с единственными в его распоряжении жаркамнем и хладкамнем – выяснял конкретные свойства, замерял уровень температур, испытывал их при взаимодействии с различными веществами и друг с другом.

И постепенно Эйхгорн пришел к чему-то крайне интересному. Однако то, что теперь крутилось у него в голове, уже совсем мало походило на двигатель внутреннего сгорания и требовало какого-то нового названия.

Термодвигатель, быть может?..

После того, как идея оформилась, Эйхгорн почти перестал спать. Ночь за ночью он просиживал над ворохом чертежей, создавая принципиально новый тип силовой установки. Задачка ему досталась та еще – не было ведь даже нормального кульмана, не говоря уж о компьютере. В смартфоне имелась парочка способных пригодиться программ, но он уже давно приказал долго жить.

К тому же следовало ориентироваться на здешние технологии. Только то, что можно сковать в средневековой кузнице. И хотя сковать там на поверку оказалось возможно больше, чем Эйхгорн думал, но далеко не все.

Взять хоть самые обычные винты и гайки. Пустячок, ерунда, но здесь подобного не найти днем с огнем. На Земле винты стали употребляться только в восемнадцатом веке – до этого их не было и там. А сделать такую фигулинку своими руками не так-то просто. Без специального станка – просто чудовищная морока.

Но Эйхгорн был не из тех, кого пугают трудности. И у него имелся нож выживания со множеством лезвий. День за днем он сидел в кузнице и терпеливо вытачивал наружную резьбу на кусочках стали.

– Мэтр, а для чего вам эти гвоздики с насечкой? – полюбопытствовал как-то Еонек.

– Это не гвоздики, а винтики, – ответил Эйхгорн.

– И для чего они?

– Завинчивать.

– Завин… чивать?..

– Вставлять так, чтобы потом не вываливалось, – слегка промедлил Эйхгорн.

Ну вот сами попробуйте объяснить, что означает слово «завинчивать».

Так или иначе, дело двигалось. Медленно, постоянно спотыкаясь на самых внезапных местах, но двигалось. Кольчугалюминиевые листы постепенно приобретали форму планера. Эйхгорн снова связался с тем медником, который сделал водовод для унитаза – искусный мастер немало помог в работе, хотя по деньгам драл нещадно.

Вообще, деньги утекали, как из лопнувшей трубы. Выигранные у речного тролля монеты очень пригодились, но Эйхгорн все равно не мог дождаться очередного Малахитового дня. Он сумрачно подсчитывал расходы, и выходило, что в итоге самолет обойдется в какие-то невообразимые суммы.

Один металл чего стоит!

А ведь предстояло еще приобрести жаркамень. Эйхгорну не требовался особенно крупный, но и совсем маленький не подходил. Для его модели термодвигателя был нужен камень примерно дециметрового диаметра. Исходя из предварительных расчетов, срок таяния такого составляет около трех лет, однако годен для работы он будет лишь первые полгода. Потом температура снизится ниже минимально необходимой.

По счастью, у купца, который привез их на базар в день Костяного Лебедя, нашелся как раз подходящий. Хотя выложить за него пришлось аж шесть золотых регентеров – настоящая обдираловка.

Впрочем, завидовать купцу не приходилось. Каково бы ни было происхождение этих жаркамней, действовали они круглосуточно, «выключить» их не получалось. Владелец держал их в специальном огнеупорном сундуке, но тот все равно раскалялся сильнее любой печи. Купец и двое его слуг ходили почти голышом и страшно потели, постоянно находясь рядом со своим товаром.

При этом жаркамни вполне можно было держать голыми руками. Да, горячие, но не обжигающе. Если использовать вместо грелки, можно даже ни во что не завертывать. Весь свой жар эти удивительные булыжники отдавали вовне, сами нагреться просто не успевая.

Эйхгорн приобрел камень чуть больше нужного размера. Он рассчитывал, что когда машина будет полностью закончена, тот

как раз достаточно сократится. Корпус для двигателя медник уже отлил – прекрасный бронзовый корпус. С традиционным ДВС эта штука не имела уже вообще ничего общего – по ходу работы Эйхгорн вносил все новые изменения.

Но она обещала заработать. Эйхгорн перепроверил расчеты четырежды. А потом на всякий случай еще и в пятый раз – на бумаге.

Дольше всего пришлось думать над приспособлением для сброса лишнего тепла. Именно потому, что жаркамень не выключался. В конце концов Эйхгорн пришел к своего рода задвижке – во время простоя та оставалась открыта, нещадно нагревая воздух вокруг. А после закрытия тепло жаркамня концентрировалось в ограниченном пространстве, и двигатель приходил в действие, заставляя крутиться пропеллер.

В отличие от фюзеляжа, пропеллер Эйхгорн сделал из дерева. Да и вообще постарался заменить деревом все, что возможно – его проще обрабатывать, и обходится не в пример дешевле. Сиденье, штурвал, педали, грузоотсек…

Часть металла удалось получить за так – в дворцовом арсенале имелся хороший запас железа и меди, – но алюминий там отсутствовал напрочь. Никель тоже. Их приходилось приобретать у королевских поставщиков, а те уж драли по три шкуры! Кое-что Эйхгорн даже выписал из-за границы.

Приобретая все новые материалы, расплачиваясь с медником, столяром, стеклодувом и другими мастерами, он иногда думал, что стоило все же купить ковер-самолет. Двести золотых – сумма немалая, но для придворного волшебника вполне подъемная.

Если запастись терпением.

Глава 30

Закончилась луна Лебедя и началась луна Тигра. В Парибул пришла весна – впрочем, от зимы она почти не отличалась. Разве что температура теперь даже по ночам стояла выше комнатной.

Эйхгорн, проведший в этом королевстве уже четыре месяца, рвался в дорогу. Он окончательно довел до ума свой термодвигатель, достроил планер и теперь подбивал последние мелочи.

Парашют, например – Эйхгорн не собирался подниматься без него в воздух. Он приобрел большой отрез плотной ткани и множество тонких веревок для строп, а вместо ранца использовал собственный рюкзак. Но даже несмотря на то, что запасным парашютом Эйхгорн решил пренебречь, создать действующую модель удалось далеко не сразу.

К тому же постоянно отвлекал король. По-прежнему уйма времени уходила на репетиторство, а тут еще всякая бессмысленная чепуха.

В день Свинцового Тигра, например, его величество вдруг решил, что королевству жизненно необходим герб. Строго говоря, у Парибула он уже был – два скрещенных меча и щит на синем фоне, – но Флексигласу Первому почему-то стало казаться, что это слишком скучно.

Так что он созвал советников и приказал составить новый герб. Никто из них не отличался художественными способностями и не увлекался геральдикой, так что дело шло вяло. К тому же в Парибуле не было никаких заметных достопримечательностей, он не был знаменит каким-то промыслом и не мог похвастаться богатой историей. Что помещать-то на герб?

Кравчий предложил поместить то единственное, чем Парибул славен – земные плоды. Сверху синий фон (небо), а снизу зеленый (трава). И на этом фоне тучного быка, брабулякра и картофелину.

Эйхгорн с предельно серьезным лицом предложил добавить по бокам золотые колосья, снизу – восходящее солнце, а в центре – скрещенные серп и молот. Мол, символизирует работящих вилланов и искусных мастеров.

Королю такое дополнение чрезвычайно понравилось. Он аж крякнул от удовольствия и велел немедленно нанять гербописца, чтобы в точности так все и нарисовал. А от себя добавил, что пусть бык и брабулякр поддерживают серп с молотом, а картофелина будет над ними. Так, мол, совсем хорошо.

В тот день Эйхгорн почти не продвинулся в постройке

самолета.

Но в конце концов наступила знаменательная дата. Стоящая посреди двора конструкция подошла к своему логическому завершению. Более или менее типовой моноплан – насколько возможно маленький, способный поднять не более центнера.

То есть самого Эйхгорна и еще килограммов тридцать.

Крыло Эйхгорн провел под фюзеляжем. Оперение сделал горизонтальным. Шасси – колесное, трехстоечное. С колесами пришлось немало повозиться – обычные тележные не подходили, а городской колесник упорно не понимал, чего придворный волшебник от него хочет.

Убираемое шасси Эйхгорн, конечно, даже не рассматривал. Слишком много возни. Какое-то время он вообще размышлял над тем, чтобы поставить полозья или сделать гидросамолет, но в конце концов вернулся к классической схеме.

Кабину Эйхгорн просмолил, снабдил ветровым стеклом (точнее, куском прозрачной слюды), установил простое деревянное сиденье и необходимый минимум средств управления. Штурвал, педали, ручку управления, рычаг запуска двигателя. Подумав, добавил еще и стопор – на случай, если вдруг пажи вздумают играть с приборами.

В итоге получилось нечто, похожее на слегка поврежденный Ил-2. Только одноместный и более грубых очертаний.

И безо всякого вооружения, разумеется.

Пробный выезд Эйхгорн совершил в день Замшевого Тигра. Пока без взлета – просто закрыл задвижку и покатался немного по двору, опробовал движок. Тот невыносимо долго разогревался, а когда наконец разогрелся – стал издавать кряхтящие хлопки, вызвавшие у пажей шумное гиканье. Те столпились вокруг крылатой машины и дружно ржали, пока Эйхгорн нарезал круги.

Король тоже соизволил выйти и милостиво покивать. Его придворный волшебник в кои-то веки сотворил настоящее волшебство. Жаль только, что оно издает такие неприятные звуки.

– Мэтр, а зачем твоя самоходная карета так громко пускает ветры? – полюбопытствовал король, когда Эйхгорн остановил самолет.

– Это не ветры, это особенности силовой установки, – мрачно ответил тот. – Постараюсь это исправить, когда буду работать над следующей моделью.

– Постарайся, постарайся. А то срам же какой-то. Покататься можно?

– Машина одноместная, двоих не поднимет.

– Вот все-то у тебя какое-то недоделанное, – вздохнул

король. – С ограничениями всякими. Опять звезды, что ли, неблагоприятно расположены?

– Нет, просто алюминия мало.

– Так ты еще наколдуй, – недоуменно посмотрел король. – Вот умный вроде человек, халат носишь, а элементарных вещей не понимаешь.

Эйхгорн вылез из кабины и придирчиво осмотрел свой самолет. Выглядел тот… неказисто. Некрашеный, собранный примитивными инструментами в примитивных условиях… даже немного стыдно подниматься на таком в воздух.

И лопасти пропеллера надо еще немного подточить…

Тем не менее, в целом машина готова к работе. Дождаться подходящей погоды – и можно отправляться в путь. Эйхгорн не ждал многого от своего творения, так что взлетать собирался в самых благоприятных условиях.

Только вот… чего-то еще не хватает. Какой-то последней мелочи, завершающей черточки…

– Мэтр, а как эта штука называется? – весело крикнула одна из фрейлин.

Эйхгорн задумчиво кивнул. Да, именно вот этого и не хватает. Он обмакнул кисть в банку с тушью, помедлил немного, вспомнил, какие звуки агрегат издавал во время работы, и вывел на борту: «Переперделка».

Его несуразному творению такое название подходило просто идеально.

Но по крайней мере оно ничем не пахло. Термодвигатель источал сильный жар, зато в плане ароматов был абсолютно нейтрален. Топливо в нем отсутствовало, а в качестве моторного масла Эйхгорн использовал растительное. Разумеется, не подсолнечное и не оливковое (да таких в Парибуле и не нашлось), а касторовое. Оно вполне годится на роль смазки.

Теперь осталось собрать вещи в дорогу и придумать отмазку для короля. Можно, конечно, просто уволиться, но Эйхгорн не знал, как король к этому отнесется. Да и не хотелось окончательно сжигать мосты – мало ли как дело обернется?

В качестве отмазки Эйхгорн избрал паломничество. Оно, как оказалось, играет в этом мире ту же роль, что на Земле туризм. Бывает двух видов – целенаправленное и поисковое. В первом случае пилигрим отправляется в определенное место – например, в священный Хастеллахешидд или Панденис, Город Всех Богов. Во втором случае пытается отыскать некую затерянную святыню – например, Зал Высшего Суда или Дом Загадок. Такой как бы турпоход без определенного маршрута.

Говорят, в древности был особенно популярен поиск

рукописного оригинала Ктавы – его искали с таким же упорством, как на Земле Святой Грааль. Однако девятьсот лет назад эту книжку таки нашли, и теперь она хранится в том самом Панденисе, столице Астучии.

Этим поводом Эйхгорн и воспользовался. Король, узнав, что его придворный чародей собрался в паломничество, недовольно покряхтел, но возражать не стал и даже велел казначею выдать отпускные.

– На могилу Бриара собрались, мэтр? – спросил тот, скупо отсчитывая золотые.

– На нее, – не моргнув глазом ответил Эйхгорн.

Он уже знал, что могила Бриара – главная святыня волшебников. Считается, что каждый уважающий себя чародей должен хотя бы раз в жизни посетить ее, почтить память величайшего в истории чудотворца.

Эйхгорн понятия не имел, где эта могила находится, но его это и не интересовало.

В тот же день Эйхгорн принялся упаковывать вещи – прежде всего, провизию. Три палки сухого говяжьего суджука – твердого, как камень, но способного храниться годами. Килограмм сушеного мяса – довольно вкусного. Куль сухарей – хорошо просоленных, хрустящих. Сушеный картофель – предварительно сваренный, нарезанный тонкими ломтями. Сушеный лук.

В итоге припасы заняли примерно половину грузоотсека. Около десяти килограммов мяса, хлеба и овощей (почти все – в сушеном виде) и пять литров воды. Из них два – в привезенной еще с Земли пластиковой бутылке, три – в большом кожаном мехе. Кроме того, термос с горячим кофе и кувшин особого королевского сидра.

Остальное Эйхгорн заполнил одеждой, лекарствами и инструментами. Прихватил купленную в книжной лавке карту северо-западной Сурении и приобретенную там же астролябию. Хотел еще взять и ландыш севера, но тому требовался горшок с землей, его требовалось поливать… слишком много возни. Уж лучше старый земной компас – какая по сути разница, что он указывает не на север, а на юго-восток?

Часть своих вещей Эйхгорн оставил в башне. Севший смартфон, зарядник, айпод, внешний аккумулятор… Все равно они больше не работают, незачем зря занимать место. Может, их найдет следующий придворный волшебник и тоже будет гадать, что это за волшебные вещи, как с ними обращаться…

А может, их просто выкинут на помойку.

Из техники при Эйхгорне остались только динамо-фонарик и диктофон. Первый заряжался от мускульных усилий, а второй

пока израсходовал только три батарейки. Было бы и меньше, если бы Эйхгорн делал аудиозаметки пореже.

Эйхгорну хотелось еще взять в дорогу что-нибудь почитать, но вес приходилось выверять чуть ли не по граммам. Очень уж маленькая грузоподъемность. Эйхгорн мог позволить себе роскошь взять одну книгу… только какую?

Немного поразмыслив, он прихватил единственную, что так и не прочитал – рукописный справочник мэтра Гвенью. Конечно, как раз почитать-то его и не выйдет, зато в большом городе его, возможно, удастся сбыть. Настоящие волшебники ведь должны быть заинтересованы в таких вещах?

Эйхгорн очень хотел пообщаться с настоящими волшебниками.

Оба амулета он, разумеется, тоже взял с собой. И сломанное дальнозеркало – в надежде найти кого-нибудь, кто сможет починить. Вещица-то чрезвычайно полезная, если уметь обращаться.

Словно по заказу, следующий день выдался на редкость безветренным. Эйхгорн распрощался с королем, с королевой, с королевскими детьми, с бухим принцем Шевузирдом, с Еонеком, с поваром, с портнихами, с эдилом, с казначеем и даже с суровым епископом. Прощались не навсегда – царедворцы полагали, что Эйхгорн просто съездит ненадолго в отпуск. Сам же он рассчитывал посмотреть, что там за границей, а потом действовать соответственно.

Чтобы при необходимости взять расчет удаленно, Эйхгорн узнал номер королевского дальнозеркала. Даже если свое починить не удастся, в большом городе уж наверняка найдется какая-нибудь… зеркальная будка?.. Что-нибудь в таком духе.

Распахнулись дворцовые ворота, и глашатай с двумя стражниками двинулись по улице – расчищать проезд. Эйхгорн скрупулезно рассчитал длину взлетной полосы, и по всему выходило, что главного городского «проспекта» хватит аккурат.

Если, конечно, в дело не вмешаются неучтенные переменные.

Нажимая деревянную, вырезанную собственноручно педаль, Эйхгорн подумал, насколько же все-таки его затея авантюрна. Подниматься в небо чужой планеты на самодельном, построенном в диких условиях аэроплане с совершенно новым типом двигателя…

Чудовищный риск. Безумие. «Переперделка» ведь даже не проходила полевых испытаний – это фактически опытный образец.

– Ну, помоги мне Кто-То-Там… – пробормотал Эйхгорн,

вытягивая на себя штурвал.

Оглушительные хлопки двигателя слились с людскими криками. Немного не доехав до базарной площади, самолет оторвался от земли и с воем устремился выше. Пропеллер гудел со страшной силой, в ушах свистал ветер, а под крылом пронеслась крепостная стена.

Обернувшись к оставшемуся внизу городку, Эйхгорн самодовольно подумал, что он все-таки гений. Ну или как минимум самородок. Выполнить такую задачу – это многого стоит.

Хотя будет очень иронично, если двигатель сейчас откажет, и самолет рухнет.